

ГЕОРГИЙ ЗАЙЦЕВ

ДОМЦОДЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

78 ДНЕЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ

ДОМАЦОВЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

78 дней

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ

ГЕОРГИЙ ЗАЙЦЕВ

РОМАНОВЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

78 ДНЕЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОКРАТ»
1998

**ББК 84Р7
3-35**

Редактор Е. С. ЗАШИХИН

Зайцев Г. Б.

Романовы в Екатеринбурге. 78 дней: Документальное повествование.— Екатеринбург: «Сократ», 1998.— 240 с.; 8 с.: ил.

ISBN 5-88664-025-8

В пер.: 5000 экз.

Анализируя множество отечественных и зарубежных исторических исследований, мемуаров и архивных документов, автор дает свою версию июльской трагедии 1918 года — расстрелу Николая Романова и его семьи.

День за днем, а в ходе суток, предшествующих царевичеству, и час за часом Георгий Зайцев скрупулезно восстанавливает обстоятельства пребывания бывшего российского царя в Екатеринбурге.

Давняя теперь уже история — и 78 дней, которые Романовы прожили в нашем городе; и само злодеяние, совершенное в подвале дома Ипатьева; и попытка царевичей замести следы своего преступления — по-прежнему в центре общественного внимания. И не только потому, что в этом году печальный юбилей — 80-летие расстрела, но и по причинам более злободневным: сегодняшняя дискуссия об останках царской семьи и месте их захоронения.

**З 4603010000—005 6—98
71E(03)—98**

ББК 84Р7

ISBN 5-88664-025-8

© Издательство «Сократ», 1998

© Зайцев Г. Б., 1998

© Григоркин С. Н., оформл., 1998

Правда о смерти царя — это правда о страданиях России.

Н. Соколов, следователь
по особо важным делам

Об этих днях, завершающих земной путь одиннадцати человек, написано несметное количество книг и брошюр, журнальных и газетных статей, поставлено немало кинофильмов и пьес. Об этих днях ходят самые невероятные легенды, доверчиво воспринимаемые сотнями тысяч людей. О них спорят историки и политологи, краеведы и журналисты, кинорежиссеры и писатели, миряне и священники, профессионалы и «просто» любители. О последних чуть подробнее, ведь невероятный сумбур, внесенный дилетантами, причинил, пожалуй, наибольший вред объективному расследованию произошедшего в эти дни, ибо это они, любители, придумали и чудесное спасение кого-то из этих одиннадцати, и расстрел совсем других лиц взамен...

Эти семьдесят восемь дней в Екатеринбурге касаются семи человек бывшей императорской семьи Романовых и четверых из тех приближенных лиц, что разделили с ними последнее заключение в доме горного инженера Николая Николаевича Ипатьева в лето далекого 1918 года. Вот их имена:

- Николай Александрович Романов, бывший император Николай II, родившийся 19 мая ¹ 1868 года;
- Александра Федоровна Романова, бывшая императрица, до крещения принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская, родившаяся 7 июня 1872 года;
- Алексей Николаевич Романов, бывший наследник-цесаревич, родившийся 12 августа 1904 года;
- Ольга Николаевна Романова, бывшая великая княжна, родившаяся 16 ноября 1895 года;
- Татьяна Николаевна Романова, бывшая великая княжна, родившаяся 11 июня 1897 года;

¹ Даты в перечне приводятся по старому стилю (примеч. ред.).

Мария Николаевна Романова, бывшая великая княжна, родившаяся 27 июня 1899 года;

Анастасия Николаевна Романова, бывшая великая княжна, родившаяся 18 июня 1901 года;

Евгений Сергеевич Боткин, бывший лейб-медик императорской семьи, родившийся 27 мая 1865 года;

Анна Степановна Демидова, комнатная девушка бывшей императрицы, родившаяся 14 января 1878 года;

Алексей (Алоизий) Егорович Трупп, камердинер бывшего императора, родившийся 8 апреля 1856 года;

Иван Михайлович Харитонов, повар императорской семьи, родившийся 30 мая 1870 года.

У всех одиннадцати одна дата смерти — 17 июля 1918 года. Николаю Александровичу едва минуло пятьдесят, Александра Федоровна за месяц и десять дней до смерти отпраздновала свое 46-летие, Татьяне за месяц и пять дней до роковой даты пошел 22-й год, Анастасии за месяц до казни исполнилось 17, а за двадцать дней до расстрела другой дочери — Марии — стало 19. Алексей не дожил двух месяцев до своего 14-летия.

Вряд ли сейчас, спустя многие десятилетия, можно найти принципиально новые документы, несмотря на все потуги искателей. Все разложено по полочкам времени — по людям, по событиям, по «красной» и «белой» стороне воевавших.

Мемуаристика тех дней настолько запутана, что только диву даешься, насколько одно и то же событие трактуется по-разному его очевидцами, насколько по-разному одни и те же рассказы этих очевидцев доходят до нас в разных источниках. Тем больший разницей у тех, кто на этой базе делает обобщения.

Весь огромный объем источников, касающихся 78 дней екатеринбургской трагедии, можно разделить на три группы.

Первая из них — самая малочисленная, но и самая точная. Это та часть, которая была написана или сообщена авторам непосредственными участниками событий. Здесь сохранившиеся дневники членов императорской семьи, свидетельства лиц, так или иначе связанных с Романовыми как в последние дни тобольского сидения, так и бывшими в то время в Екатеринбурге. Это «памятные» записки тех, кто охранял ипатьевских затворников, расстреливал их или уничтожал следы преступления.

Правда, и здесь не обошлось без фальсификаций. Так, например, записка-«мемуар» одного из непосредственных участников событий Петра Ермакова состоит из двух частей, рассказывающих об одних и тех же событиях с интервалом примерно в десять лет. Достаточно сравнить эти части, чтобы убедиться, насколько по-разному описано царевубийство, и в особенности личный вклад каждого из расстрельщиков (не случайно, что в фондах музеев страны хранится не одна единица оружия — причем разных марок, — из которого именно якобы был убит император). Так что лжи и среди этих источников много. Однако к этой группе относятся и бесспорно великий труд следователя Н. Соколова «Убийство царской семьи»¹, и двухтомное исследование генерала М. Дитерихса «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале», и воспоминания Пьера Жильера, воспитателя наследника Алексея, «Трагическая судьба Николая II и царской семьи».

Вторая группа — это записи, если можно так сказать, из вторых рук. Пересказ чьих-то неопубликованных свидетельств, разбросанных почти по восьми десятилетиям. Время и субъективное отношение авторов накладывало на них свой отпечаток. Отечественные источники излагали это с позиций одной концепции, а зарубежные — с противоположной. В этих источниках рациональное зерно — факт свидетельства, хотя и здесь приходится подходить критически, ибо факты могут быть искаженными. Пожалуй, самый яркий пример такого искажения — воспоминания сына о своем отце-художнике, некогда опубликованные в одной из газет Екатеринбурга. Этот художник якобы присутствовал при прибытии «первой партии» Романовых в город и утверждал, что сам видел там... цесаревича Алексея, чего, конечно же, не могло быть. Это лишний раз подтверждает, что подобного рода «свидетельства» тоже бывают весьма ненадежными.

Наконец, к третьей группе источников, а числа им нет, относятся все труды, написанные спустя значительное время после тех дальних лет. Их авторы в своем подавляющем большинстве никогда не видели участников трагических событий и работали лишь с различными архивными материалами, всячески интерпретируя их.

¹ Выходные данные называемых в тексте источников читатель найдет в конце книги, в разделе «Библиография» (примеч. ред.).

К этой группе относятся самые популярные, пожалуй, или, по крайней мере, наиболее известные у массового читателя книги: это монография Михаила Касвинова «Двадцать три ступени вниз» и ряд исследований Эдварда Радзинского о жизни и смерти Николая II и многие другие.

К сожалению, у большинства из этой группы авторов многое идет от элементарного непрофессионализма.

Доходит до курьезов, когда, к примеру, один из авторов с серьезным видом рассуждает о том, куда же исчез конец дневника Николая II, поскольку он обрывается датой 30 июня. «Куда девалось две недели записей?» — недоумевает автор этого исследования. «Не иначе как она изъята чрезвычайкой», — отвечает он сам себе. И невдомек ему, что экс-император датировал записи по старому стилю, так что 30 июня в дневнике соответствует 13 июля нового стиля, и автору дневника оставалось жизни всего три дня. Подобных просчетов у этой группы «исследователей» огромное количество, а их труды чаще всего представляют интерес лишь в той части, где цитируются пусть и второстепенные, но неизвестные ранее документы. Заметим, что и при прямом цитировании подлинных документов истина порой искажается до неузнаваемости (сравните, к примеру, между собой разные издания дневника Николая II или переводы дневника Александры Федоровны!).

Надо ли говорить, что такого рода труды нанесли серьезный вред объективному исследованию.

Впрочем, надо признать и то, что сегодня писать о екатеринбургской трагедии очень сложно уже потому хотя бы, что самое главное уже сказано теми, кто писал по свежим следам в начале 20-х годов. Пожалуй, лишь одному Г. Рябову удалось сделать новооткрытия материалов, которые он исследовал в лотах английской аукционной фирмы «Сотбис».

Чему же посвящен настоящий труд? Еще один вариант трагедии, рассматриваемой сквозь пепелище давно остывших костров Ганиной Ямы? Еще один аспект юридического обоснования правоты или беззакония содеянного? Еще одно прослеживание далеко идущих нитей политического события? Ни то, ни другое, ни третье. Автор сразу оговаривается: читатель будет, вероятно,

разочарован тем, что здесь нет новых сенсаций. События екатеринбургского периода будут описываться в строгом соответствии с документами, и они цитироваться будут такими, какими их тогда составили. В случаях, где у автора возникают сомнения, эти цитаты будут «корректироваться» другими свидетельствами. Здесь будет приведено большое количество материалов: дневники, записки, документы и, конечно, воспоминания, между которыми автор будет осторожно высказывать свое мнение, воссоздавая дух тех дней. Ссылок на страницы не будет, но все это взято из уже опубликованных материалов, основной список которых приложен к настоящему труду.

Документальное повествование будет идти, если можно так сказать, не по горизонтали событий, а по вертикали, в хронологическом порядке прожитых дней, для того чтобы читатель мог проследить все то главное, что происходило с узниками Ипатьевского дома в завершающие 78 дней жизни, что осталось им провести на этой земле. А последние дни в надежных каменных стенах Дома особого назначения расписаны даже по часам.

Не будет в этом труде ни обобщений, ни политического анализа, также как не будет рассуждений по поводу того, чей это заговор и с чьего молчаливого согласия совершилось злодеяние. Имена прямых и косвенных виновников перечислены у Н. Соколова и М. Дитерихса, и автор не собирается ломиться в открытые двери — история уже вынесла свой приговор тоталитарному режиму большевизма. Так что пусть сам читатель осмысляет содеянное людьми.

Повествование состоит из двух неравнозначных по объему частей. Первая из них начинается во вторник 30 апреля 1918 года, когда первую партию Романовых привезли в Екатеринбург, и завершается концом июля этого же года, когда полковник Войцеховский ввел в город передовые части Сибирской армии. Вторая часть переносит на 60 лет позже, когда начались поиски захоронения убитых в Ипатьевском доме.

Мученики, прошедши через многие виды мучений, явили силу непобедимого мужества, подчинившись и самой смерти насильственной: после этого они удостоиваемы были венцов.

Преподобный Макарий Великий ¹

День первый

Вторник 30 апреля (17 по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 49 минут,
заход в 21 час 7 минут,
долгота дня 15 часов 18 минут.

Православная церковь отмечала Великий Вторник Страстной недели и память святомученика Симеона, епископа Персидского, мучеников Авддея и Анания, преподобного Зосима, игумена Боловецкого.

Это был день приезда в Екатеринбург первой партии узников, и его подробным образом описали с десятков участников этого события. Николай II начал запись в своем дневнике словами: «Тоже чудный теплый день. В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые, и поезд перешел к другой — товарной станции».

Если принять на веру временной отсчет (а Николай II был человеком пунктуальным), то вся процедура заняла около пяти часов. Но это свидетельство изнутри литерного поезда № 42, и многого Николай II не видел, не зная деталей того, что случилось. Обратимся к тому, кто был снаружи и охранял узников в пути из Тобольска — комиссару К. Мячину (он же — Яковлев): «30 апреля утром без всяких приключений мы прибыли в Екатеринбург. Несмотря на раннее наше прибытие, екатеринбургские платформы были запружены народом. Как это вышло, что население узнало о нашем предстоящем приезде, мы не знали. Особенно большие толпы любо-

¹ В одной из книг, принадлежащих Романовым, процитированные слова подчеркнуты.

пытных были сосредоточены на товарных платформах, куда продвинули наш состав. Поезд стоял на пятой линии от платформы. Когда нас увидели, стали требовать вывести Николая и показать им. В воздухе стоял шум, то и дело раздавались угрожающие крики: «Задуть их надо! Наконец-то они в наших руках!» Стоявшая на платформе охрана весьма слабо сдерживала натиск, и беспорядочные толпы начали было надвигаться на мой состав. Я быстро выставил свой отряд вокруг поезда и для острастки приготовил пулеметы. К великому моему удивлению, я увидел, что во главе толпы каким-то образом очутился сам вокзальный комиссар. Он еще издали громко закричал мне: «Яковлев! Выводи Романовых из вагона. Дай я ему в рожу плону».

Положение становилось чрезвычайно опасным. Толпа напирала и все ближе подходила к поезду. Необходимо было принять решительные меры. Я отправил к начальнику станции Касьяна с требованием немедленно поставить между платформой и составом какой-нибудь товарняк, а наш поезд отправить на станцию Екатеринбург-2.

Крики становились все более грозными. Чтобы на время, пока придет Касьян, образумить толпу, я как можно громче крикнул своему отряду: «Приготовить пулеметы!»

Это подействовало. Толпа отхлынула, по моему адресу тоже полетели угрожающие крики. Тот же вокзальный комиссар иступленным голосом вопил: «Не боимся мы твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены! Вот, видишь, стоят на платформе».

Я посмотрел в указанную сторону. Действительно там шевелились жерла трехдюймовок, и кто-то около них копошился. Пока я таким образом обменивался любезностями, стараясь так или иначе выиграть время, вернулся Касьян, который, несмотря на всю проходившую суматоху, добился от начальника станции исполнения требования. Тут же вскоре за приходом Касьяна мы увидели: в нашу сторону движется поезд. Через несколько минут мы были уже отделены от бушующей толпы стеной вагонов. Послышались крики и ругань по адресу машиниста товарного поезда, и, пока толпа перебиралась в нашу сторону через буфера товарняка, мы, имея уже прицепленный паровоз, снялись с места и исчезли в бесчисленных путях Екатеринбургской станции, а

через 15 минут были в полной безопасности на Екатеринбург-2».

Это описание с внешней стороны литерного поезда № 42 достаточно полно дополняет то, что было пережито внутри вагона царственными узниками. Но есть еще одно важное свидетельство человека, который принимал участие как во внешних, так и во внутренних событиях, — это записки начальника охраны поезда П. Матвеева. Вот как он описывает эти же самые события:

«Подъезжая к станции Екатеринбург, я велел своим ребятам приготовиться, а сам оделся, вышел на площадку вагона для того, чтобы проинструктировать поставленных часовых. Потом вернулся обратно в вагон. В это время вижу, Николай Романов выходит из купе, где помещался я и другие товарищи. Там в этот момент никого не было. Романов обратился ко мне и говорит: «Простите, Петр Матвеевич, я у вас без разрешения отломил кусок черного хлеба». Я предложил Романову белой булки, которую ребята купили на одной из станций, т. к. знал, что горбушка черного хлеба, лежащая на столике нашего купе, была суха до последней степени и ее уже несколько раз собирались выбросить на станции собакам. Но я посмотрел на Романова и увидел, что он сильно взволнован и грызет корку, наверное, больше от волнения... Поезд стал замедлять ход. Романов вдруг меня спрашивает: «Петр Матвеевич, этот вопрос определенно решен, что я остаюсь в Екатеринбурге?» Получив от меня утвердительный ответ, он сказал: «Я бы поехал куда угодно, только не на Урал». Я ему тогда задал вопрос: «А что же, Николай Александрович, не все ли равно, в России — везде Советская власть». Но на это он мне сказал, что все-таки остаться на Урале ему очень не хочется и, судя по газетам, издающимся на Урале, как, например, по «Уральской рабочей газете», Урал настроен резко против него.

В этот момент наш поезд остановился. Я вошел в купе, где помещалась Александра Федоровна и дочь ее Мария, и предупредил их, что на станцию, наверное, наберется много рабочих, а поэтому чтобы не было каких-нибудь инцидентов предложил им занавески у окон держать опущенными и в окна вагона ни под каким видом не выглядывать. Романов дал слово, что это приказание будет выполнено, но все-таки не полагаясь на

его обещание, на всякий случай, я поставил к ним в купе часового.

После этого я вышел из вагона. Тут мне представляется такая картина: со всех сторон города толпы народа бегут на станцию, узнав, что привезли бывших царя и царицу.

Перед нашим поездом была поставлена цепь солдат, но справиться с этой многочисленной толпой было весьма затруднительно. Собравшиеся екатеринбуржцы требовали показать им Николая и «Николашиху», как они говорили, но выполнить это желание толпы не представлялось никакой возможности.

Через короткий промежуток времени является железнодорожная комиссия по проверке прибывших в Екатеринбург поездов с требованием допустить осмотреть весь состав нашего поезда. На это тов. Яковлев категорически заявил, что он не только никого не допустит в поезд, но и отказывается даже давать какие бы то ни было справки.

Комиссия настаивала, но ничего не добилась, в поезд ее не пустили. Тов. Яковлев, видя, что здесь произвести сдачу Романовых областному Комитету Урала невозможно, т. к. собравшаяся колоссальная толпа все равно не даст возможности это сделать, решил отъехать со всем поездом на станцию Екатеринбург-2, что и было выполнено».

В этих длинных фрагментах довольно подробно описано все самое главное из тех трех часов стояния на станции Екатеринбург-I. Мы лишь будем суммировать события. В 8.40 поезд прибыл к главному вокзалу города со стороны тюменского направления, проехав незадолго до этого станции Екатеринбург-II и Екатеринбург-III. Он был принят на пятый путь к грузовой платформе. Это тот самый вокзал, что и ныне пропускает через себя не один миллион пассажиров в год. Правда, с тех пор он трижды перестраивался и достраивался, но платформа, где бесновалась толпа, и ныне встречает приезжих на первом пути. Пятый путь тоже тот же, но вблизи за ним, с северной стороны, в то время была грузовая платформа. Она действовала еще в послевоенные годы, когда на нее в 1947—1948 годах привезли репатриантов из Китая. Но сейчас тут находится пятая платформа. Сюда и прибыл литерный поезд № 42, состоявший из паровоза и шести вагонов.

Удивление охраны прибывшего поезда не случайно — поезд двигался строго конспиративно, и время его прибытия было известно лишь очень узкому кругу лиц. Откуда же взялась толпа на платформах слева и справа? Может, кровавая развязка была запланирована на этот день от рук безликой толпы? Ведь точно по такому же сценарию осенью 1917 года привезли в Рахимьяки бывшую фрейлину царицы А. Вырубову и оставили наедине с возбужденной толпой. А может, просто русское разгильдяйство? Кто-то кому-то шепнул по секрету, и лавина этого шепота привела к всеобщей осведомленности?

Профессор Академии Генштаба Михаил Иностранцев, который находился тогда вместе со своим учреждением в Екатеринбурге, вспоминал: «О прибытии Царской семьи в Екатеринбург служащим и слушателям Академии было известно заблаговременно, а именно приблизительно за неделю до прибытия туда несчастных узников». Э. Радзинский, ссылаясь на воспоминания «квартирного комиссара» Жилинского, пишет, что, дабы дезинформировать население, пригнали машины к станции Екатеринбург-1, а высадить должны были совсем в другом месте. Тогда зачем Романовых везли на главный вокзал? Не вяжется что-то.

В какой-то степени раскрывает эту суматоху с автомобилями водитель одного из них П. Самохвалов: «...К нам в гараж явился комиссар печати (Воробьев.— Г. З.) ...потребовал от нас, чтобы мы немедленно подавали бы четыре автомобиля. Мы отказались ехать, потому что у нас не было бензина. Но комиссар печати достал, кажется, из какой-то типографии пуд бензина, и мы поехали на трех легковых и одном грузовом автомобиле... Мы же все поехали по указанию комиссара печати, ехавшего вместе с нами к дому на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка... Из дома вышел комиссар Голошкекин, комиссар Авдеев и еще какие-то лица... Сели в автомобиль, и мы все поехали на станцию Екатеринбург-1, здесь от народа я услышал, что в Екатеринбург привезли царя. Голошкекин сбегал на станцию и велел нам ехать на Екатеринбург-11».

Нервозное состояние охраны поезда отлично передано в уже процитированных словах К. Мячина, остается лишь представить, каково было сидеть узникам те 180 минут внутри запертого вагона. Долго шли раздра-

женные переговоры, возбужденные выкрики, затем перецепляли паровоз, подогнали товарняк для защиты, и лишь в половине двенадцатого измученных людей повезли на запасной вариант разгрузки.

Проследим дальше за событиями.

Николай II: «После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом Ипатьева. Мало-помалу подъезжали вещи, но Валю не выпустили».

Надо пояснить, что *Валя* — это гофмаршал двора, генерал-майор Валентин Александрович Долгоруков (а не Александр Васильевич, как утверждает Н. Росс). Отец Георгий Шавельский, последний протопресвитер Русской армии и флота, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1923 году, писал: «Гофмаршал князь В. А. Долгоруков был бесконечно предан государю. Его честность и порядочность во всех отношениях были вне всяких сомнений». По ритуалу он должен был замещать Министра Двора в отсутствии и сидеть напротив императора при завтраках, обедах и ужинах. Т. Мельник-Боткина в своих мемуарах утверждала, что именно Долгорукову было поручено хранить те 80 тысяч рублей семейного бюджета Романовых, что позже Свердлов припишет как изъятые при обыске Николая II. Мало того, он захватил с собой из Тобольска револьвер, о чем Боткин сообщает с укоризной: «Татищев и все остальные его отговаривали, говоря, что это только повлечет к недоразумениям, но он не послушался их совета». Мы еще вспомним о Долгорукове, а пока — его прямехонько увезли в екатеринбургский тюремный замок.

Как свидетельствовал К. Мячин, вся поездка от станции Екатеринбург-1 до места разгрузки заняла 15 минут. Следовательно, около полудня поезд прибыл к своей конечной точке. Далее начинаются разночтения.

К. Мячин: «Посланный мною курьер в Совет к Белобородову вернулся и сообщил, что сейчас придут автомобили и представители Совета. Минут через 20 прибыли Белобородов, Голошекин и Дидковский. Белобородов вошел ко мне в вагон. Наша встреча была чрезвычайно сухая. Видно, Москва дала им всем хорошую головомойку — это чувствовалось по каждому шагу.

Все формальности передачи Романовых председателю Уральского Совета проделаны молча. Белобородов, как председатель Уральского Совета, написал расписку в получении от меня таких-то лиц».

Уже известный нам П. Матвеев излагает эти события чуть подробнее: «Туда прибыли к нашему приезду члены Уральского областного комитета гг. Белобородов, Голошекин. Дидковский и несколько других товарищей (видимо, среди них уже стояли будущие убийцы? — Г. З.).

Здесь у меня произошел последний разговор с Николаем Романовым. Когда бывший царь узнал, что сейчас за ним приедут члены Областного Совета Урала, Николай подошел ко мне и говорит: «А как же вы, Петр Яковлевич, остаетесь в Екатеринбурге или вернетесь обратно в Тобольск?» Я ответил, [что] я их оставлю и вернусь в Тобольск. Разговор этот услышала Александра Федоровна, вышла из купе и стала просить, чтобы я передал оставшимся в Тобольске их детям привет и сказал бы им, что доехали до Екатеринбурга благополучно и остаются на Урале. К ее просьбам присоединился и Николай».

Пока разночтение одно — К. Мячин пишет, что послал посыльного в Совет, П. Матвеев утверждает, что их уже встречали. Совет находился в здании бывшего Сибирского банка на Кафедральной площади, в самом центре города. Это от станции Екатеринбург-II примерно 2600 м по самой короткой дороге. В обе стороны это свыше 5 км, а посыльный вернулся один. Следовательно, ожидание здесь было свыше часа и представители Уралсовета явились не ранее часа по полудню (помните, К. Мячин писал, что через 20 минут после возвращения посыльного приехали члены совета). Это подтвердил и шофер П. Самохвалов — они приехали на станцию, когда вагон уже стоял там. Казалось бы, это пустяк в общем рассуждении, но ведь начальство не менее четырех часов как уже было информировано о прибытии узников. Не могли же им не доложить о трехчасовом стоянии на главном вокзале города. Да и комиссар Жилинский что-то бормотал о заранее продуманном плане.

По-иному несколько важных деталей сообщает еще один непосредственный свидетель событий — А. Авдеев: «Поезд наш был оставлен на товарной станции Екатеринбург-3, не доезжая 2 верст до главного вокзала. Нас

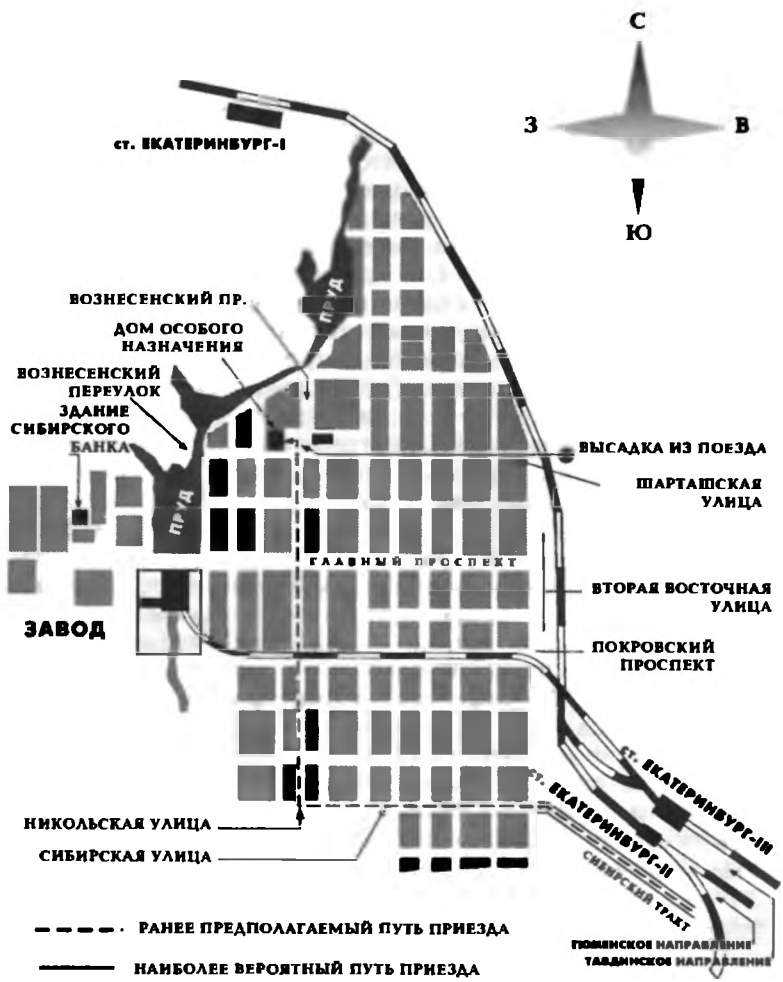

Схема прибытия первой партии Романовых в Екатеринбург

уже ожидали там гг. Белобородов, Голошекин и Дидковский — руководители Уральского Совета.

Вся территория станции была оцеплена кордоном красногвардейцев». Чувствуете разницу? Литерный 42-й прибыл не на Екатеринбург-II (ныне Шарташ), а на Екатеринбург-III!

Станции Екатеринбург-III на картах 1924 года уже нет, но на картах 1922 года она еще нанесена. Дело в том, что между выходами Покровского проспекта и Малаховской улицы на Вторую Восточную (соответственно сейчас: ул. Малышева, Энгельса и Восточная) железная дорога раздваивается на две ветки: южную — Тюменскую, по которой литерный поезд и приехал на станцию Екатеринбург-I, и на северную — Тавдинскую. На каждой из веток стояло по товарной станции: Екатеринбург-II на тюменском направлении, а Екатеринбург-III — на тавдинском. Можно верить Авдееву, когда он записывал «поезд наш был остановлен на товарной станции Екатеринбург-3, не доезжая 2 верст до главного здания». Следовательно, выгрузка шла на восточную сторону полотна. Это подтверждается и известной картиной В. Пчелина. Еще в 1927 году, когда многие из участников событий были живы, он написал полотно «Передача Романовых Уральскому Совету». На заднем плане этой картины изображен литерный поезд, стоящий паровозом справа налево, то есть станция слева от движения поезда, в то время, как станция Екатеринбург-II располагается справа от движения. Если вспомнить из описания К. Мячина, что на станции Екатеринбург-I паровоз перецепляли и поехали назад, то станет ясным, почему он так необычно изображен. Следовательно, Романовы выходили на левую сторону по движению поезда, примерно в двух километрах севернее станции. Так можно выйти только на станции Екатеринбург-III у выхода Шарташской улицы на все ту же Вторую Восточную улицу. Это был самый короткий путь к дому Ипатьева.

Есть еще один вариант, который, скорее всего, был бы использован, если бы узники прибыли на станцию Екатеринбург-II. От станции шла прямая ветка по Покровскому проспекту к ремонтным мастерским Пермской железной дороги в самом центре города (там, где сейчас Исторический сквер). Там перегрузить Романовых на

автомобильный или гужевой транспорт было проще простого. Во-первых, сплошная каменная стена мастерских надежно бы изолировала событие от посторонних глаз. Во-вторых, оттуда до дома Ипатьева было всего три сотни с небольшим метров. Однако этого не сделали, потому что Романовы никогда на станции Екатеринбург-II не высаживались.

Акт передачи был закреплен документом, содержание которого неоднократно публиковалось:

«Раб. и Кр. Екатеринбург, 30 апреля 1918 г.
правит.
Росс. Федер.
Респ. Совет.
Урал. Обл. Сов.
рабочих
кресть. и солд.
депутатов
Президиум №1

РАСПИСКА

1918 г апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб. Кр. и Солд. депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывшую великую княгиню Марию Николаевну Романову для содержания под стражей в г. Екатеринбург.

А. Белобородов,
член Обл. Исполн. комитета
Б. Дидковский».

Простим авторам расписки неверное величание «великая княгиня» вместо «великая княжна» и попытаемся установить, как двигались узники к Дому особого назначения, как называли дом Ипатьева. Почитаем документы.

Николай II: «Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы втроем сели в мотор

и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева».

А. Авдеев излагает эту поездку точнее: «Передав Яковлеву расписку о принятии им быв. царя, Белобородов пригласил Николая сесть в один из автомобилей, в котором сел с ним сам и рядом усадил меня. На втором же автомобиле ехала Александра Федоровна, дочь Мария, тт. Голошекин и Дидковский». Интересная деталь: все пассажиры этих двух автомобилей, кроме Авдеева, насильственно уйдут из жизни.

Шофер первого автомобиля П. Самохвалов позже тщательно описал следователю Н. Соколову внешность арестованных: «Я хорошо помню, Государь был одет в шинель солдатского сукна, т. е. цвета солдатского сукна, как носили в войну офицеры. Я хорошо помню, что погон на ней не было, помнится мне также, что пуговицы на его шинели были защитными. Фуражка его была офицерского фасона из защитного сукна с козырьком также защитного цвета и таким же ремешком, но сукном ни козырек, ни ремешок обшиты не были. Государыня была в черном пальто, пуговиц на нем не заметил. Княжна также была в каком-то темном пальто».

Теперь, после установления места высадки узников литературного поезда, можно предположить весьма достоверно их маршрут к дому Ипатьева. Если допустить-таки вариант со станции Екатеринбург-II, то кратчайший путь будет по Сибирскому тракту, а затем Никольской улице и Вознесенскому проспекту до Вознесенского переулка (соответственно ул. Куйбышева, Белинского, Карла Либкнехта до пер. Клары Цеткин). Этот маршрут пройдет через самые людные улицы и перекрестки тогдашнего города. Но читатель заметил, что Николай-II записал: «поехали пустынными улицами», а было это где-то между часом и двумя пополудни. Куда исчезли городские обыватели? Это наводит на мысль, что везли третьестепенными боковыми улицами, и в случае варианта с Екатеринбургом-III логически получается вполне приемлемый маршрут: везли по Шарташской улице до Вознесенского проспекта, ибо продолжением этой улицы по западную сторону от Вознесенского проспекта и был Вознесенский переулок! Дом Ипатьева как раз стоял на этом углу, а напротив его, по южную сторону переулка, стоял дом Попова, где позже разместились

охрана. Расстояние здесь составляло каких-то 1300 м по прямой, и для машин того времени это было всего четыре минуты хода. Поэтому-то никто этот малопримечательный маршрут и не описал.

Итак, двумя машинами где-то около двух часов полудни кортеж прибыл к роковому месту назначения. А. Авдеев вспоминал: «Автомобили остановились у углового дома на Вознесенском проспекте, принадлежавшем инженеру Ипатьеву. Остальные все подъехали к главного вокзала: из них в дом были допущены двое слуг, фрейлина Демидова и доктор Боткин». Двух слуг мы знаем поименно: Чемодуров и Седнев — они упоминаются в дневнике Николая II.

Более пространно об этом сообщил П. Самохвалов — шофер первого автомобиля: «...Мы поехали к тому самому дому, обнесенному забором... Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали к дому, Голощекин сказал Государю: «Гражданин Романов, Вы можете войти». Государь прошел в дом, таким же порядком Голощекин пропустил в дом Государыню и княжну и сколько-то человек прислуги, среди которых, как мне помнится, была одна женщина... Когда Государь был привезен к дому, около дома стал собираться народ, я помню Голощекин кричал тогда: «Чрезвычайка, чего вы смотрите?» Народ был разогнан».

Итак, земное путешествие Романовых было окончено. Здесь через 78 дней над ними свершится кровавое преступление, а пока события идут своим чередом — день еще не кончился, и им многое еще предстоит пережить.

Ставший с тех пор всемирно известным Дом особого назначения был построен в самом конце XIX века и приобретен в начале 1918 года у некоего М. Г. Шаравьева преуспевающим и талантливым екатеринбургским горным инженером Николаем Николаевичем Ипатьевым. В то время в городе часто называли этот дом фамилией его первоначального владельца — «Дом Поппеля», но после описываемых нами событий никто старое имя уже не вспоминал, хотя новый хозяин и владел-то им всего два с небольшим месяца. Лишь один раз в протоколе осмотра дома следователем Наметкиным он называется своим старым именем.

Сам Н. Ипатьев поселился на верхнем этаже, а в нижнем предполагал разместить контору местного агентства

по черным металлам. В 1918 году Н. Ипатьеву минуло 47 лет, он прожил после этого долгую жизнь, и прах его покоится на Пражском православном кладбище. В своей беседе с корреспондентом газеты «Венки» в 1928 году он рассказывал, каким образом его дом был реквизирован советской властью. Он сообщил, что весну 1918 года он проводил на курорте в 120 верстах от Екатеринбурга. В его же доме жили знакомые из Петрограда. Они получили 27 апреля 1918 года распоряжение от екатеринбургского Совета очистить дом в течение 24 часов. Одновременно с получением этого приказа вокруг дома стали строить высокий деревянный забор. «Узнав о распоряжении о выселении из дома, я,— рассказывал Ипатьев,— немедленно вернулся в Екатеринбург и подал протест Совету, указав, что в такой короткий срок дом освободить нельзя. После этого ко мне явился председатель областного Совета Белобородов и председатель местного совета Чвекаев (очевидно, Чупкаев.— Г. З.), с которыми было достигнуто соглашение о продлении срока передачи дома». Так или иначе, но хозяин дома уже 28 апреля получил сохранную расписку на оставшуюся мебель и белье. Все остальное заглобировали в угловой полуподвальной комнате, рядом с той, где позже произойдет убийство. Вернулся хозяин дома лишь 1 августа 1918 года.

Дом стоял на косогоре Вознесенской горки и был разноэтажным: в сторону Вознесенского проспекта он имел полуподвальный и первый этаж, а в сторону сада, выходящего на Колобовскую улицу (ул. Толмачева),— двухэтажным с красивой деревянной верандой, а между этажами действительно было 23 ступеньки по количеству годов царствования Николая II.

План дома подробно изложен и в труде Н. Соколова, и в воспоминаниях П. Жильяра. Все остальные исследователи переписывали оттуда. Подробную характеристику дома дал и Николай II в своем дневнике в день приезда: «Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркой без дверей...»

Когда все вошли в дом, то начался еще один драматический эпизод в жизни затворников. Первое заявление сделал Белобородов. Он обратился к прибывшим

со следующими словами: «По постановлению Президиума Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов бывший император Николай Александрович Романов со своей семьей будет находиться в Екатеринбурге, здесь, в этом доме, в ведении Уральского Совета, впредь до суда над ним, Романовым. Комендантом дома Уральский Совет назначил Александра Дмитриевича Авдеева — вот он, перед вами. Имеются ли в данную минуту заявления, жалобы или вопросы? Нет. Если впредь будут, обращайтесь с ними в Совет через посредство коменданта Авдеева или его помощника Украинцева. А теперь граждане Романовы могут располагаться в доме по своему усмотрению, как им покажется удобней. В их распоряжении отводится большая часть второго этажа».

Николай II в своем дневнике уточнил, как происходило размещение: «Разместились след[ующим] образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне, уборная общая, в столовой — Н. Демидова, в зале Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда команда караульного офицера... Караул помещался в двух комнатах около столовой. Чтобы идти в ванную и W. C., нужно было проходить мимо часового у дверей кар[аульного] помещения. Вокруг дома построен очень высокий дощатый забор в двух саженях от окон; там стояла цепь часовых, в садике тоже».

Затем начался унижительный досмотр. Вновь назначенный комендант вспоминал: «Остались мы с Дидковским и произвели осмотр вещей, взятых им и его спутниками из Тобольска, так как при выезде из Тобольска осмотра не производилось, для чего было предложено привезенные чемоданы оставить в коридоре. Когда мы предложили предъявить для осмотра ручные саквояжи, Александра Федоровна начала протестовать и на ломаном русском языке — оказывается бывш[ая] царица русская и говорить-то по-русски не умела. И доктор Боткин объяснил нам ее протест. Она кричала: «Истефательство... Хосподин Керенский» и еще что-то... При осмотре саквояжа Александры Федоровны она сама пожелала присутствовать, и как раз оказалось, что в ее саквояже заложены под всякими принадлежностями туалета и косметики фотографический карманный аппарат и подробная точная карта Екатеринбурга...» Здесь несколько

удивляет заявление Авдеева, что бывшая императрица плохо говорила по-русски. Многие из оставивших свои воспоминания о семье Романовых, наоборот, отмечали чрезвычайно правильную речь Александры Федоровны. То ли она действительно потеряла над собой контроль, что маловероятно, то ли, что вернее, Авдеев возвел напраслину.

Этот досмотр нашел свое отражение и в дневнике Николая II: «Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару».

По свидетельству камердинера царя Чемодурова, инцидент носил более резкий характер: «Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному грубому обыску, обыск производил некий Б. В. Дидковский и Авдеев. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский ответил: «Прошу не забывать, что вы находитесь под следствием и арестом».

Николай II, конечно, не помнил, но уже один раз с Дидковским он встречался. Это было летом 1896 года, когда он с Александрой Федоровной был в Киеве и проходил перед сводной ротой Киевского кадетского корпуса. Среди них стоял коренастый, коротко остриженный Борис Дидковский, сын штабс-капитана 127-го Путивльского пехотного полка, приветствовавший высоких гостей криком «Ура!».

Когда завершился досмотр, день клонился к концу. Бывший император записал: «К 9 часам наконец устроились. Обедали в $4\frac{1}{2}$ из гостиницы, а после приборки закусили и чаем». Генерал М. Дитерихс к всему этому добавил еще одну деталь: «В день приезда на оконном косяке А. Ф. написала знак свастики и дату «17/30 апреля 1918 года». Заклинание не спасло бывшую царицу.

В этот день старые партийные товарищи Свердлов и

Белобородов интенсивно обменивались телеграммами. Первая из них ушла в центр утром, хотя несколько смущает время ее отправления. «ВЦИК Свердлову пред. Совнаркома Ленину. Тридцатого апреля [в] 11 часов петроградского времени я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и дочь их Марию Николаевну. Все они помещены [в] особняке, охраняемом караулом. Ваши запросы разъяснения телеграфируйте мне. Белобородов». С временем явно какие-то странности: поезд стоит еще в осаде, а телеграмма о приеме уже отправлена.

Свердлов не замедлил ответить на рапорт Белобородова: «Екатеринбург. Председателю [Уральского] областного Совдепа Белобородову. Предлагаю содержать Николая [Романова] самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных членов семьи. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караулы. Сообщить подробности условий нового содержания. Председатель ЦИК Свердлов». Как видно, правительство зорко следило за развитием всех событий.

Белобородов, естественно, дал пространный ответ и высказал свою точку зрения: «Председателю ВЦИК Свердлову. Екатеринбург. Ответ [на] Вашу записку [Романовы] содержатся [под] строгим арестом, свидания абсолютно посторонним не разрешаются. Челядь и Боткин [на] одном положении [с] арестованными. Князь Василий Долгоруков, епископ Гермоген — нами арестованы; никаких заявлений, жалоб ихних ходатаев не удовлетворяйте. Взятых [у] Долгорукова бумагах видно, [что] существовал план бегства. [С] Яковлевым произошли довольно крупные объяснения, в результате расстались холодно. Мы резолюцией реабилитировали [от] обвинений [в] контрреволюционности признав наличность [их] излишней нервности. Он теперь на Ашabalашевском заводе. сегодня ему телеграфируем выезд [для] окончательного выполнения задачи. Телеграфируйте [в] Тобольск отряду особого назначения, чтобы не беспокоились, их товарищи находятся [в] Екатеринбурге. Уплату жалованья распускаемым солдатам отряда особого назначения мы произведем сами через Яковлева. Смету пришлем. Белобородов».

По этой телеграмме тоже есть пункты, вызывающие вопросы. В тот день Яковлев оставался в городе, ибо отчитывался перед Советом, а Белобородов сообщает, что

он уже в Аше. Зачем? Да и уже посланы за остальными другие во главе с Хохлаковым и Родионовым, а об этом ни слова. Что-то не договаривали между собой партийные коллеги Свердлов и Белобородов.

Богатый событиями первый день екатеринбургского заточения кончился.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 77 ДНЕЙ.

День второй

Среда 1 мая (18 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 47 минут,

заход в 21 час 9 минут,

долгота дня 15 часов 22 минуты.

Православная церковь праздновала Великую Среду Страстной недели и память преподобного Иоанна, ученика Григория Декаполита и память иконы Богоматери Максимовской. В тот день новая власть впервые праздновала Первомайский праздник.

Из политических событий отмечено взятие Севастополя красными войсками и поднятие красного знамени над зданием посольства в Берлине. Местные газеты сообщали, что было два пожара и четыре кражи. В лесу вблизи станции Екатеринбург был найден труп некоего Бовыкина с перерезанным горлом.

Узники были довольны, что кончилось их путешествие и бурные события предыдущего дня завершились в общем благополучно. Николай II записал в дневнике: «Выспались великолепно. Пили чай в 9 часов. Аликс осталась лежать, чтобы отдохнуть от всего перенесенного.

По случаю 1 мая слышали музыку какого-то шествия. В садик сегодня выйти не позволили! Хотели вымыться в отличной ванне, но водопровод не действовал, а воду в бочке не могли привезти. Это скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало. Погода стояла чудная, солнце светило ярко, было 15° в тени, дышал воздухом в открытую форточку».

Эти маленькие радости отдохнувшего человека дополняет дневниковая запись Александры Федоровны: «...Оставалась в постели из-за болей в сердце, чувство-

вала усталость и головную боль. Остальным принесли еду и яйца. У меня было немного хорошего хлеба. Мария читала мне «Духовное Чтение».

О том, как устроились и как провели первые сутки на новом месте, есть и подробное описание, сделанное Марией в письме Ольге в Тобольск: «...Пишу тебе, сидя у Папы на койке. Мама еще лежит, т. к. очень устала и сердце... Спали мы втроем в белой уютной комнате с четырьмя большими окнами. Солнце светит так, как у нас в зале. Открыта форточка, и слышно чирикание птичек. Элект[рическая] конка. В общем тихо. Утром прошла манифестация: 1-е мая, слышали музыку. Живем в нижнем этаже, кругом деревянный забор, только видим кресты на куполах церквей, стоящих на площади. Нюта спит в столовой, а в большой гостиной Евг[ений] Серг[еевич], Седнев и Чемодуров. Князя пока не пустили, не понимаю почему, очень за него обидно. Спят они на койках, кот[орые] вчера принесли им и караулу...»

Так начались будни заточения. Пока не было решеток и замазанных белилами окон. Все это еще впереди. В письме Марии есть несколько неясностей — откуда она взяла «электрическую конку» (попросту — трамвай, и пущен он будет лишь в 1929 году)? Почему Мария решила, что они живут на первом этаже? Под ними, на первом этаже, как раз и находилась та роковая комната, где они завершат свой жизненный путь. Объяснима фраза о множестве церквей: узники видели два креста на Вознесенской церкви, что как раз была напротив дома Ипатьева, и крест на куполе домашней церкви дворца Харитонова.

А тем временем на улице бушевал первый пролетарский легальный первомай. Газеты позже писали: «С раннего утра 1 мая на улицах города группы людей с красными знаменами и ленточками, спешащих на сборные пункты на площадях... В начале 10 часа на Верх-Исетскую площадь с оркестром музыки во главе проходят Областной и Екатеринбургский Советы Рабочих и Армейских депутатов совместно с местными организациями коммунистов (большевиков) и левых социалистов-революционеров... После 8 час. веч. во всех советских и большинстве демократических учреждениях зажигается иллюминация. Разноцветными огнями горят фасады в вечерней темноте. Выделяется иллюминация Дома Совета. Кинематографы

переполнены, в них идут митинги-концерты. До поздней ночи центральные улицы полны гуляющих». Закладывалась традиция первомайских демонстраций, которые потом более семи десятилетий будут сотрясать булыжную мостовую центральных улиц и площадей города.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 76 ДНЕЙ.

День третий

Четверг 2 мая (19 апреля по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 45 минут,
заход в 21 час 11 минут,
долгота дня 15 часов 26 минут.

Церковь праздновала Великий Четверток, воспоминание о Тайной Вечери и память святого Трифона, патриарха Константинопольского.

Существенных политических событий в этот день не отмечено.

Постепенно жизнь узников налаживалась и они отходили от тяжелого пути из Тобольска. Вот что записано об этом дне в дневнике Николая II: «День простоял отличный, ветреный, пыль носилась по всему городу, солнце жгло в окна. Утром читал книгу Аликс «La sagesse et la destinèe» Maeterlinck». Позже продолжал чтение Библии. Завтрак принесли поздно — в 2 часа. Затем все мы, кроме Аликс, воспользовались разрешением выйти в садик на часок. Погода сделалась прохладнее, даже было несколько капель дождя. Хорошо было подышать воздухом. При звуке колоколов грустно становилось при мысли, что теперь Страстная и мы лишены быть на этих чудных службах и, кроме того, даже не можем поститься. До чая имел радость основательно вымыться в ванне. Ужинали в 9 часов. Вечером все мы, жильцы четырех комнат, собрались в зале, где Боткин и я прочли по очереди 12 [главу] Евангелия, после чего легли».

И в этот день Мария писала письмо Ольге в Тобольск: «Бочка привезла воду, т[ак] ч[то] Папа может

иметь ванну до обеда в 9 ч. Покачалась с Ньютой на американской качели, гуляла с Папой взад и вперед. Мама лежит сегодня на койке, немного лучше, но голова и сердце болит. Просили составить список всех, кот[орые] приедут с нами. Надеюсь, что никого не забыли... Надо объяснить причину нахождения каждого человека при нас. О как все сложно опять...»

Невозможность соблюдения религиозных обрядов, конечно, сильно ранила узников, но, как видно, они обходились как только могли в сложившихся обстоятельствах. Это подтверждается и записью в дневнике Александры Федоровны: «...N. читал нам в течение дня Евангелие. Солдаты выпили всю воду из самовара. Принесли воду для чая. Немного заболело сердце. Написала открытки. Мария убрала мои волосы. Оставалась в постели в домашнем халате. Ужин. Мы все семеро сидим вместе. С N. и Е. С. обменялись мнениями о прочитанной 12-й главе Евангелия. Написала детям». Головная боль Романовых теперь обратилась к тем, кто остался в далеком Тобольске.

Камердинер царя Чемодуров, который на первых порах находился в Доме особого назначения, оставил детальное расписание режима узников в этот период: «В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны прямо возмутительное... День обычно проходил так: утром вся семья пила чай; к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавали те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только 1 раз в день, в течение 15—20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда [я] обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имеющим отношения к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание».

В этот же день в Москве после майских праздников заседал Совет Народных Комиссаров, на котором присутствовала вся большевистская верхушка в количестве 22 человек. Под вопросом № 4 слушалось внеочередное сообщение Свердлова о Романовых, после чего постановили передать в печать следующее сообщение: «В ноябре [как и] в декабре прошлого года, в Президиуме Центрального исполнительного комитета ставился вопрос о бывшем царе. Вопрос этот был отсрочен, ввиду целого ряда событий. Месяц тому назад, в Президиум ЦИК явился делегат от охраны бывшего царя и сообщил, что с охраной обстоит далеко не все благополучно, часть охраны разбежалась, окрестные крестьяне подкуплены. По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Николай Романов не получит возможности скрыться из Тобольска. Были получены различные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений Президиум Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей находится в Екатеринбурге, Пермской губ[ернии], надзор за ними поручен областному совдепу Урала».

Это чуть ли не первое официальное упоминание о возможности побега и существования какого-то заговора, имеющего цель освободить Романовых. После этого с завидной регулярностью в газетах и разных документах делались постоянные намеки на этот мифический заговор, и мы увидим, сколько всяких провокаций делалось для того, чтобы в этот заговор поверили.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 75 ДНЕЙ.

День четвертый

Пятница 3 мая (20 апреля по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 42 минуты,
заход в 21 час 13 минут,
долгота дня 15 часов 31 минута

Церковь отмечала Великий Пяток и память святых страстей Иисуса Христа, а также мученика младенца Гавриила, святых Григория и Анастасия, патриархов Антиохийских.

В газетах было опубликовано много разных декретов, и в том числе о деревне и национализации сахарной промышленности. В Москве сняли памятник «белому генералу» Скобелеву, чтобы через 30 лет водрузить на этом месте памятник князю Юрию Долгорукову. А пока, временно, сколотили трибуны для митингов. Финно-германские войска захватили крепость Свеаборг. У города Екатеринбурга свои заботы: берется на учет все мыло.

Что делалось в этот день в доме Ипатьева, мы знаем из двух дневниковых записей. Николай II: «За ночь стало гораздо холоднее; вместо дождя перепалал изредка снег, но стаивал сейчас же. Солнце показывалось по временам. Двое суток почему-то наш караул не сменялся. Теперь его помещение устроено в нижнем этаже, что до нас безусловно удобнее — не приходится проходить перед всеми в W. С. или ванную и больше не будет пахнуть махоркой в столовой.

Обед очень запоздал из-за предпраздничного напыльва в город жизненных припасов, сели за него в $3\frac{1}{2}$ ч. Потом погулял с Марией и Боткиным полчаса. Чай пили в 6 часов. По утрам и вечерам Св. Евангелие вслух в спальне. По неясным намекам нас окружающих можно понять, что бедный Валя (В. А. Долгоруков¹. — Г. З.) не на свободе и что над ним будет произведено следствие, после которого он будет освобожден! И никакой возможности войти с ним в какое-либо сношение, как Боткин ни старался. Отлично поужинали в $9\frac{1}{2}$ час».

Александра Федоровна в своем дневнике более лаконична: «...N. Читал нам обоим Евангелие и Книгу Иова. Оделась в $\frac{1}{2}$ и оставалась в своей постели в домашнем халате. Наконец-то принесли завтрак. Чай. Остальные гуляли $\frac{1}{2}$ часа. N. читал нам «Великое в Малом», а затем в течение вечера Евангелие. Принесли ужин. Седнев подготовил мне вермишель...»

В этот день доктор Боткин написал дочери письмо.

¹ Генерала Долгорукова император больше не увидит.

Это было его последнее письмо из застенков Ипатьевского дома. Вот как вспоминала об этом его дочь: «Мой отец писал, что их поместили в приличном доме, в трех комнатах, с разрешением пользоваться ванной. В одной комнате поместились Их Величества и Великая княжна Мария Николаевна, в другой Демидова, в столовой на полу мой отец и Чемодуров.

Дом окружили двойным забором, один из них был так высок, что от собора виднелся только золотой крест, но и видеть крест доставляло много удовольствия заключенным.

Обедали они все вместе с прислугой, и на Пасху были куличи, яйца и пасхи, но ни к заутрене пойти не разрешили, ни туда пригласить священника.

Все-таки первые дни, по-видимому, еще более или менее сносно, но уже последнее письмо моего отца, помеченное 3 мая, т. е. даже до отъезда Их Высочеств из Тобольска, было несмотря на всю кротость моего отца и желание его во всем видеть только хорошее, очень мрачное.

Он писал о том, что обидно видеть ничем не заслуженное недоверие и получать резкие отказы со стороны охраны, когда обращаешься к ним, как врач, с просьбой в послаблениях для заключенных, хотя бы в прогулках по саду. Если в тоне моего отца проскальзывало недовольство, и если он начинал считать охрану резкой, то это значило, что жизнь там уже очень тяжелая и охрана начала издеваться».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 74 ДНЯ.

День пятый

Суббота 4 мая (21 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 40 минут,

заход в 21 час 15 минут,

долгота дня 15 часов 36 минут.

Церковь отмечала Великую Субботу Страстной недели.

Николай II записал в своем дневнике: «Проснулись довольно поздно; день был серый, холодный, со снежны-

ми шквалами. Все утро читал вслух, писал по несколько строчек в письмо дочерям от Аликс и Марии и рисовал план этого дома. Обедали в час с $\frac{1}{2}$. Погуляли 20 минут.

По просьбе Боткина, к нам впустили священника и дьякона в 8 час. Они отслужили заутреню скоро и хорошо; большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать «Христос воскрес». Украинцев, помощник коменданта, и солдаты караула присутствовали. После службы поужинали и легли спать». Служил светлую заутреню священник Екатеринбургского собора отец Анатолий Меледин.

Не знал тогда Николай II, что тот планчик дома, который он нарисовал, будет потом фигурировать во многих документах как «свидетельство» готовящегося побега. Его найдут через два дня в письмах в Тобольск, и Авдеев устроит автору страшный разнос: «Когда же я показал ему самый план, написанный им собственноручно, то он замялся, как школьник, и говорит, что он не знал, что нельзя посылать плана».

Первому коменданту ДОНа Александру Дмитриевичу Авдееву в ту пору было 25 лет. Он появился в Екатеринбурге в ноябре 1917 года, приехав с одного из заводов Осинского уезда Пермской губернии, где работал слесарем при локомотиве. Он устроился работать на Злоказовскую фабрику и даже стал там комиссаром. Там он сколотил вокруг себя теплую компанию, большинство которой потом и перетащил во внутреннюю охрану дома Ипатьева. Это его собутыльники по заводу — братья Логиновы и братья Мышкиевские, Соловьев, Лобунов, отец и сын Люхановы и многие другие возглавят список охранников. Позже охранник Якимов на следствии у Соколова показывал: «Авдеев был пьяница, грубый и неразвитый, душа у него была недобрая. Он как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих... Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи». Авдеев запечатлел свое присутствие в доме, начертав на одной из стен «Шура». Вот таков был тот, которому было доверено стеречь екатеринбургских узников.

Не лучше были и его собутыльники. Судебный следователь Соколов 15 апреля 1919 года составил специальный протокол, где описал десятки похабных надписей на сте-

нах помещений ДОНа. Так, например, в нижнем этаже в одной из комнат написаны имена «Александра» и «Распутин», сопровождающиеся грубо-циничными изображениями. Рядом надпись: «По всей деревне погасли огни, Гришка с Сашурой спать полегли». В комнате будущей казни, где длительное время спали охранники, надпись: «Николай сказал народу вот вам х... не республика» или «Николай он ведь не Романов, а родом чухонец. Род дома Романовых кончился Петром III. Тут пошла вся чухонская порода». У ворот красовалась надпись: «Царя русского Николу за х... сдернули с престола». При допросе охранник Ф. Проскуряков показал: «Файка Сафонов сильно стал безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова. Писал он, например, «х...» и разные другие слова, совсем неподходящие... Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских окон и давай разные нехорошие песни играть. Андрей Стрекотин в нижних этажах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше нарисовать». Вот так «веселились» элитные охранники Дома особого назначения.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 73 ДНЯ.

День шестой

Воскресенье 5 мая (22 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 38 минут,

заход в 21 час 17 минут,

долгота дня — 15 часов 39 минут.

Церковь отмечала свой самый большой праздник — Светлое Христово Воскресенье. В этот год это совпало с памятью перенесения мощей благочестивого князя Всеволода, во святом крещении Гавриила Псковского.

Из политических событий того дня: белые войска заняли Оренбург.

Николай II записал в своем дневнике: «Весь вечер и часть ночи слышан был треск фейерверков, кот[орый]

пускали в разных частях города. Днем стоял мороз около 3°, и погода была серая. Утром похристосовались между собой и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи не могли достать.

Обедали и ужинали в свое время. Гуляли полчаса. Вечером беседовали с Украинцевым у Боткина».

Казалось, великий для верующих праздник прошел мирно, однако бывший воспитатель великих князей Гиббс, правда с чужих слов, добавляет ложку дегтя и этому деликатному описанию из царского дневника: «Чемодуров мне говорил, что здесь [в Екатеринбурге] им было плохо: с ними обращались грубо. Он говорил, что на Пасху у них был маленький кулич и пасха. Комиссар пришел, отрезал себе большие куски и съел». Конечно, эти сведения из вторых рук, и можно сомневаться, была ли пасха, ведь Николай II записал, что ее не было, к тому же Чемодуров после екатеринбургских событий слегка тронулся. Не ясно также, как можно отрезать большой кусок от маленького кулича, но нам важно передать не количественную сторону дела, а сам дух отношения к затворникам. От комиссара Авдеева можно было ожидать такой выходки. Мы уже упоминали, что комендант ДОНа имел пристрастие к спиртному и часто бывал в большом подпитии.

Чуть-чуть приоткрыл занавес о делах снабжения продуктами заключенных и официальный советский историкограф этих событий П. Быков. В своей статье 1921 года, которая впоследствии была изъята властями, он писал: «Особенно настаивали на передаче продуктов монахини местного монастыря, почти ежедневно доставлявшие для Романовых корзины всевозможного печения, которое неизменно передавалось комендантом в распоряжение караула». Неплохо жилось охране на дармовых харчах!

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 72 ДНЯ.

День седьмой

Понедельник 6 мая (23 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 36 минут,

заход в 21 час 19 минут,

долгота дня 15 часов 43 минуты.

Церковь отмечала Понедельник Святой Седмицы и память великомученника Победоносца Георгия — одного из самых почитаемых на Руси святых — покровителя военных. В этот день отмечалась память мученицы царицы Александры — это день тезоименитства Александры Федоровны.

День именин Александры Федоровны всегда был для семьи Романовых торжественным праздником. Когда новая российская царица впервые справляла свой День ангела в 1895 году, то Николай II записал в своем дневнике: «Именины моей ненаглядной Аликс! В первый раз и ей самой странным казалось справлять новый для нее праздник. После кофе принимали всех садовников с фруктами и цветами, а также большую депутацию людей Двора, кот[орые] поднесли каждому из нас по иконе. Камер-фурьер Герасимов сказал очень трогательное приветствие. В 10 $\frac{1}{4}$ приехала Мама из Петербурга, и мы отправились к обедне, куда съехалось все семейство. Затем в угловой зале Александровского дворца был завтрак на 26 чел[овек]».

Еще год тому назад, в 1917 году, уже после отречения, запись тоже была радостной: «Чудная погода выдалась для именин дорогой Аликс. Перед обедней дамы и господа, живущие во дворце, а также наши люди принесли поздравления. Завтракали, как всегда, наверху. В 2 часа вышли в сад всей семьей...»

Теперь же обстоятельства были иными и запись была прозаичной: «Встали поздно морозным серым утром. Второй раз взаперти провели именины дорогой Аликс, но этот раз не всей семьей. Узнал от коменданта, что Алексей уже выходил на воздух пять дней тому назад — слава Богу! Гуляли и при солнце и при крупе. Мороз держался около 3—4°. Перед обедом хотели затопить камин в столовой, но повалил такой дым, что пришлось загасить огонь, а в комнатах стало прохладно».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛСЯ 71 ДЕНЬ.

День восьмой

Вторник 7 мая (24 апреля по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 34 минуты,
заход в 21 час 21 минуту,
долгота дня 15 часов 47 минут.

Церковь отмечала Вторник Светлой седмицы, память святого Саввы Стратилата и с ним 70 воинов, а также преподобных Саввы и Алексея, затворников Печерских, преподобной Анисаветы чудотворицы.

Из событий этого дня в стране: вспышка холеры в Саратове.

В этот день последовала кара за тот самый «планчик», что Николай II начертал в своем письме три дня тому назад. Сам Авдеев в своих воспоминаниях посвящает этому событию внушительный абзац: «И вот однажды при просмотре писем было обращено внимание на одно, адресованное Николаю Николаевичу. При тщательном просмотре между прокладкой и бумагой самого конверта был обнаружен листок тонкой бумаги, на котором был нанесен точный план дома, где содержались заключенные, с масштабом и пр. Все комнаты были обозначены с указанием, кто в них помещался. Подписи были сделаны так, что нетрудно было догадаться о составителе плана. Написано было так: «Комендантская», «Моя и жены», «Детей», «Столовая» и пр. Был вызван составитель этого плана в комендантскую. До этого царя ни разу не приглашали в комендантскую, а все мелкие вопросы проводились через доктора Боткина, который сам ходил в комендантскую или к нему заходил комендант. Поэтому вызов Николая в комендантскую произвел волнение среди населения дома. Позвать Николая отправился тов. Украинцев, который приходит и говорит, что доктор Боткин просит разрешения присутствовать при разговоре Николая с комендантом. Когда ему было отказано в этом, Николай все же явился с одной из дочерей — Марией. От стула, предложенного ему, от отказался. Спрашиваю, не знает ли он, что в одном из писем их вчерашней корреспонденции был спрятан план дома? Ответил, плана не знает, может быть, кто-нибудь из детей это сделал, он разузнает. Когда же я показал ему

самый план, написанный им собственноручно, то он замылся, как школьник, и говорит, что он не знал, что нельзя посылать плана».

Что-то сильно путает Авдеев — письмо было от Николая II не Николаю Николаевичу, а Ольге, в Тобольск. Великий князь Николай Николаевич сам был в ту пору в Крыму на положении интернированного, и письма из Советской России туда не ходили. Видно, писал бывший комендант свои мемуары много лет спустя, иначе как понимать фразу: «явился с одной из дочерей — Марией»? Николай II и не мог прийти с другой — все остальные дочери были в Тобольске. Поэтому-то он не мог сказать, что это письмо написал кто-то из детей. Да и сам характер «разноса», очевидно, был другим. Вот как описал этот же эпизод Николай II в своем дневнике: «День простоял лучше и намного теплее. Сегодня довольствие получили из собрания, но какого не знаю. И обед и ужин опоздали на час. Гуляли подольше, так как было солнце — Авдеев, комендант, вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посылать. Вечером выкупался в ванне. Поиграл с Аликс в безик¹». Чувствуете: никакого волнения или растерянности. Для тюремщиков же план был находкой — еще одна улика о заговоре с целью побега. Может, с этого злополучного «планчика» и зародилась идея провокации — некоего офицерского заговора.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 70 ДНЕЙ.

День девятый

Среда 8 мая (25 апреля по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 32 минуты,
заход в 21 час 23 минуты,
долгота дня 15 часов 51 минута.

Церковь отмечала Среду Святой Седмицы и память апостола и святого Марка, преподобного Сильверста Оленорского.

¹ Безик — французская карточная игра, не требующая большого напряжения ума.

Из политических событий следует упомянуть захват атаманом Семеновым Уссурийской и — частично — Забайкальской железных дорог. В городском театре шла «Сказка о царе Салтане».

Что произошло в этот день, мы знаем из подробной записи в дневнике Николая II: «Встали к 9 час[ам]. Погода была немного теплее — до 5°. Сегодня заступил караул, оригинальный и по свойству и по одежде. В составе его было несколько бывших офицеров, и большинство солдат были латыши, одетые в разные куртки, со всевозможными головными уборами. Офицеры стояли на часах с шашкой при себе и винтовками. Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас; они разговаривали по-своему, ходили и возились между собой. До обеда я долго говорил с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья, он рассказывал о многом интересном, также и маленький кар[аульный] начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги. Украинцев принес нам первую телеграмму от Ольги перед ужином. Благодаря всему этому в доме почувствовалось некоторое оживление. Кроме того из дежур[ной] комнаты раздавались звуки пения, игры на рояле, кот[орый] был на днях перетащен туда из нашей залы.

Еда была отличная и обильная и поспевала вовремя».

В это время, в 7 часов вечера, в Марфо-Мариинскую обитель милосердия на Большой Ордынке в Москве явился вооруженный отряд чекистов и увез настоятельницу великую княгиню Елизавету Федоровну, родную сестру императрицы. Через час ее посадили в отдельный вагон и отправили в Екатеринбург. На недоумевающий вопрос Елизаветы Федоровны, за что ее арестовали, последовал ответ: «Это не арест, а только высылка». Оказалось, что это высылка к месту гибели, в Алапаевск.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 69 ДНЕЙ.

День десятый

Четверг 9 мая (26 апреля по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 30 минут,
заход в 21 час 25 минут,
долгота дня 15 часов 55 минут.

Церковь отмечала Четверг Светлой седмицы и память священномученика Василия епископа Амасийского.

Политических событий в этот день было много: немцы разогнали Центральную Раду Украины, финские войска захватили Выборг, прах генерала Корнилова торжественно был перенесен в Екатеринодар, красные войска вошли в Ростов, немцы — в Севастополь, Феодосию и Таганрог. В Екатеринбургe тоже было чрезвычайное происшествие: два чина уголовного розыска Климин и Биренцев, будучи в сильном подпитии, открыли стрельбу из табельного оружия и ранили самого жюлишного комиссара Жилинского. Разбушевавшихся агентов УГРО арестовали и тут же расстреляли.

Николай II, судя по записи в дневнике, был озабочен нервной атмосферой среди охраны: «Сегодня около нас, т. е. в деж[урной] комнате и в карауле беспокойство, все время звонил телефон. Украинцев отсутствовал весь день, хотя был дежурный. Что такое случилось, нам, конечно, не сказали: может быть прибытие сюда какого-нибудь отряда привело здешних в смущение! Но настроение караульных было веселое и очень предупредительное. Вместо Украинцева сидел мой враг — «лупоглазый», кот[орый] должен был выйти гулять с нами. Он все время молчал, так как с ним никто не говорил. Вечером, во время безика, он привел другого типа, обошел с ним комнаты и уехал».

Напрасно Николай II гадал, что же случилось серьезного, ведь охранники при всей суете были веселы! А случилось всего лишь то, что в этот день газеты впервые опубликовали сообщение о привозе Романовых в Екатеринбург. Местный официоз «Известия областного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» опубликовал следующее сообщение: «Согласно решения Совета Народных Комиссаров бывший царь Николай Романов и его семья переведены на жительство из гор. Тобольска

в Екатеринбург и помещены в отдельном изолированном от внешнего мира помещении». Это сообщение вновь сопровождалось уже цитированным нами выступлением Свердлова на заседании ВЦИК 2 мая. Примерно этими же словами об этом написали и другие газеты города. Конечно, как всегда, толпы обывателей вновь ринулись смотреть на особняк Ипатьева, но никаких беспорядков зафиксировано не было.

А тем временем в Москве в этот же день на заседании ВЦИК вновь выступил Свердлов — главный идеолог всей акции и от имени правительства категорически опроверг слухи об ультиматуме, якобы предъявленном германским послом Мирбахом относительно царской семьи. При этом Свердлов подтвердил, что Романовы перевезены в Екатеринбург, присовокупив фальшивку о том, что у Николая II было отобрано 80 тысяч рублей.

Еще одно сообщение в местных газетах того дня прошло незаметным, хотя имело прямое отношение к свергнутой династии: «В Екатеринбург приехали на жительство быв[шие] великие князья Сергей Михайлович Иоанн, Константин и Георгий Константиновичи. Первый поселился в квартире Аничкова (бывш[ий] упр[авляющий] В[ерхне]-Камским банком), последние в номерах Атаманова». Это те, которые примут через два месяца мученическую смерть в Алапаевске. Пока же их поселили друг против друга, через дорогу: Сергея Михайловича на втором этаже здания на углу Успенской улицы и Главного проспекта, а Константиновичей — в гостинице «Эльдорадо», где потом, по иронии судьбы, долгие годы будут «расстрелочные подвалы» НКВД.

С. Мельгунов считает, что они приехали еще 2 мая и, следовательно, были в Екатеринбурге до 19 мая. Нас в этой партии великокняжеских ссыльных интересует жена Иоанна Константиновича — Елена Петровна, королева Сербская. Она вместе со всеми целых две недели была в Екатеринбурге и имела полную свободу передвижения. Мало того, на следующий день своего прибытия она пыталась проникнуть в Ипатьевский дом, но пропущена, естественно, не была. Ей в подкрепление сербское посольство подкинуло с десятков своих сотрудников, и они развили бурную деятельность. Позже королева утверждала, что сколотила группу из 37 офицеров для спасения узников, но видимых следов этой деятель-

ности в истории не осталось. Ей единственной из этой партии узников удалось спастись. В общем, как сказал С. Мельгунов: «Все эти заговоры были лишь потуги на заговоры, попытки слабые, наивные и неизбежно неудачные».

Был шанс спастись и у Игоря Константиновича. Бывший служащий завода Злоказовых П. Леонов рассказывал следователю Соколову: «Я предлагал ему скрыться и предлагал свой паспорт ему. Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам».

А узники ДОНа жили своей жизнью. Александра Федоровна в этот день записала: «Написала в 14-й раз детям. Солнце и облака. Продолжаю спать плохо и испытываю головные боли. ...Каждое утро мы должны вставать с кровати к приходу Начальника Караула и Коменданта, которые заходят к нам, если мы еще в постелях. Седн[ев] приготовил нам вермишель, наконец остальным принесли их еду. Мария и Нюта вымыли мои волосы...» Беспокойство за детей, оставшихся в Тобольске, и усиление жестокости режима — вот две темы, которые будут волновать бывшую императрицу в эти дни. Ежедневно она отсылает письмо своим детям в Тобольск, но, к сожалению, эти важные документы канули в вечность. Что касается постоянных проверок начальствующими лицами, то можно поверить Чемодурову, который утверждал: «...Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 68 ДНЕЙ.

День одиннадцатый

Пятница 10 мая (27 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 28 минут,

заход в 21 час 27 минут,

долгота дня 15 часов 59 минут.

Церковь отмечала Пяток Светлой Седмицы и память преподобного Стефана, игумена Печерского.

Местные газеты были заняты обсуждением статьи Ленина «Очередные задачи Советской власти». Военная хроника с намеком извещала, что брат Александры Федоровны, принц Гессенский, назначен генерал-губернатором всех оккупированных русских областей. А непосредственно перед забором Ипатьевского дома, на Вознесенской площади, тремя неизвестными, среди бела дня, был ограблен представитель златоустовского завода П. Малькольм. Угрожая револьвером на виду охраны ДОНа, у него отобрали 1250 рублей, портсигар и часы.

Режим начинает ужесточаться. Из дневника Николая II: «В 8½ должны были встать и одеться, чтобы принять вчерашнего заместителя коменданта, передавшего нас новому — с добрым лицом, напоминающим художника. Утром шел густой снег, а днем вышло солнце. Гулять было хорошо. После чая опять приехал «лупоглазый» и спрашивал каждого из нас, сколько у кого денег? Затем он попросил записать точно цифры и взял с собой лишние деньги от людей для хранения у казначея Областного Совета! Пренеприятная история...» Об этом же записала в своем дневнике и Александра Федоровна.

Тут много вопросов, и первый: кто же тот, уже второй раз упоминаемый в дневнике «лупоглазый»? Вероятнее всего, это один из самых неистовых большевиков того времени — Борис Владимирович Дидковский. Он действительно имел глаза навывкате, и это его подпись, среди прочих, красуется на расписке о приемке узников 30 апреля. Он тогда был членом областного Совета, а также занимал много влиятельных постов одновременно. Это его была «идея фикс» — провести личный обыск узников. Революция, ради которой он старался и которой он так верил, отблагодарит его за преданность: в фев-

рале 1938-го он предстанет перед «особой тройкой» и его расстреляют все в том же подвале бывшей екатеринбургской гостиницы «Эльдорадо», где когда-то жили великие князья.

Что касается человека «с добрым лицом», напоминающего художника, то это новый помощник коменданта — Мошкин. Он с невинной улыбкой будет воровать вещи узников, будет впоследствии уличен большевистскими властями и даже арестован. Внешность бывает обманчива.

Еще вопрос: куда девались реквизированные деньги? Никаких документов не осталось, и, очевидно, они стигнули в карманах представителей победившего класса, хотя какие-то суммы из них, по просьбе заключенных, тратились позже.

Состояние настроения узников хорошо передано в письме великой княжны Марии, написанном ею в тот день: «Скучаем по тихой и спокойной жизни в Тобольске. Здесь почти ежедневно неприятные сюрпризы. Только что были члены Област[ного] комитета и спросили каждого из нас, сколько кто имеет с собой денег. Мы должны были расписаться, т. к. вы знаете, что у Папа и Мама с собой нет ни копейки, то они подписали, ничего, а я 16 р[ублей] 75 к[опеек], кот[орые] Анастасия мне дала в дорогу. У остальных все деньги взяли в комитет на хранение. Оставили каждому понемногу — выдали им расписки. Предупреждают, что мы не гарантированы от новых обысков. Кто бы мог подумать, что после 14 месяцев заключения так с нами обращаются, — надеемся, что у Вас лучше, как было и при нас». Помните, что накануне Свердлов объявил о 80 тысячах рублей, отнятых якобы у Николая II лично!

В этот день немецкий посол в Москве граф Мирбах сообщил в Берлин, что он провел переговоры с Караханом и Радеком по поводу екатеринбургских узников. Посол особенно беспокоился о «немецких принцессах» романовской династии. Советские власти, конечно, выразили сочувствие, но дело не сдвинулось ни на шаг.

Здесь нам надо остановиться и немного порассуждать. Когда пишут «немецкие принцессы», то речь идет фактически о двух сестрах — Александре Федоровне и Елизавете Федоровне. Постоянное упоминание об этом может создать впечатление о германофильских взглядах

императрицы, на чем построены десятки литературных произведений. Это глубоко ошибочное мнение, ибо императрица даже не сочла нужным обучить своих детей немецкому языку, на чем позже «засыпалась» Лжеанна — Анна Андерсен. Александра Федоровна, потеряв свою мать, с шестилетнего возраста длительно воспитывалась при дворе своей бабушки — королевы Виктории, так что считала себя больше англичанкой, чем немкой. Она и дневник свой всю жизнь вела на английском языке. Сохранились и некоторые документы этого периода, в которых бывшая императрица не могла лицемерить, высказывая свое мнение о Германии. Так в одном из конспиративных писем «Сестре Серафиме» еще в Тобольске 3 марта 1918 года она писала: «...Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок наводить. Что может быть хуже и более унижительно, чем это? Принимаем подарок из одной руки, когда другой они все отнимают. Боже спаси и помоги России! Один позор и ужас. Богу угодно это оскорбление России преподнести, но вот это меня убивает, что именно немцы — не в боях (что понятно), а во время революции спокойно продвинулись вперед и взяли Батум и т. д. Совершенно нашу горячо любимую родину общипали... Не могу мириться, т. е. не могу без страшной боли в сердце это вспоминать... Только бы не больше унижения от них, только бы они скорее ушли». Это по поводу Брест-Литовского мира!

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 67 ДНЕЙ.

День двенадцатый

Суббота 11 мая (28 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 25 минут,

заход в 21 час 28 минут,

долгота дня 16 часов 3 минуты.

Церковь отмечала Субботу Светлой Седмицы и память святого Кирилла епископа Туровского.

В петроградском Совете прошел торжественный вечер в память столетия со дня рождения Карла Маркса. На Украине власть захватил гетман Скоропадский. В Екатеринбург

объявлено о вскрытии ревизионной комиссией сейфов в бывшем Сибирском банке.

Безмятежная запись в дневнике Николая II свидетельствует, что в этот день не было эксцессов: «Сегодня неприятностей не было. Погода была потеплее. гуляли два раза. Познакомились с новым комендантом № 5. Получили телеграмму из Тобольска, там все хорошо, письма наши доходят. Когда они приедут сюда, не знаем. До 9½ вечера ожидали ужина. Играл в безик».

Великая княжна Мария, как и в прежние дни, написала длинное письмо сестрам в Тобольск. Вот фрагмент из него: «Только что встали и затопили печь, т. к. в комнатах стало холодно. Дрова уютно трещат, напоминают морозный день в Т[обольске] — сегодня отдали наше грязное белье прачке... Нюта тоже сделалась прачкой, выстирала Маме платок, очень даже хорошо, и тряпки для пыли. У нас в карауле несколько дней латыши... Я продолжаю рисовать, все из книжки Бэм... Благослови Господь ваш путь и да сохранит он вас от всякого зла...»

А за стенами ДОНа началась интенсивная кампания по муссированию слухов о возможности освобождения или побега Романовых. Местная газета «Уральская жизнь» помещает маленькую заметку: «Группа бывших сановников с гр. Бенкендорфом и гр. Фредериксом во главе готовит петицию от имени великих князей об освобождении из-под ареста Николая Романова и его семьи. Петиция будет одновременно подана Совету Народных Комиссаров и ЦИК». На другой полосе этой же газеты помещена еще одна заметка: «К переводу Николая Романова в Екатеринбург» с подробным описанием переезда и особенно причин вывоза из Тобольска.

Идея «офицерского заговора» лишь только зрела в умах большевистской верхушки, ибо этот «заговор» им был нужен до зарезу. Он давал возможность заполучить «законные» основания для обвинения Романовых. Поэтому стали все время фиксировать внимание обывателя на возможность такого побега.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 66 ДНЕЙ.

День тринадцатый

Воскресенье 12 мая (29 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 23 минуты,

заход в 21 час 30 минут,

длгота дня 16 часов 7 минут.

Церковь отмечала начало 2-й недели по Пасхе и память девяти мучеников Кизических: Феогнида, Рүфа, Антипатра, Феостиха, Артемы, Магна, Феодота, Фавмасия и Филимона.

В газетах был опубликован декрет об отмене старых кокард и декрет о национализации заводов Урала.

День был ничем не примечателен, о чем свидетельствуют дневники Николая II и Александры Федоровны. Первый записал: «Хорошая солнечная погода, довольно прохладная. В эту ночь караульный начальник отлучался часа на три, чтобы потанцевать на балу! Поэтому он весь день ходил смешной и сонный... Обед и ужин были принесены вовремя». Ему вторит его супруга: «Написала открытку детям. Только что принесли наш чай. Голова вновь продолжает болеть, и сплю очень мало».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 65 ДНЕЙ.

День четырнадцатый

Понедельник 13 мая (30 апреля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 21 минуту,

заход в 21 час 32 минуты,

длгота дня 16 часов 11 минут.

Церковь отмечала память апостола Иоанна Заведеева и обретение мощей святого Никиты епископа Новгородского.

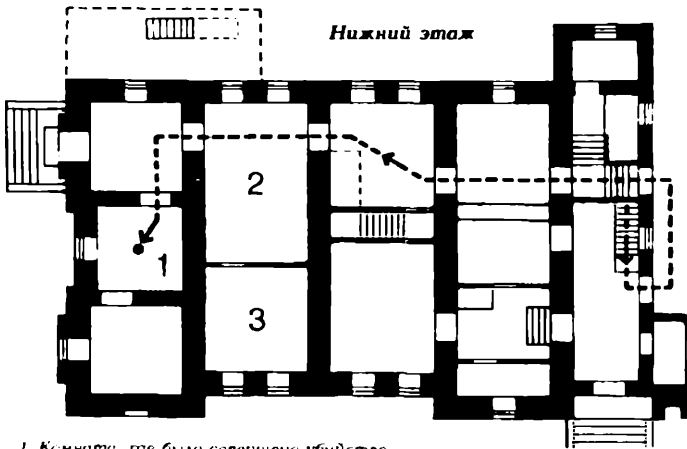
Никаких знаменательных политических событий в тот день не произошло.

В этот день был заполнен первый лист новой книги записей дежурств: «Дежурство. Комендант Сидоров. 13 мая.

Ипатьевский особняк

<p>1 Комната Николая Романова,
Александры Федоровны, Алексея;</p> <p>2 Комната великих княжен;</p> <p>3 Комната А.С.Демидовой;</p>	4 Комната Е.С.Боткина; 5 Комната А.Е.Труппа, И.М.Харитоново; 6 Комната Седнева; 7 Комната коменданта.

- 1 Комната, где было совершено убийство,
2,3. Комнаты охраны, куда заходили убийцы перед расстрелом.

---> Путь узников на расстрел

Схема размещения узников в доме Ипатьева и путь на расстрел

В 5 ч[асов] в[ечера] принято от Бабича в присутствии члена обл[астного] Сов[ета] Авдеева и караул[ьного] начальника Гларнер. Приемка проходила во время прогулки следую[щих]: Николай Романов, Александра Романова, Мария Романова, д[октор]а Боткина. Остальные: Чемодуров, Седнев и Демидова находились в доме...» А для главного узника Николая II жизнь текла без приключений: «День простоял отличный, безоблачный. Утром погуляли час. Обед бессовестно опоздал — вместо часа его принесли в 3 $\frac{1}{2}$! Поэтому вторично вышли гулять около 4 час[ов] только. Какая-то старуха, а затем мальчик лезли к забору — смотреть на нас через щель; их всячески отгоняли, но все при этом смеялись. Поначалу Авдеев приходил в сад, но держался вдали. Ужинали в 8 $\frac{1}{2}$ час. Днем много читал вслух хорошие рассказы Лейкина «Неунывающие россияне». Вечером безик — с Аликс».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 64 ДНЯ.

День пятнадцатый

Вторник 14 мая (1 по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 19 минут,
заход в 21 час 34 минуты,
долгота дня 16 часов 15 минут.

Церковь отмечала Радоницу — поминование усопших.

Из политических событий — был принят декрет о продовольствии и взорван форт Ино в Кронштадте. В Екатеринбурге у Ново-Тихвинского женского монастыря реквизировали пять ломовых лошадей с упряжками, а комитет РКП(б) Первого района (впоследствии Ленинский) предлагал уплатить членам партии взносы за последние три месяца. В хронике газет публиковались правила распределения табака и семь объявлений о разводе. В кинотеатрах идут модные фильмы того времени: У «Лоранжа» — «Белая роза», в «Художественном» — «Гонимая судьбой», в «Коллизее» — «Болотный цветок». В городском театре идет «Садко».

Николай II записал в своем дневнике: «Были обрадованы получением писем из Тобольска; я получил от Татьяны. Читали их друг другу все утро. Погода стояла отличная, теплая. К полудню сменился караул из состава той же особой команды фронтовиков — русских и латышей. Кар[аульный] начальник — представительный молодой человек. Сегодня нам передали через Боткина, что в день разрешается гулять только час; на вопрос: почему? исп[олняющий] долж[ность] коменданта ответил: «Чтобы было похоже на тюремный режим».

Режим усиливался — на следующий день окна замажут краской.

То письмо, о котором писал в своем дневнике Николай II, не сохранилось, но примерно в это же время было написано из Тобольска письмо младшей дочерью Анастасией. Чтобы почувствовать очарование этих скудных весточек, приведем лишь самое его начало: «Воистину Воскрес! Моя хорошая Машка душка. Ужас как мы были рады получить вести, делились впечатлениями! Извиняюсь, что пишу криво на бумаге, но это просто от глупости. Получ. от Ал. Пав. очень мило, привет и т. п. тебе. Как Вы все? А Сашка и Т. П. Видишь, конечно, как всегда слухов количество огромное, ну и понимаешь трудно и не знаешь, кому верить, и бывает противно. Т. К. половину вздор. А другого нет, ну и поэтому думаем верить. Кл. Мих. приходит сидеть с маленьким. Алексей ужасно мил как мальчик и старается... Ужасно грустно и пусто, прямо не знаю, что такое. Крестильные кресты, конечно, у нас, и получили от Вас известие, вот Господь поможет и помогает».

Вероятно, в этот день дежурил в ДОНе член областного Совета В. Воробьев — редактор газеты «Уральский рабочий». Разговаривая с бывшим царем, он умудрился подписать его на официоз советской власти города и даже деньги взял наличными. Стоимость месячной подписки составляла 3 рубля 50 копеек.

В газетах города вновь поднимается «романовская тема». Опять подробно описывается перевод Романовых в Екатеринбург. Среди избитых фраз и известных фактов появляется и новый нюанс: «По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Николай Романов не получит возможность скрыться оттуда...» Брошено очередное зерно сомнения в надежности места заточения.

В этой же газете было и еще одно сообщение: «Выехала б[ывшая] в[еликая] к[нягиня] Елизавета Федоровна, проживавшая в Марфо-Мариинском монастыре в качестве настоятельницы. Мотивы высылки те же, по которым в свое время были высланы из Петербурга бывшие в[еликие] к[нязья], так как пребывание в столице членов семьи Романовых признано недопустимым». Родную сестру императрицы тоже «поведут» тропой дезинформации о всяких заговорах и связях с Германией. Пока это только начало.

Еще одно событие произошло в этот день, которое повлекло за собой страшные и непредвиденные последствия: в Челябинске чешские солдаты, едущие во Владивосток, столкнулись с венгерскими военнопленными. Один из венгров бросил железный брус в группу чехов и серьезно ранил одного из них. Челябинский совет сгоряча арестовал несколько человек, но под давлением их вооруженных товарищей был вынужден отпустить. Через десять дней все это выльется в мятеж.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 63 ДНЯ.

День шестнадцатый

Среда 15 мая (2 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 5 час 18 минут,
заход в 21 час 36 минут,
долгота дня 16 часов 18 минут.

Церковь отмечала память святого Афанасия Великого, архиепископа Александрийского и перенесение мощей князей российских Бориса и Глеба во святом крещении Романа и Давида.

В газетах опубликован декрет об избирательных правах, в Иркутске проходил съезд военнопленных. Вдовствующая императрица Мария Федоровна прибыла в Киев, где была торжественно встречена гетманом Скоропадским. Датское правительство обратилось с ходатайством о выезде Марии Федоровны, в девичестве Дагмар Датской, на родину. Совет Народных Комиссаров принял решение о переводе часовых стрелок на 1 час 30 минут вперед с ночи 15 мая, но в этот раз что-то забуксовало, и декрет приостановили. Это

внесло невероятную путаницу в отсчете времени. Статистические сведения сообщали, что в четырех губерниях Уральской области сконцентрировано до 90 000 военнопленных, в основном австро-венгерской армии. Газеты еще не знали, что в эту бочку пороха уже брошена горящая спичка.

Николай II записал в этот день: «Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, кот[орый] смотрится в окна. Вышли гулять в 3¹/₂, а в 4.10 нас погнали домой.

Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный начальник с нами не заговаривал, так как все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами, за ним и за часовым! Погода была очень хорошая, а в комнатах стало тускло. Одна столовая выиграла, так как ковер снаружи с окна сняли!

У Седнева простуда с лихорадкой».

О болезни Седнева пишет и Александра Федоровна в своем дневнике: «Седнев чувствует себя плохо и хрипит... Седнева инфл[юэнция] 38,6 [температура]».

Читатель, конечно, заметил, что на окнах столовой до этого дня висел ковер и там было совсем темно.

Примечательна запись в книге дежурств за этот день: «...после перемены караула были найдены во дворе спрятанные ножи 12 шт.». Еще Николай II этого не обнаружил, еще никто не подозревает, что началось воровство среди особо проверенной охраны. А между тем потихоньку стали растаскивать чужое имущество. Когда воровство примет массовый характер, тогда даже большевистские власти возмутятся и покарают коменданта ДОНа и его помощника «с лицом художника». Но это все еще впереди.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 62 ДНЯ.

День семнадцатый

Четверг 16 мая (3 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 16 минут,
заход в 21 час 38 минут,
долгота дня 16 часов 22 минуты.

Церковь отмечала память мучеников Тимофея и Мавры, а также преподобной Феодосии, игуменьи Киево-Печерского монастыря.

Значительных политических событий в этот день не было. Центральная газета — «Известия» опубликовала интервью с Яковлевым.

Для жителей дома Ипатьева жизнь шла в своих радостях и заботах. Николай II: «День простоял серый, но теплый. В комнатах, особенно наших двух ощущалась сырость; воздух, входивший через форточку, был теплее комнатного. Научил Марию играть в трик-трак.

У Седнева лихорадка меньше, но он пролежал весь день. Гуляли днем ровно час. Порядок в карауле значительно прибавился, больше шляющихся в саду при нас не было. Днем получили от Эллы из Перми кофе, пасхальные яйца и шоколад. Электричество в столовой погасло, ужинали при двух свечках, вставленных в банки. В зале тоже не все горело. Принял ванну после Марии в 7½ час.». Об этом же записала Александра Федоровна, только у ней «3 свечи в стаканах».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛСЯ 61 ДЕНЬ.

День восемнадцатый

Пятница 17 мая (4 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 14 минут,

заход в 21 час 40 минут,

долгота дня 16 часов 26 минут.

Церковь отмечала память мученицы Пелагии девы Тарсиской, святомученика Фивьяна епископа Газского и с ним 40 мучеников.

В город Екатеринбург прибыла еще одна будущая жертва (предстоящего алапаевского убийства) — князь Владимир Палей, сын великого князя Павла Александровича от морганатического брака.

Запись в книге дежурств была ординарной: «По поступлению моего на дежурство с 15-го числа по 17-е никаких происшествий и особых примечаний не было. Дежурство сдал тов. Авдееву». Подпись неразборчива.

Для узников Ипатьевского дома тем не менее была большая радость — они получили известие, что их дети выехали из Тобольска. Еще с утра в Москву ушла телеграмма на имя Ленина и Свердлова: «17 мая оставшиеся члены семьи Романова переданы уполномоченному Хохрякову. Наш отряд заменен уральцами. Кобылинский. Матвеев». Получена эта телеграмма в Москве была на следующий день в 3 часа 51 минуту утра.

Николай 11: «Целый день шел дождь. Узнали, что дети выехали из Тобольска, но когда, Авдеев не сказал. Он днем открыл дверь в запертую комнату, предназначенную нами для Алексея. Она оказалась большая и светлее, чем мы предполагали, так как имеет два окна; наша печка хорошо ее отапливает. Гуляли полчаса из-за дождя. Еда была обильная, как все это время, и поспевала в свое время. Комендант, его помощ[ник] кар[аульный] нач[альник] электротехники бегали по всем помещениям, исправляя провода, но тем не менее ужинали в темноте». Александра Федоровна в этот день написала 22-й раз детям в Тобольск, в пересчете на время, что они были разъединены — по письму в день.

В этот день великая княжна Мария написала большое письмо З. С. Толстой. Вот один фрагмент из него: «Устроились пока хорошо. Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе, потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся, комнат не очень много. Я живу с Папой и Мамой в одной, где и проводим почти целый день».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 60 ДНЕЙ.

День девятнадцатый

Суббота 18 мая (5 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 13 минут,
заход в 21 час 42 минуты,
долгота дня 16 часов 29 минут.

Церковь отмечала память великомученицы Ирины и обретение мощей преподобного Иакова Железнодорожского.

Среди новостей следует упомянуть декреты о перемене фамилий и обязательном обучении военному искусству («Всеобуч»).

В Екатеринбурге ввели налог на лошадей, собак и прочую живность. Это было актуально, ибо на тот день при 80 870 человек жителей в городе было 2 502 лошади, 3 267 коровы, 1 207 свиней и коз, 34 662 штук птицы, количество собак не поддавалось учету.

В ДОНе было все спокойно, лишь мучались все еще с электропроводкой. Николай II записал в дневнике: «Погода стояла сырая и дождливая. Свет в комнатах тусклый и скука невероятная! Во время игры с Марией у меня вышел настоящий трик-трак — также редко, как четыре безика. Гуляли полчаса днем. Ужина дожидались с 8 до 9 час. Электрическое освещение в столовой поправили, а в зале еще нет». Александра Федоровна в тот день записей в дневнике не делала.

Местная газета «Уральская жизнь», поместив заметку о высылке великой княгини Елизаветы Федоровны из Москвы, добавляла, что та встречалась с германским послом Мирбахом. Откуда такие сведения? Кто подсунул их в этот раз? Московский присяжный поверенный Дерюжинский утверждал, наоборот, что причина высылки в том, что Елизавета Федоровна отказалась принять посла. На той же полосе газеты еще одна провокационная дезинформация в разделе «Хроника»: «Монахини Н[ово]-Тихвинского монастыря возбудили перед советом ходатайство о разрешении жить Елизавете Федоровне в монастыре». Перепуганная насмерть игуменья монастыря Магдалина через четыре дня дает опровержение этой фальшивки. Но дезинформация уже осела в памяти обывателя и делает свое дело. Интересно другое: эти заметки дают основание думать, что именно в эти дни Елизавета Федоровна была в Екатеринбурге. Иначе как она попала бы в Алапаевск, если следовала по пути Москва — Вятка — Пермь? Где она останавливалась? Кто ее сопровождал? Н. Соколов утверждает, что алапаевские узники прибыли в этот город 20 мая 1918 года. Следовательно, можно смело утверждать, что именно в эти дни Елизавета Федоровна находилась в нескольких сотнях метров от своей сестры. Узники Ипатьевского дома этого, конечно, не знали.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 59 ДНЕЙ.

День двадцатый

Воскресенье 19 мая (6 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 11 минут,

закат в 21 час 43 минуты,

долгота дня 16 часов 32 минуты.

Церковь отмечала 3-ю неделю по Пасхе и память преподающего Иова Многострадального, святых жен мирносониц Марии Магдалины, Марии Клеоповой, Соломии, Иоанны, Марфы, Марии и Бусанны, а также благоверной Тамары Грузинской.

Газеты оповестили, что перевод стрелок часов не был утвержден Советом Народных Комиссаров. В городском театре было закрытие сезона оперой «Аида».

Николай Александрович Романов отмечал в этот день свое пятидесятилетие. Надо признаться, что император всегда относился к своему дню рождения несколько саркастически. Это видно из его дневниковых записей.

В 1888 году он записал: «Мне — 20 лет, совсем стариком делаюсь»

В 1907 году: «Была хорошая и ясная погода. Сегодня мне минуло 39 лет! Утром телеграммы, поздравления людей, поцелуй в плечо садовника. В 11 час. длинная обедня, опять поздравления и большой завтрак».

В 1913 году: «Страшно делается при мысли, что мне минуло 45 лет!»

В 1914 году: «Мне минуло 46 лет! Вот-с!»

В 1915 году: «Перед утренним чаем свита и люди поздравили меня с днем рождения».

В 1916 году: «Дожил до 48 лет. Перед чаем поздравляли все люди и поднесли крендель. В 10 час. приехала Аликс с детьми: отправились к обедне. Затем в доме приносили поздравления все чины штаба, управлений и гражданские».

Наконец, в 1917 году, уже низложенный, Николай II запишет: «Мне минуло 49 лет. Недалеко и до полсотни!»

В этом году запись в его дневнике начинается со знаменитой фразы, которую потом так часто будут цитировать официозные историки Страны Советов: «Дожил до 50 лет, даже самому странно! Погода стояла чудная, как на заказ. В 11 $\frac{1}{2}$ тот же батюшка с диаконом отслужили

молебен, что было очень хорошо. Прогулялся с Марией до обеда. Днем посидели час с четвертью в саду, грелись на теплом солнце. Не получаем никаких известий от детей и начинаем сомневаться, выехали ли они из Тобольска?» Почти слово в слово записывает о детях в своем дневнике Александра Федоровна. Это, наверное, не случайно, ибо эта тема не один раз обсуждалась родителями в те дни.

Тот батюшка, о котором упоминает Николай II — протоиерей Сторожев, — перепуган до смерти и подает ходатайство о перемещении его из престижного Екатеринбургского собора в центре города в далекую Симеоновскую церковь на вакансию второго священника. Ему, очевидно, отказывают, и он тянет свой крест служения узникам до конца, ожидая каждодневного ареста.

А в местных газетах опять тема о возможности побега Романовых. В третий (!) раз цитируется выступление Свердлова на заседании ВЦИК, в частности, о тех мифических восьмидесяти тысячах рублей. Подсовываются читателю и новые сведения: «У епископа Гермогена была отобрана переписка, из которой можно было убедиться в существовании организации побега Романовых». Впервые одним из высших чинов новой власти вслух было сказано, что существует какая-то переписка. Не тогда ли окончательно оформилась идея создать такую переписку? Правда, упомянутый Гермоген — иерарх Тобольский, но это уже детали. В самом конце выступления Свердлова выделяется фраза: «Николай Романов должен убедиться, что он является только советским арестантом. Мы до сих пор не занимались его судьбой, но вскоре мы поставим этот вопрос на очередь, и он будет так или иначе разрешен». На наш взгляд, это как раз тот день, когда в высшем эшелоне было принято решение об уничтожении узников, и маятник этого преступления стал раскачиваться в разных направлениях. Одни стали думать, как спровоцировать Романовых на побег, другие — о том, как заставить пойти Романовых на открытое сопротивление, а третьи — просто стали искать место, где бы скрыть трупы. Мать Николая II — Мария Федоровна в свое время записала, что не случайно ее сын родился в день поминовения преподобного Иова Многострадалного. Предсказание должно было сбыться.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 58 ДНЕЙ.

День двадцать первый

Понедельник 20 мая (7 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 9 минут,

заход в 21 час 45 минут,

полгота дня 16 часов 36 минут.

Церковь отмечала Воспоминание явления на небе Креста Господня в Иерусалиме и память преподобного Нила Сорского.

Из политических событий день знаменовался подавлением мятежа меньшевиков и правых эсеров в Саратове.

Узники Ипатьевского дома полны ожидания приезда детей и особенно горячо любимого наследника. Беспкойство Александры Федоровны отчетливо прослеживается среди, казалось бы, безмятежных строк дневниковой записи: «Впервые завтрак был принесен пунктуально. Караул и начальник караула сменились после недели дежурств. Сидела снаружи свыше часа... Играли в карты, почти все время при свете свечи, поскольку электричество в моей комнате не включается. Комендант соскреб краску, закрывающую термометр... снова можно видеть показания в градусах. Неделю никаких вестей от детей».

Николай II более сдержан. Наряду с обычным вставанием, едой и гулянием он отмечает: «Вчера начал читать вслух книгу Аверченко «Синее с золотом». Вынужденное безделье его страшно угнетает, и он просит тюремщиков дать ему физическую работу. Это зафиксировано в книге дежурств: «Просьба Николая Романова, быв[шего] царя дать ему работы: вычистить мусор из сада, пилить или колоть дрова». Мы сейчас знаем, что это было любимое занятие монарха, которое, очевидно, успокаивало его. Об этом свидетельствуют буквально сотни фотографий, сделанных в Царском Селе и Тобольске. Увы, от екатеринбургского заточения не осталось ни одной фотографии вообще. То, что обычно выдают за фотоснимки из Ипатьевского дома, относится совсем к другому времени. Судя по всем документам, работать бывшему царю так и не разрешили. А вдруг он убежит с лопатой или поперечной пилой?

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 57 ДНЕЙ.

День двадцать второй

Вторник 21 мая (8 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 8 минут,
заход в 21 час 47 минут,
длгота дня 16 часов 39 минут.

Церковь отмечала память апостола и евангелиста Иоанна Богослова, преподобных Арсения Белжого и Пимена Постника.

Из криминальных событий в городе: на квартиру закушника Комиссариата продовольствия Драбкина в 10 $\frac{1}{4}$ часов вечера вошли несколько человек в масках с револьверами и ограбили его на 40 000 рублей.

Беспокойство за переезд детей и вынужденное безделье даже в минуты прогулок по-прежнему волнуют родителей. Александра Федоровна: «Слышали, что дети приезжают, вероятно в четверг. Нам дали комнату для Бэби».

Бэби — так ласково в семье называли цесаревича Алексея.

Жене вторит Николай II: «Утром слышали гром, в стороне от города прошла гроза, но у нас было несколько ливней. Читал до обеда 4-ю часть »Войны и мира«, которую не знал раньше. Погулял час с Марией. Авдеев предложил нам осмотреть две комнаты рядом со столовой; караул теперь помещен в подвальном этаже. Более получаса ожидали обед и ужин. Получили поздравительную телеграмму от Ольги к 6-му мая».

В книге дежурств запись: «Личная просьба Николая Романова: нельзя ли в саду устроить гамаки для детей». К этому власти остались глухими, а редкие часы прогулок во дворе начали постоянно сокращать.

В городских газетах опять намек на возможность побега. В них сообщалось о каком-то таинственном купце, который вел беседы среди крестьян в пользу Романовых. Тут же были опубликованы воспоминания Б. Савинкова «Заговор с[оциалистов]-р[еволюционеров] на жизнь Николая II».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 56 ДНЕЙ.

День двадцать третий

Среда 22 мая (9 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 6 минут,
заход в 21 час 8 минут,
долгота дня 16 часов 42 минуты.

Церковь отмечала память пророка Исая и мученика Христофора.

Из политических событий в газетах упоминается, что красные войска заняли станицу Усть-Медведицкую и город Баку. Завершилось оправдательным приговором дело Дыбенко. Его потом все равно расстреляют.

Узники Ипатьевского дома живут ожиданием приезда детей — больше ничего на ум им не идет. Николай II записывает: «Полуясный день с несколькими дождями. И Мария и я зачитываемся «Войной и миром», а перед чаем увлекались в трик-трак. Гуляли час. Все еще не знаем, где находятся дети и когда они все придут? Скучная неизвестность!» Ему вторит Александра Федоровна: «Сидела снаружи в течение часа. N. читал нам. Никаких вестей о детях».

О детях действительно никаких известий узникам не поступает, но охрана дома занесла в книгу дежурств запись, что именно в этот день прибыла «семья Романовых из (4) четырех человек: Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Анастасия Николаевна, Алексей Николаевич и с ними повар Иван Михайлович Харитонов, мальчик Леонид Иванович Седнев...» На самом деле все они придут на следующий день. М. Дитерихс тоже ошибся, утверждая, что в этот день отряд Медведева из 33 человек (с приложением списка) поселили в комнатах нижнего этажа Ипатьевского дома. Это событие произошло в минувший день.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 55 ДНЕЙ.

День двадцать четвертый

Четверг 23 мая (10 по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 5 минут,
заход в 21 час 50 минут,
долгота дня 16 часов 45 минут.

Церковь справляла память святого Симеона, епископа Суздальского, преподобной Исидоры юродивой и блаженной Таисии.

Из важнейших событий дня: начало мирных переговоров между Россией и Украиной.

В этот день в город прибыла вторая партия узников. Этот эшелон тоже шел скрытно, но почему-то на многих остановках крестьяне близлежащих деревень встречали царских детей цветами.

Пассажиры спецпоезда были тщательно отфильтрованы. Часть войдет в круг тех одиннадцати, которым суждено быть здесь убитыми, кто попал в тюрьму, кто был выдворен из города, а кто тоже расстрелян, просто так, в другом месте. Единицы из них спаслись и умерли своей смертью.

Дневниковая запись Николая II немногословна: «Утром нам в течение одного часа последовательно объявили, что дети в несколько часах от города, затем что они приехали на станцию и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 час. ночи!»

Участник этого приезда воспитатель цесаревича П. Жильяр описал детали приезда скрупулезно точно: «Мы прибыли в Екатеринбург ночью, и поезд остановился на некотором расстоянии от вокзала.

Утром, около девяти часов, несколько извозчиков стали вдоль нашего поезда, и я увидел четырех субъектов, направляющих к вагону детей.

Прошло несколько минут, после чего приставленный к Алексею Николаевичу матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках, за ним шли Великие княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон. Я вернулся к окну. Татьяна Николаевна шла последней, неся свою собачку, и с большим трудом тащила тяжелый коричневый чемодан.

Шел дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь — его с силой оттолкнул один из комиссаров... Несколько мгновений спустя извозчики отъезжали, увозя детей по направлению к городу».

Так П. Жильяр писал в 1921 году, а на допросе у Н. Соколова в 1918-м, так сказать, по свежим впечатлениям, он привел подробности, которые позже ускользнули из его рассказа: «Приблизительно часов в 9 утра поезд остановился между вокзалами. Шел мелкий дождь. Было грязно. Подано было 5 извозчиков к вагону, в котором находились дети, подошел с каким-то комиссаром Родионов. Вышли княжны. Татьяна Николаевна имела в одной руке свою любимую собачку. Другой рукой она тащила чемодан, с трудом волоча его. К ней подошел Нагорный и хотел ей помочь. Его грубо оттолкнули. Я видел, что с Алексеем Николаевичем сел Нагорный. Как разместились остальные, не помню. Помню только, что в каждом экипаже был комиссар, вообще, кто-то из большевистских деятелей. Я хотел выйти из вагона и проститься с ними в последний раз, и даже не думал, что буду отстранен от них».

Еще один участник этих событий миновал расправу в Ипатьевском доме и спустя десятилетие опубликовал свои воспоминания об этом дне. Это — личный камердинер императрицы Алексей Андреевич Волков. Вот его описание дня приезда: «В Екатеринбург приехали поздно, около полуночи. Поезд поставили на запасной путь, довольно далеко от вокзала. Возле вагонов установили вооруженную охрану. Ночь мы провели в вагонах. Было холодно, моросило. Все мы продрогли». Далее Волков описывает саму разгрузку: «Поутру приехали комиссары: двое прежних — Хохряков и Родионов и новый Белобородов. Вошли в вагон 2-го класса и предложили в нем находящимся пересесть в извозничьи экипажи. Из вагона появился сначала Нагорный, помогая выйти наследнику, затем великие княжны. Нагорный посадил наследника в пролетку, вернулся к вагону и хотел помочь великим княжнам нести вещи. Сделать это ему не дали. Все члены царской семьи вместе с комиссарами разместились в экипажах и поехали в Ипатьевский дом. Через полчаса вместе с теми же извозчиками возвратились к поезду комиссары».

Первый вопрос: когда поезд прибыл в Екатеринбург? Николай II пишет о двух часах ночи, очевидно, со слов коменданта. Сам А. Авдеев в своих воспоминаниях о времени не пишет, упоминая, что эту группу сопровождал П. Хохряков, который мемуаров оставить не успел, поскольку через два года был убит под станцией Крутихой. Няня цесаревича Теглева писала: «Прибыв ночью в Екатеринбург, мы утром были переведены куда-то за город и детей увезли. Я только в щель видела, как Татьяна Николаевна сама тащила тяжелый саквояж с подушкой, а рядом с ней шел солдат, ничего не имея в руках». Такое сходство с показаниями П. Жильяра не случайно — она была его женой. Другой воспитатель — Гиббс показал на следствии еще короче: «Были подготовлены извозчики, и я видел, как увозили детей. Я проститься с ними не мог, не пустили».

Еще одна пассажирка этого поезда, помощница Теглевой, Е. Эрсберг, на том же следствии показала: «Утром, когда мы были в Екатеринбурге, в наш вагон (я была с детьми) явились двое. Один был Заславский, другого не знаю. Они потребовали от детей, чтобы они выходили. Были поданы извозчики. На одном из них с Ольгой Николаевной сел Заславский».

Теперь фактов достаточно, давайте попробуем восстановить события. Светало в тот день рано — в пять утра, и, следовательно, если бы приехали при солнце, то так бы и записали. Скорее всего, их поезд подали на Екатеринбург-I между полночью и двумя часами ночи, а с рассветом перегнали туда же, где стоял в свое время литерный № 42, напротив торцевого выхода Шарташской улицы на Вторую Восточную. Этот маршрут уже был отработан.

Кто встречал прибывших, неизвестно, так как на сей раз никто расписки не давал, однако порядок отъезда пяти извозчиков можно установить точно. На первом ехал цесаревич Алексей, Нагорный и, вероятно всего, Хохряков — он город знал. На втором и третьем извозчиках ехали Ольга Николаевна и Анастасия Николаевна, хотя сейчас нельзя установить порядок очередности их экипажей. С одной из них сидел комиссар Родионов. На четвертом — Татьяна Николаевна с собачкой и Заславский. На пятом извозчике ехал Белобородов и конвой. Родионов потом будет утверждать, что ему-то

и было все поручено, а не Мячину, Хохрякову и Юровскому. Что касается Заславского, то мы его тоже помним: это он собирался убить Николая II при переезде из Тобольска в Тюмень.

Маршрут шел опять через те 1300 м по Шарташской улице к углу Вознесенского переулкa и Вознесенского проспекта, к Дому особого назначения, иначе бы извозчики не успели вернуться назад через полчаса. Следовательно, путь в один конец занимал не более 15 минут, а с учетом разгрузки и того меньше.

Что было с остальными пассажирами, прибывшими из Тобольска? Об этом свидетельствует уже упомянутая нами Эрсберг: «Потом, спустя некоторое время, явился снова Заславский и потребовал Татищева, Гендрикову и Шнейдер. Он сам их куда-то увез. После этого Родионов сказал нам: «Ну, через полчаса и ваша судьба решится. Только ничего страшного не бойтесь». После этого, кажется тот самый, который приходил в вагон с Заславским, увел Труппа, Харитонову, мальчика Седнева и Волкова».

Из этой четверки Трупп, Харитонов и мальчик Седнев были помещены в дом Ипатьева. «Вместе с указанными членами семьи в дом были допущены повар Харитонов, его помощник мальчик-поваренок, слуги Седнев и Трупп и на несколько дней матрос Нагорный (дядька Алексея)», — вспоминал позже комендант А. Авдеев. Мальчику-поваренку повезет — он останется по чьей-то прихоти живым и будет выслан на родину (по одним сведениям, в Тульскую губернию, по другим — в Петроград).

Волкова, к его счастью, не довели до дома Ипатьева, и он тоже останется живым. Вот как он сам описывал дальнейшие события: «Комиссар Родионов подошел к вагонам и сказал: «Волков здесь?» «Здесь» — ответил я. «Выходите, сейчас поедem». Я вышел, взяв с собой чемодан и большую банку варенья, но мне сказали, чтобы я банку оставил, так как ее привезут мне после (банки этой я так и не получил). Из вагона вышли также: генерал Татишев, графиня Гендрикова, госпожа Шнейдер, повар Харитонов и мальчик Седнев. Посадили нас в экипажи. довели до какого-то дома. Дом этот был обнесен высоким забором. Это обстоятельство навело меня на мысль о том, что здесь заключена царская

семья. Я ехал в переднем экипаже один. Подъехали к дому, чего-то ожидаем. Никто из него не выходит и не приглашает войти. Высадили только Харитонову и Седневу. Всех остальных повезли куда-то дальше. Я спросил у извозчика: «Куда везешь?» Извозчик не ответил ничего. Спрашиваю во второй раз: «Далеко еще до дома?» Опять вместо ответа — молчание. Подвезли к какому-то зданию. Комиссар Белобородов сошел с пролетки и крикнул: «Открыть ворота и принять арестованных». Стало ясно, куда нас привезли».

Далее произошел эпизод, о котором Волков рассказывал в двух вариантах. На допросе у Соколова он утверждал, что в конторе находился комиссар Родионов, а спустя десятилетие, в своих мемуарах, указывал, что это был Белобородов. Вот как первоначально он рассказывал о первых минутах в тюрьме: «Когда нас привезли в контору, Татищев не утерпел и сказал мне: «Вот, Алексей Андреевич, правда, ведь, говорят: от сумы да от тюрьмы не отказывайся». Родионов ничего на это не сказал Татищеву...» В воспоминаниях этот эпизод звучит несколько по-иному: «Привели в контору, записали. Когда мы были в конторе и нас записывали, генерал Татищев, среди тишины, обратился ко мне со словами: «Правду говорят, Алексей Андреевич: от тюрьмы да от сумы — не отказывайся». Благодаря царизму — я родился в тюрьме,— сказал, услышав слова Татищева, комиссар Белобородов... (комиссар лгал — он родился не в тюрьме.— Г. З.). Развели нас по камерам... меня с Татищевым — в отдельную наверх. На другой день из Ипатьевского дома привезли к нам в тюрьму и посадили в нашу камеру камердинера государя Чемодурова. Посажены мы были в политическое отделение тюрьмы, где находились и заложники». Татищева расстреляют без суда и следствия вместе с генералом Долгоруковым. Гендрикову, Шнейдер и Волкова выведут на расстрел в ночь с 20 на 21 августа в Перми, но Волков, сильно раненный, убежит и спасется. Эти события ярко описаны в его воспоминаниях.

Чемодурова действительно арестуют на следующий день. Он тоже спасется. Но, судя по всему, тронется умом и вскоре умрет от чахотки. Что касается Нагорного, то о нем речь еще впереди. Остальные — Жильяр и его жена Теглева, Гиббс, Буксгевден, Эрсберг и Тутельберг —

будут высланы в Тюмень, и там их освободят белые войска.

Встреча прибывших в доме Ипатьева описана в дневнике Николая II: «Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельн[ой] разлуки и неопределенности.

Взаимным расспросам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели. Нравственные страдания и в Tobольске, и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. Из всех прибывших с ними впустили только повара Харитонов и племянника Седнева. Днем вышли минут на 20 в сад — было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кровати и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать».

Здесь мы должны остановиться на одной личности, фамилия которой несколько раз была упомянута в событиях этого дня,— комиссар Родионов. Состав отряда, везшего вторую партию заключенных, известен нам поименно, все 72 человека. Читая эти списки, нетрудно заметить, что большинство из охранников были латышами. Команду возглавлял человек, носивший фамилию Родионов. Есть десятки и десятки свидетельств, приведенных в разных документах, о грубом поведении Родионова, его экстремальности. Для нас важно другое — фактически он был старшим в отряде, а не бравый матрос П. Хохряков. Генерал Татищев говорил, что Родионов видел его в Берлине, а М. Дитерихс утверждал, что тот был среди убийц генерала Духонина в Ставке. Кобылинский предполагал, что это бывший жандармский офицер. С. Мельчугов записал: «Выяснить роль этого, неизвестно откуда взявшегося «комиссара» следствие оказалось бессильным». Баронесса Букстевлен тем не менее категорически настаивала, что он был жандармом в пограничном с Германией Вержболове. Т. Мельник-Боткина дала ему уничтожающую характеристику: «Это был человек небольшого роста, с отталкивающим выражением довольно благообразного лица. Если он был любезен, то делал это точно издеваясь; если начинал кричать, то становился зверем». «Комиссар» этот был полновластным

хозяином при этапировании второй партии узников из Тобольска, и это ему принадлежит фраза, сказанная при запрете закрывать свои комнаты на пароходе: «Я каждую минуту могу войти и видеть, что вы делаете».

«Родионов» объявился сам — в сентябре 1964 года под своим подлинным именем — Ян Мартынович Свике. Он передал в прессу мемуары, в которых, конечно же, события описаны так, словно других комиссаров и не было. К этим «воспоминаниям» мы еще вернемся, а сейчас нам важно заявление «Родионова» о том, что он осуществлял перевозку арестованных из Тобольска в Екатеринбург по личному распоряжению Ленина и что он также лично доложил главе правительства о выполнении задания. Так появляется еще один кандидат на первые роли, и мы еще узнаем, на что он будет претендовать в этой трагедии.

Что касается второго руководителя отряда по перевозке этой партии арестованных, то дочь доктора Боткина дала ему любопытную характеристику: «Хохряков, кочегар по профессии, был довольно безобидным и неумным созданием. Он с первых же слов рассказал... что по приезду в Екатеринбург вся свита будет арестована отдельно от Их Высочеств, так что им и ехать не стоит». К характеристике этого персонажа мы также еще вернемся.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 54 ДНЯ.

День двадцать пятый

Пятница 24 мая (11 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 3 минуты,

закат в 21 час 52 минуты,

долгота дня 16 часов 42 минуты.

Церковь отмечала память святомученика Мокія, равноапостольных Мефодия и Кирилла, святого Никодима, архиепископа Сервского.

В городской газете извещалось, что содержатель «Американской гостиницы» Ефремов заявил о систематической краже ножей, вилок и ложек. УГРО незамедлительно арестовать трех человек — ведь кражи проходили в здании, где размещалась чрезвычайка!

В ДОНе продолжается суета вчерашнего приезда. Николай II записывает: «С утра ожидали впуска наших вещей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только к вечеру дали ему войти и. Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате. Хотя мы все сидели в спальне, я много читал; начал «Неоконченную повесть» Алухтина».

Приезд Нагорного и Труппа зафиксирован в книге дежурств: «Нагорный Климентий Григорьев[ич] в Доме особого назначения при бывш[ем] царе Николае Романове, служащий при Алексее Никол[аевиче], 32 год[а], имеет при себе деньги четыреста восемьдесят девять (489) руб.» и «Трупп Алексей Егорович в Доме особого назначения прибыл из Тобольска совм[естно] с семьей б[ывшего] царя, лакей 61 год. Имеет при себе деньги сто четыре (104) руб. Найдено при обыске 310 рублей (триста десять)».

Из тройцы камердинеров уцелеет лишь один Чемодуров. Николай II наивно полагает, что он его отпустил. Александра Федоровна, полная забот об Алексее, также уделяет ему внимание: «Чемодуров покинул нас, так как чувствовал себя плохо». На самом деле из Ипатьевского дома старика Чемодурова отправили прямехонько в екатеринбургский тюремный замок. Как это ни парадоксально, но именно там о нем забыли в суматохе эвакуации, и он пролежал на дальней тюремной больничной койке вплоть до прихода белой армии. Об этом потом напишет генерал М. Дитерихс.

Теперь, при полном «штате» заключенных, заступившая на дежурство команда Медведева из 75 человек стала нести охрану на одиннадцати постах. Внутренние посты располагались на парадном входе, у комнаты коменданта и на площадке внутренних сеней у дверей уборной. Это создавало много неудобств, особенно для женщин, ибо караульные то и дело отпускали сальные шуточки проходящим, а поскольку уборной пользовалась и охрана, то все стены были испещрены и разрисованы пошлостями и скабрзностями. Наружные посты располагались у ворот около парадного входа, на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, между заборами — под окнами царя и царицы, на перед-

нем дворе — у дверей, на заднем дворе — у калитки выхода из садика, и, наконец, в самом саду. Часовые стояли по четыре часа в смену, а разводящие сменялись раз в неделю. Так посты описывает генерал М. Дитерихс.

Следователь Н. Соколов пишет еще о двух постах: на террасе дома и у окна одной из комнат низшего этажа. В первых числах июня было добавлено еще три поста: на чердаке, в нижнем этаже дома и на колокольне Вознесенской церкви, что была напротив. Это были пулеметные посты. Вполне можно после этого согласиться с Н. Соколовым, «что при такой системе караулов царская семья была в западне, в безвыходном положении». В его же книге приведен поименный список всех охранников. Пятеро из них потом дадут показания следствию: Летемин, Люханов, Медведев, Проскураков и Якимов. Воспоминания оставят Авдеев и Летемин, хотя и спустя много лет после произошедших событий, так что память зачастую подводила мемуаристов.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 53 ДНЯ.

День двадцать шестой

Суббота 25 мая (12 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 1 минуту,

закат в 21 час 53 минуты,

долгота дня 16 часов 52 минуты.

Церковь отмечала память святого Флпфанния епископа Кипрского и святого Германа патриарха Константинопольского.

В местных газетах помещена статья «Борьба с голодом» и дано сообщение о введении «продовольственной диктатуры». В железнодорожных мастерских, что расположены были в самом центре города, в первом часу ночи вспыхнул пожар, принесший убытки в 200 000 рублей.

О главном событии того дня газеты еще не могли сообщить. Первые вести о чехословацком мятеже появятся лишь через четыре дня под скромным заголовком: «К выступлению чехословацких эшелонов». Вряд ли кто мог тогда предположить о роковой роли этого события в судьбах России.

Областной военный комиссар описывал начало этого выступления как незначительный конфликт местного значения: «...в Челябинске произошло столкновение между мадьярами и чехами. Прокуратура 10 чехословаков арестовала». Дело бы и закончилось взаимными обвинениями, тем более что арестованных освободили в тот же день. Но Троцкий отдал распоряжение о разоружении. С этого собственно и начался бунт. Этот «бунт» унесет с собой жизни сотен тысяч людей, разрушит много фабрик, заводов, зданий, мостов и т. п. на миллиарды рублей. Он приведет к отмене советской власти на Украине почти на полтора года. Ричард Пайпс в своем знаменитом труде «Русская революция» уверенно заявляет, что именно с этого момента Ленин дал распоряжение ЦК подготовить операцию по ликвидации всех Романовых, используя как предлог их мнимые «попытки к бегству».

А сами узники этого не могли знать и переживали радость воссоединения. Николай II: «Спали все хорошо, кроме Алексея, кот[орого] вчера под вечер перенесли в его комнату. Боли у него продолжались сильные, стихая периодически. Погода вполне соответствовала нашему настроению, шел мокрый снег при 3° тепла. Вели переговоры через Евгения Сер[геевича] с председателем областного Совета о выпуске к нам m-г Gilliard. Дети разбирали некоторые свои вещи после невообразимого продолжительного осмотра в ком[ендантской] комнате. Гуляли минут 20.

Ужин опоздал почти на час».

Об этом же записывает в дневник Александра Федорова: «Вл[адимир] Ник[олаевич] пришел с Авд[еевым] и коменд[антом], 4 человека из комнаты позже осматривали внутри. Они осматривали принесенные вещи детей, только необходимые дорожные чемоданы, занесенные наверх».

Запись в дневнике Николая II о переговорах с председателем областного Совета подтверждается документами Государственного архива Российской Федерации. Там сохранилось обращение Боткина, начинающееся словами «Господин Председатель». В нем он просит допустить в ДОН на помощь ему Гиббса и Жильяра: «...к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, в виду того, что маль-

чик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием...»

Тщательный осмотр тоже был не случаен — искали драгоценности. Это очень волновало двух высших сановников большевистской верхушки на Урале: Юровского и Дидковского. Кто из них мог догадаться, что часть этих драгоценностей спрятана в Тобольске и будет найдена лишь через полтора десятка лет? Вот другая часть была спрятана здесь, в этом доме, и будет найдена зашитой в нижнем белье женщин после их расстрела. Весь багаж между тем тщательно осматривали и попутно, вероятно, прикидывали, что можно своровать, ибо именно на следующий день Николай II впервые обнаружит пропажи и будет ошеломлен этим открытием.

В этот день появилась довольно странная запись в книге дежурств: «Шестерки ночью много ходили и все что-то высматривали и прислушивались». На русском блатном жаргоне, столь близком охранникам дома, шестерками называют холуев, слуг. Правда, у этого слова есть и другое значение — «мелкий вор, исполняющий приказание авторитетных воров». Логичнее предполагать, что охранник имел в виду прислугу Романовых, беспокоившейся о сохранности вещей. Естественно, что это относилось прежде всего к вновь прибывшим из Тобольска Седневу-старшему и Труппу, которые еще не привыкли к правилам местного тюремного режима.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 52 ДНЯ.

День двадцать седьмой

Воскресенье 26 мая (13 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов,

заход в 21 час 55 минут,

долгота дня 16 часов 55 минут.

Церковь справляла 4-ю неделю по Пасхе — неделю о расслабленном, а также память мученицы Гликерии девицы и преподобного Евфимия Иверского.

Из политических событий: ликвидировано контрреволюционное выступление в Клину.

День был совершенно обычным, но именно в этот день произошла первая личная встреча будущего палача со своими жертвами. Встреча была анонимной для заключенных.

Вот как записал ее Николай II: «Спали отлично, кроме Алексея. Боли у него продолжались, но с большими промежутками. Он пролежал в кровати нашей спальни. Службы не было. Погода была та же, снег лежал на крышах, как все последние дни. В. Н. Деревенко приходил осматривать Алексея; сегодня его сопровождал черный господин, в кот[ором] мы признали врача». Кто знал из них, что этот «черный господин» и был Я. Юровский — тот самый, который дважды выстрелит в ухо чуть шевельнувшемуся Алексею в трагическую ночь.

Присутствующий при встрече Деревенко в своих показаниях Н. Соколову позже заявит: «Осматривая больного, Юровский увидел на ноге наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил свое знание медицины. При нашем входе сидевший тут же государь встал. Юровский осмотрел больного, повернулся к столу, остановился, заложив руки в карманы, и начал рассматривать находившееся на столе. После этого мы вышли».

Так уж повелось в мире, что прежде, чем узников казнят, их вылечивают. Следовал ли этой традиции «черный господин»? Знал ли он тогда, что узники будут расстреляны или еще примеривался: что с ними сотворить?

Впрочем, в этот день было еще одно событие, несравненно менее значимое, но такое же симптоматичное, как и визит. В дневнике Николая II записано так: «После короткой прогулки зашли с ком[ендантом] Авдеевым в сарай, в кот[орый] свезен наш большой багаж. Осмотр некоторых открываемых сундуков продолжался». Знал бы бывший царь, что это воровство шло при прямом участии того самого Авдеева, с которым он и осматривал багаж. Несколько позже даже большевистское руководство возмутится наглостью коменданта и его подручных в части растаскивания чужого имущества. Прав Р. Вильтон, записав: «Увольнение Авдеева Голощекин объяснил Совету кражей и пьянством». Охранник Якимов на следствии показывал: «Авдеев был пьяница.

Он любил пьянство и пил всегда, когда можно было. Пил он дрожжевую гущу, которую доставал на Злоказовском заводе. Пил он и здесь в доме Ипатьева. С ним пили и... его приближенные. Когда последние переселились в дом Ипатьева, они стали воровать царские вещи. Часто стали ходить в кладовую и выносить оттуда какие-то вещи в мешках. Мешки они вывозили и в автомобиле и на лошадях. Везли они вещи к себе домой по квартирам... Указывали определенно [как] на воров на Авдеева и Люханова. Это, конечно, так и было».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛСЯ 51 ДЕНЬ.

День двадцать восьмой

Понедельник 27 мая (14 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 59 минут,
заход в 21 час 57 минут,
долгота дня 16 часов 58 минут.

Церковь отмечала память святого Исидора Христа ради юродного и инокѣ Ярославской Богоматери.

Особых политических событий в тот день не случилось.

В тот день впервые в доме Ипатьевых стреляли. Выстрел пока был безобидным, предупредительным, но не прозвучал ли он как сигнал готовности убийц? Николай II записал: «Погода простояла теплая. Много читал. Алексею, в общем, полегче. Погуляли днем час. После чаю Седнева и Нагорного вызвали для допроса в Обл[астной] Совет. Вечером продолжался осмотр вещей дочерей при них. Часовой под нашим окном выстрелил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелится у окна (после 10 час. вечера) — по-моему, просто баловался с винтовкой, как всегда часовые делают».

Комендант Дома особого назначения Авдеев освещает это событие по-иному: «Часовым был отдан приказ, как только появится в окне рука или голова, дать предупредительный в воздух. И вот однажды раздался

выстрел. Поняв, в чем дело, бросаюсь в комнату. Отворив двери угловой комнаты, застаю такую картину: Николай лежит на полу вниз лицом, за кроватью, возле ночного столика, присела его жена, возле окна на полу лежала Мария и Татьяна».

Какая разница! Николай II об этом ни слова, приняв выстрел за баловство часового, а со слов Авдеева — среди узников паника. Так куда стреляли? В воздух или окно? Комендант утверждает, что в воздух, а вот охранник А. Стрекотин в своих воспоминаниях расставляет акценты по-иному: «Царь взял себе привычку подходить к окну и внимательно выглядывать в город, на предупреждения часовых он не обращал внимания. Красноармеец Сафонов Вениамин решил отучить царя. Однажды он предупредил царя, тот продолжал стоять у окна, тогда Сафонов нацелился в него, а когда царь повернулся спиной, видимо намереваясь уходить, он выстрелил вверх около самого окна».

Р. Вильтон, не приводя, впрочем, каких-либо доказательств, считает, что стреляли не в царя, а в Анастасию Николаевну.

В этот день, как записал Николай II, взяли на допрос Нагорного и Седнева-старшего. Его племянник Седнев-младший останется в ДОНе почти до самого кануна убийства, а вот эти двое больше не вернутся. Н. Соколов относит это событие на следующий день, но здесь мы поверим Николаю II. Барбара Бернс утверждает, что Нагорный был арестован за то, что не дал украсть одному из охранников золотую цепочку с иконой, принадлежавшую Алексею.

П. Жильяр вспоминал: «В то время, как я однажды, вместе с доктором Деревенко и мистером Гиббсом, проходил мимо дома Ипатьева, мы заметили двух стоявших там извозчиков, окруженных многочисленными красноармейцами. Каково же было наше волнение, когда мы узнали в первом из них лакея Великих княжен Седнева, сидевшего между двумя стражами. Нагорный подходил ко второму извозчику. Он ступил на подножку, опираясь на крыло пролетки, и, подняв голову, заметил нас троих, стоявших неподвижно в нескольких шагах от него. Он пристально посмотрел на нас в продолжении нескольких секунд, а затем, не сделав ни малейшего движения, которое могло бы нас выдать, в свою очередь сел в про-

летку. Пролетки отъехали, и мы видели, что они направились по дороге в тюрьму». Ипатьевские узники больше их не увидят, хотя фамилией «Седнев» большевики еще будут оперировать даже накануне убийства.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 50 ДНЕЙ.

День двадцать девятый

Вторник 28 мая (15 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 57 минут,

заход в 21 час 58 минут,

долгота дня 17 часов 1 минута.

Церковь отмечала память преподобного Пахомия Великого, святых Исани, епископа Ростовского и чудотворного благоверного царевича Дмитрия Угличевского и Московского.

В местных газетах печатается декрет СНК о волостных и уездных комиссариатах, принятый еще в начале апреля. В городе состоялось собрание домовладельцев. На Моетном Дворе в час дня рванул сигнальный снаряд.

День был совершенно обычным, и в книге дежурств появилась ординарная канцелярская запись: «Находящихся в Доме особ[ого] назначения лиц в количестве 12 человек сдал. Принял ¹».

Круг жертв убийства определился, если исключить Седнева-младшего. Николай II записал: «Сегодня месяц нашему пребыванию здесь. Алексею все по-прежнему, только промежутки отдыха все больше. Погода была жаркая, душная, а в комнатах прохладно. Обедали в 2 часа. Гуляли и сидели в садике час с $\frac{1}{4}$. Аликс стригла мне волосы удачно».

Александра Федоровна сообщает иные сведения: «Вл[адимир] Ник[олаевич] пришел наконец, не могла говорить с ним, так как Авд[еев] всегда присутствует. Я спросила, когда наконец Наг[орному] позволят прийти снова, поскольку не знаю, как мы будем обходиться

¹ Подпись в документе неразборчива.

без него — Авд[еев] отвечает, что не знает — боится что не увидим ни его, ни Сед[нева] снова. Бэби сильно мучился какое-то время...» Здесь надо дать пояснения.

Во-первых, Авдеев был прав, что ни Седнева-старшего, ни Нагорного они больше не увидят. Значит, судьба этих двух, преданных Романовым лиц уже была решена тогда, но в этот день они были еще живы и находились в екатеринбургском тюремном замке. Во-вторых, Владимир Николаевич Деревенко (иногда пишут — Деревенько) — врач. Он был единственным человеком, кроме охраны, конечно, который имел более или менее свободный доступ к затворникам. Сам он жил в городе и занимался частной практикой. Посещал он Ипатьевский дом часто, хотя его и не всегда допускали. Посещения всегда проходили в присутствии официальных лиц, чаще всего коменданта Авдеева. Роль Деревенко не совсем ясна — его не тронули ни белые, ни красные, и последнее особо удивительно, ибо Деревенко был из непосредственного окружения Романовых, еще до екатеринбургского заточения. Ходили слухи, что он перешел на службу в ЧК, но слухи остались только слухами, и исследователям еще предстоит определить роль этого человека в романовской трагедии. Интересно и другое: почему Александра Федорова так стремилась поговорить с ним без свидетелей?

В этот день в городе впервые были арестованы заложники. Об этом объявили открыто через три дня в газетах, но сам арест произошел в этот день. Среди них были от духовенства — протоиерей Л. Игноратов, дьяконы Уфимцев и П. Чистосердов, врачи — В. Онуфриев и А. Линдер (последний был владельцем знаменитой аптеки на Покровском проспекте), адвокаты К. Герц и, как было указано в извещении, «прочие» — Л. Дукельский, Конторович, Н. Беленьков, П. Первушин, Агафуров, А. Макаров и др. Среди этих «прочих» мы видим фамилии известных в городе мукомолов и владельцев престижных магазинов города. Многие из них живыми из застенка не выйдут.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 49 ДНЕЙ.

День тридцатый

Среда 29 мая (16 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 56 минут,
заход в 22 часа,
долгота дня 17 часов 4 минуты.

Церковь отмечала Преполовление Пятидесятницы и память преподобных Федора Освещенного, Кассиана и Лаврентия Комельских.

С этого дня в Екатеринбурге введено военное положение и с 11 часов вечера до 5 утра объявлен комендантский час. В местных газетах впервые дается информация о восстании чехословаков.

Запись в книге дежурств незначительна и прозаична по содержанию: «Отправлено в прачечную[...]»¹ белье в стирку бывшего царя Николая Романова по квит. № 956».

Записи в дневниках тоже ординарны. Николай II: «День стоял отличный. Погуляли утром и днем долго и грелись на солнышке. Алексею было лучше. Вл[адимир] Ник[олаевич] ему сделал гипсовую повязку. Ужидали в 8 час. при дневном свете. Аликс легла пораньше, из-за мигрени. О Седневе и Нагорном ни слуха ни духа! Александра Федоровна: «Бэби и я завтракали в комнате, а затем он пришел в нашу комнату, поспал немного до того, как пришел Вл[адимир] Ник[олаевич] и (новый комендант), положил ему половину пластыря парижской шины».

Но за пределами ДОНа в газетах тема Романовых и всяких заговоров все ширится. В «Уральской жизни» публикуется большая беседа с Яковлевым. Статья озаглавлена «К переводу быв. царя из Тобольска в Екатеринбург». В заключение впервые приводится расписка Белобородова, выданная Яковлеву 30 апреля. Правда, расписка чуть подправлена, но эти исправления не существенны.

В разделе «Хроника» извещается, что в Москве раскрыт заговор князя Куракина и арестовано 10 человек. Дело включено в «Красную книгу ВЧК» 1922 года и свя-

¹ В документе неразборчиво.

зывается с «Союзом возрождения». И. А. Куракин упоминается в дневниках другого арестованного — В. И. Игнатьева, как министр финансов подпольного правительства Н. В. Чайковского.

В рубрике «Последняя почта» публикуется извещение, что вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич схвачены немцами в качестве заложников. Достаточно взглянуть в воспоминания великого князя Алексея Михайловича, чтобы узнать, что дело обстоит совсем по-другому.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 48 ДНЕЙ.

День тридцать первый

Четверг 30 мая (17 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 55 минут,

заход в 22 часа 2 минуты,

долгота дня 17 часов 7 минут.

Церковь отмечала память преподобной Евфросинии, в миру Евдокии, великой княгини Московской.

Из политических событий — аресты представителей враждебных пролетариату классов. В Москве арестованы командир чешского корпуса генерал Манза, академик А. Соболевский, профессор С. Соболевский; в Петербурге — командующий Балтфлотом адмирал Шастный; в Кисловодске — нефтепромышленник Нобель, с которого потребовали контрибуцию в 10 миллионов рублей. А в Уфе произведен обыск у епископа Андрея. В общем, не иначе как сверху поступил сигнал о терроре.

В этот день в ДОН по приказу Голошекина прибыло еще 29 проверенных охранников с фабрики Злоказова. Их поименный список известен. Кроме них в доме поселился военнопленный австриец Адольф, бывший у коменданта вроде бы как денщиком.

Николай II записал в своем дневнике: «Очень теплый день. Все утро, после уборки комнат, зачитывались книгами до обеда. Еда приходила аккуратно. Алексей был гораздо спокойнее, боли у него были только к вечеру недолго. Гуляли перед чаем. Купался до ужина».

Читатель, вероятно, уже заметил, что узники в этот период усиленно читали и черпали много жизненной мудрости из прочитанного. Об этом свидетельствуют многочисленные подчеркивания и пометки на полях.

Епископ Мефодий, который позже анализировал круг этого чтения, указывал, что прежде всего речь шла о шести книгах: «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника, издания 1901 года, с подписью «А. Ф. Царское Село. Март 1906 г.», «О терпении скорбей Св. Отцов», собранное епископом Игнатием Брянчаниновым, издания 1893 года, с монограммой императрицы и подписью «Петергоф. 1906 г.», «Правило молитвенное готовящихся к св. Причащению» с монограммой Татьяны и надпись Александры Федоровны: «Моей маленькой Татьяне от Мама — 9-го фев. 1912 г. Царское село», книга графа Валуева «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» с монограммой Татьяны, «Часослов» с собственноручной надписью «Т. Н. Тобольск. 1917, 30-го Сент.» и «Благодарения Богоматери роду христианскому через ея святые иконы» с надписью Александры Федоровны на английском языке «Моей дорогой Татьяне от любящей ее старой Мама. Тобольск. 12-е 1918». Эта книга — последний именинный подарок Татьяне.

Из дневниковых записей и других документов мы знаем перечень художественной литературы, которую читали Романовы в Екатеринбурге: «Война и мир» Толстого, «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина» Салтыкова-Щедрина, произведения Апухтина и Чехова, «Крестоносцы» Сенкевича, юмористические рассказы Лейкина и Аверченко.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 47 ДНЕЙ.

День тридцать второй

Пятница 31 мая (18 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 13 минут,

заход в 22 часа 3 минуты,

долгота дня 17 часов 10 мин.

Церковь отмечала память мученика епископа Феофана Анхирского и мучениц семи дев: Александры, Текусы, Клавдии, Фанны, Евфросинии, Матроны и Иулии.

В Москве раскрыт очередной заговор — на этот раз правых эсеров и введено военное положение. Местные газеты сообщали, что чехословаки захватили Аргаяш. В городе произведена регистрация лошадей и введено нормирование продуктов: на месяц выделяется каждому 1 фунт масла, $\frac{1}{4}$ фунта чая и $\frac{1}{4}$ фунта табака, на 6 месяцев пара калоп.

В книге дежурств лаконичная запись: «Просьба гражданина Боткина от имени семейства бывшего царя Николая Романова о разрешении им ежедневно принимать священника для службы обедни». Естественно, что просьба была оставлена без внимания.

Дневниковые записи говорят об усилении тюремного режима — ведь недаром несколько дней тому назад осматривали помещение.

Николай II: «Ночью шел дождь и днем тоже. Начал читать второй том Салтыкова «Господа Головлевы». В комнатах было сыро и скучно. Гулял полчаса. Перед окнами Алексея забор еще приподняли». Александра Федоровна: «Ночь у Бэби прошла так же 36,9 $\frac{1}{2}$. Я оставалась в постели, так как чувствовала сильное головокружение и боли в глазах... Сильно стучали молотками, делая деревянную бадью перед окном Бэби... В[ладимир] Н[иколаевич] не был допущен, так как Авд[еева] тогда не было... После ужина Бэби отнесли в его комнаты, у него были легкие судороги в колене опять».

В этот день в газете «Уральская жизнь» опубликован доклад Голощекина на собрании Совета рабочих и армейских депутатов, посвященном введению военного положения. Вот один абзац из этого доклада: «Арестован ряд представителей правой партии соц-рев., меньшевиков и прочее. Все арестованные будут содержаться под арестом в виде заложников и малейшая попытка какого-либо контрреволюционного выступления в городе повлечет за собой немедленный расстрел заложников». Эта волна красного террора вскоре коснется двух бывших обитателей Ипатьевского дома.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 46 ДНЕЙ.

День тридцать третий

Суббота 1 июня (19 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 52 минуты,

заход в 22 часа 4 минуты,

долгота дня 17 часов 12 минут.

Церковь отмечала память святомученика Патрикия, епископа Прусского и дружины его: Акакия, Менаидра и Полиена.

В этот день Троцкий отдал приказ о разоружении чехословацкого корпуса, но документ запоздал на несколько месяцев, и теперь это воинское соединение представляло из себя значительную армейскую силу. В местных газетах опубликован приказ Революционного штаба Уральской области о военном положении. Наконец-то, именно с этого дня, перевели стрелки часов — на два часа вперед.

В жизни узников никаких тревог. Николай II: «Погода была сырая и теплая. Читал все утро. Гуляли час с минутами до чая. У Алексея боли почти не было. Зелень понемногу подвигается. Ужин опять принесли за два часа — Харитонов его разогрел к 8 час. Поиграл с Марией в трик-трак». Александра Федоровна: «Я провела день в постели, чувствовала себя слабой, тошнило, кружилась голова. {У} Бэби [температура] 37,6. Поспал немного днем. Вл[адимир] Ник[олаевич] и Авд[еев] пришли. После ужина Бэби отнесли в его комнату. У него немного болела голова, но он быстро заснул...»

Вся забота у родителей о больном Алексее, и, кажется, только сейчас начинаешь понимать, что в этом был основной смысл их жизни в последние годы. В день рождения Алексея 30 июля 1904 года (ст. ст.) радостный отец записал в своем дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот[орый] так ясно посетила милость Божья. В $1\frac{1}{4}$ дня у Аликс родился сын, кот[орого] при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро — для меня по крайней мере. Утром побывал, как всегда, у Мама, затем принял доклад Коковцева и раненного при Вафангоу арт[иллерийского] офицера Клепникова и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благода-

рить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний».

Общая любовь распространялась на этого болезненного мальчика. Как тут не вспомнить стихи Марины Цветаевой, написанные ею в апреле 1917 года:

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий — Дмитрий.

Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ежели у тебя не хватит
На него любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексея!

Пророческими оказались слова поэтессы — он был приговорен судьбой к мученической смерти!

Однако в этот день, на наш взгляд, произошло одно экстраординарное событие, укладываемое в единую цепь провокации против Романовых. Это событие зафиксировано в пространной записи в книге дежурств: «Около часа дня поступило заявление повара Харитоновова о том, что что-то лежит на шкафу в комнате, где помещались раньше граждане Седнев и Нагорный, по приходе моем туда оказалось, что на указанном Харитоновым шкафу лежат восемь заряженных бомб: пять из них бутылкообразные за №№ 35, 73, 92, остальные две без №№, две бомбы круглые и одна яйцеобразная № 11, которые по приносе в дежурную комнату были разряжены. При дальнейшем расспросе гр. Харитоновова и Труппа выяснилось: ввиду кладки каменщиками новой плиты в комнате, где помещались Харитонов и Трупп, ими была занята рядом стоящая свободная комната, то он, Харитонов, желая очистить пыль в комнате, обнаружил лежащие на шкафу бомбы и заявил в дежурную комнату, о чем мною сообщено коменданту Дома особого назначения тов. Авдееву, а им в свою очередь сообщено председателю област[ного] Совета тов. Белобородову».

Этот факт исследователей почему-то особо не инте-

ресовал, а между тем нет ответа на вопрос: как на строго охраняемом объекте находят восемь боевых бесхозных гранат?

Ответ может быть лишь один — они туда были подложены специально, чтобы потом предъявить как вещественное доказательство заговора и подготовки к бегству. Иначе ничем не объяснить находки в помещении, где уже более полумесяца не живет никто из охраны.

На наш взгляд, это был первый этап провокации, которая получит в этой драме название «заговора офицера». Почему именно в это время? Да потому, что к началу июня стало ясно, что просто так застрелить кого-то из узников не удастся и объяснения будут звучать неправдоподобно.

Когда первый раз большевики задумали убийство? Еще во время перевозки первой партии Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Именно тогда был послан для этого специальный человек — Заславский. Он со своими помощниками и должны были совершить убийство. Это Заславский сказал Яковлеву: «...повезете Романова, не садитесь рядом с ним». У Мячина приводится еще одна его фраза: «Ну, товарищ Яковлев, надо с этим делом кончать».

Тогда не удалось это сделать благодаря бдительности Яковлева. Второй раз тоже сорвалось: не произошло крушение поезда, о котором упоминал захваченный бедыми комиссар здравоохранения Урала доктор Сакович. Тоже из-за маневра Мячина. В третий раз хотели устроить самосуд на вокзале при приезде. Затем стреляли в окно, но все впустую. Тогда начали хитроумную игру — подбросили в жилые комнаты узников боевые гранаты.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 45 ДНЕЙ.

День тридцать четвертый

Воскресенье 2 июня (20 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 51 минуту,

заход в 22 часа 6 минут,

длгота дня 17 часов 14 минут.

Церковь отмечала начало 5-й недели по Пасхе — недели о самарянинах и памяти обретения мощей святого Алексия, митрополита Московского и Всея Руси.

Из политических событий того дня — белочешский корпус выбит из Пензы, однако положение на Урале становилось все тревожнее, и в газетах опубликовано постановление о проведении партийной мобилизации. В Екатеринбурге прошла конференция представителей национализированных предприятий. В газетах помещено траурное объявление о смерти местной театральной знаменитости Ивана Николаевича Плотникова. На ипподроме в час дня состоялись рысистые испытания. В городском театре шла «Гибель Надежды». В кинотеатрах: «Художественный» — «Тяжелый путь», в «Колизее» — «Жрица греха», в «Рекорде» — «Летучая мышь».

В этот день в дом Ипатьева были допущены посторонние, которые чуть-чуть приподняли занавес секретности. Николай II об этом событии записал лаконично: «В 11 час. у нас была отслужена обедня; Алексей присутствовал, лежа в кровати. Погода стоит великолепная, жаркая. Погуляли после службы и днем до чая. Несносно так сидеть взаперти и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется провести хороший вечер на воздухе! Тюремный режим».

Священник Сторожев эту лаконичную запись Николая II раскрывает многословно и красочно: «В воскресенье 20 мая (2 июня) я совершил очередную службу — раннюю литургию в Екатеринбургском соборе и, только что вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить чай, в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата невзрачной наружности с рябоватым лицом и маленькими, бегающими глазами (это был разводящий А. Якимов.— Г. З.). Одет он был в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове затасканная солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: «Вас требуют служить к Романовым»... И мы вместе с этим солдатом поехали в Собор, где я захватил потребное для богослужения, пригласил о.диакона Буймирова, с которым в сопровождении того же солдата поехали в дом Ипатьева. Около первого верхнего деревянного забора извозчик остановился. Вперед прошел сопровождающий нас солдат, а за ним мы с о.диаконем. Наружный караул нас пропустил;

задержались на короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежавшего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, на поясах у них висели ручные бомбы... Провели нас через ворота в двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьевых. Поднимаясь по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую в кабинет (налево), где помещался комендант... Мы облачились с о.диаконем в комендантскую, принесли кадило с горящими углями в комендантскую, принес один из слуг Романовых... Зал, в который мы вошли... я заметил приготовленный для богослужения стол... едва переступил порог залы, как заметил, что от окон отошли трое — это был Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь... В следующей комнате... находилась Александра Федоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом. Он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем вид он имел до крайности болезненный, и большие глаза у него были живые и ясные. Одет он был в нижнюю рубашку и покрыт до пояса одеялом... Около кровати стояло кресло, на котором сидела Александра Федоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета... Рядом с креслом Александры Федоровны, дальше по правой стене стояли младшие дочери, а затем сам Николай Александрович, старшие дочери стояли в арке, а отступая от них уже за аркою, в зале стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама... Еще сзади стояло двое служителей: тот, который принес нам кадило и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел...».

Тут все расставлено по рангу: царская семья, Боткин с Демидовой, затем Харитонов и Трупп.

Священник Иоанн Владимирович Сторожев был в городе личностью известной. Ему в ту пору было 40 лет. До принятия сана он был товарищем прокурора, а затем адвокатом. В 1917 году он занимал место протоиерея Крестовоздвиженской церкви, а в 1918 году уже был в той же должности в самом почитаемом — Екатеринбургском

соборе. Затем его назначили благочинным 7-й Уральской дивизии горных стрелков. В годы Временного правительства он входил в состав Комитета общественной безопасности и был одним из основателей... городской милиции. В архиве сохранилось его заявление, написанное за год до описываемых нами событий: «Общему собранию членов Комитета угодно было оказать мне высокую честь избранием в состав секции по разработке вопросов в связи с организацией городской милиции. Позволю себе довести до сведения Комиссию о своем адресе: г. Екатеринбург, Васенцовская улица, дом № 170. 1917 года, март 17 дня». Так что жители нашего города должны знать тех, кто стоял у колыбели екатеринбургской милиции. Вместе с ним в этом Комитете заседал и полицмейстер Никита Анисимович Ключников, и жандармский ротмистр Александр Александрович Ивановский, и многие другие. После поражения белого движения о.Сторожев оседает в Харбине, где преподает Закон Божий в русских средних учебных заведениях.

В этот день из магазина Общества потребителей узникам было отпущено два фунта чая на сумму 18 рублей 92 копейки.

А в городе тем временем продолжались аресты заложников. Были схвачены служащие Окружной страховой кассы Л. Коровин и С. Хренов, бывший управляющий Азово-Донского банка В. Щепин, служащий Н. Казанцев, коммерсанты А. Ларичев и Г. Богатеев, инженер-химик Б. Перетц. Этот последний был тем не менее единственным преподавателем Горного института, который отказался потом уезжать вместе с белыми. Судьбы многих из них мы узнаем позже.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 44 ДНЯ.

День тридцать пятый

Понедельник 3 июня (21 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 50 минут,

заход в 22 часа 7 минут,

долгота дня 17 часов 17 минут.

Церковь отмечала праздник иконы Владимирской Богоматери, спасшей Москву от войск Махмет-Гирея в 1521 году, а также

память равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены.

Значительных политических событий в этот день не было.

Запись в книге дежурств: «На посту № 9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя затвор на предохранитель, пуля прошла в потолок и застряла, не причинив никакого вреда». Еще один выстрел в Ипатьевском доме, к счастью не повлекший жертв. Можно поверить, что этот выстрел был не преднамеренным.

Николай II: «Чудный теплый день. Гуляли два раза. Внизу в караульном помещении снова был выстрел; комендант пришел справиться, не прошла ли пуля через пол? У Алексея совсем не было болей; как всегда, он проводит день в постели в нашей комнате. Окончил второй том Салтыкова. Вечером играли в безик». Такая же безмятежная запись и в дневнике Александры Федоровны. Единственное, о чем она сожалеет, это то, что не впустили доктора Деревенко.

В этот день Комиссариат продовольствия Урала направил в екатеринбургский Совет отношение № 5606 о выдаче 9 продовольственных карточек узникам Ипатьевского дома. Почему 9, а не 12 по числу затворников? Правда, потом красным карандашом написано «на 11 человек».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 43 ДНЯ.

День тридцать шестой

Вторник 4 июня (22 мая по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 49 минут,
заход в 22 часа 8 минут,
долгота дня 17 часов 19 минут.

Церковь отмечала память мученика Василианка.

В газетах появилось разъяснение ЦК Чехословацкой компартии о том, что приказ Троцкого о расстреле чехословаков не относится к солдатам Красной Армии.

В книге дежурств лаконичная запись: «Ввиду нормального состояния болезни Алексея Романова доктор Деревенко принят не был».

Александра Федоровна: «Бэби спал хорошо, но похуже, чем за ночь до этого. Прекрасное, ясное утро. Бэби провел день в моей комнате — аппетит по-прежнему плохой... Вл[адимир] Ник[олаевич] и Авдеев пришли в 7 часов. Колено много менее опухло (3 см), его можно будет вынести завтра. Я приняла ванну в 10 [часов]... Комитет не дал разрешения для Алексея пока он болен, чтобы выходить одному, так долго, как ему нравится, но мы все по-прежнему можем выходить только на час!» Очевидно, охранники вновь просчитались с приходом Деревенко, ибо Александра Федоровна в данном случае ошибиться не могла. А вот охрана, скорее всего, заполняла книгу задним числом, так что постоянно путала то даты, то записи, а то и события вовсе.

Николай II тоже чувствовал себя плохо в этот день: «У меня болели ноги и поясница и спал плохо».

В этот день заплачено 80 копеек в Екатеринбургский продовольственный комитет за 16 продовольственных карточек для узников дома. Какие пять людей были в этом списке лишними?

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 42 ДНЯ.

День тридцать седьмой

Среда 5 июня (23 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 48 минут,

заход в 22 часа 9 минут,

долгота дня 17 часов 21 минута.

Церковь отмечала отдавание Преполовления и память преподобной Евфросинии, княгини Полоцкой, преподобного мученика Михаила Черноризца.

В местных газетах был помещен состав областного Совета народного хозяйства. В нем мелькали уже знакомые нам фамилии: Б. Дидковский, И. Малышев, Ф. Сыромолотов и др. Тем временем в Москве СНК объявил борьбу с разного рода слухами.

Начнем с записи в книге дежурств: «Первый раз был вынесен на прогулку Алексей Романов, которая продолжалась один час. При очередном досмотре Алексея Романова доктором Деревенко в присутствии коменданта Авдеева жена Николая Романова говорила по-немецки, обращаясь к дочерям, вопреки запрещению при посещении док[тором] Деревенко говорить на иностранных языках. После чего Комендантом Авдеевым было сделано вторичное предупреждение». Мы к этому инциденту еще вернемся.

Александра Федоровна в своем дневнике описывает все главные события дня: «Бэби спалось плохо, нога болела, вероятно, больше, потому что Вла[димир] Ник[олаевич] освободил ее вчера от шины... Евг[ений] Серг[еевич] выносил его на воздух перед домом и сажал его в мое кресло-качалку, а Татьяна и я сидели с ним на солнце перед входом, рядом со строящейся бадьей. Он вернулся в постель, когда нога заболела, во многом от одевания и переноски... Перед всеми нашими окнами к забору прибивают еще более высокие доски, так что можно видеть не больше чем верхушки деревьев — зато можно будет убрать двойные окна, и наконец мы их сможем открывать. Остальные вышли погулять. Вл[адимир] Ник[олаевич] и Авд[еев] пришли, снова приложили ему пластырь парижской шины, так как колено опухло и так же болит снова». Николай II в своем дневнике ничего нового к этому не добавляет.

Не знавший языков Авдеев постоянно отмечал, что бывшая императрица говорит на иностранном. Для него это был немецкий, и дальше этого его фантазия не шла. Здесь надо сделать несколько важных замечаний. Во-первых, уже упоминалось, что царица никогда дома не говорила по-немецки и дети ее этого языка не знали. Второй вопрос, на который ответа нет: о чем могла говорить с окружающими на иностранном языке? Может, этот текст относился не к дочерям, а к Деревенко, она все время сетовала, что ей надо поговорить с ним без свидетелей. Мы пока это запоем и вернемся к этому через некоторое время.

В этот день из магазина Накаракова было отпущено для узников 20 фунтов сухих овощей на сумму 50 рублей.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛСЯ 41 ДЕНЬ.

День тридцать восьмой

Четверг 6 июня (24 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 47 минут,

заход в 22 часа 10 минут,

долгота дня 17 часов 23 минуты.

Церковь справляла память преподобного Симеона Столпника на Дивной Горе.

В газетах помещена телеграмма об обыске у священника Восторгова.

День был абсолютно ничем не примечательным. Николай II страдает от геморроидальных шишек, остальные наслаждаются гулянием вместе с Алексеем. В книге дежурств бесстрастная запись: «Доктор Деревенко принят не был, Алексей вынесен был на прогулку». В общем, ничего значительного, если не считать последнюю фразу в той телеграмме об обыске у отца Восторгова: «Установлена связь с Тобольском, куда священники собирались послать Николаю значительные суммы». Для чего? Конечно, для побега!

Последний дворцовый комендант А. Войков в своих мемуарах запишет: «6 июня в газетах писалось, что государь убит, а наследник жив». Это был несомненный пробный шар, посмотреть, как отреагирует на него население. После этого последует еще около десятка такого рода «уток».

В этот день для заключенных был отпущен из магазина Чистякова фунт дрожжей на сумму 4 рубля.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 40 ДНЕЙ.

День тридцать девятый

Пятница 7 июня (25 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 47 минут,

заход в 22 часа 11 минут,

долгота дня 17 часов 24 минуты.

Церковь отмечала третье обретение головы святого Иоанна Крестителя и память святомученика Ферапонта, епископа Критского.

В газетах опубликован декрет о продотрядах, а чешские войска заняли Бродокалмацкое, Теченское и Верх-Теченское. Их наступление направлено в сторону Екатеринбурга. До города оставалось 180 км. На заседании екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов толковали о немедленных мерах по обороне города.

В этот день Александра Федоровна отмечала свой день рождения — ей исполнилось 46 лет. Юбилей всегда справлялся в императорской семье с большой любовью.

В 1907 году Николай II записал в своем дневнике: «День рождения моей дорогой Аликс, прошедший в этом году необычным образом. Утром поехал на велосипеде вниз. Был у обедни с детьми и завтракал со всеми на балконе. Принял Коковцева и Фредерикса. Погулял с Аликс и сестрами. Погода была хорошая, но прохладная. После чая возился с детьми на пожарном сарае. Принял Кауфмана. Читал. После обеда пришла Аликс, по обыкновению посидела с нами и я проводил ее до дома. Она назначена сегодня шефом 21-го Восточно-Сибирского полка». В 1914 году день рождения императрицы совпал с днем Святой Троицы, и Николай II записал: «Дивная погода. День рождения дорогой Аликс. В 9^¼ началась обедня. В 10^½ церковный парад и вечерня с тремя красивыми молитвами и коленопреклонением. Затем поздравления и большой завтрак».

В 1916 году Александра Федоровна последний раз справляла свой день рождения как императрица. Николай II вместе с Алексеем был в Ставке, но записать о дне рождения не забыл: «День рождения дорогой Аликс — грустно было проводить вдали от нее». За год до последнего дня рождения, в 1917 году, дневниковая запись Николая II заканчивается тревожными словами: «День рождения моей дорогой Аликс. Да ниспошлет ей Господь здоровье и душевное спокойствие». Нынешний же день Николай II провел в постели, а в остальном все те же заботы о цесаревиче Алексее. В конце своей записи в дневнике новорожденная записала: «Татьяна начала читать вслух Алексею «Крестоносцев» Сенкевича».

В этот день некий Перетыкин получил 65 рублей за воз соломы для набивки матрацев узников дома.

В книге дежурств отмечено, что доктор Деревенко принят не был, а Николай II не вставал с постели.

В местной прессе опровержение очередной дезинформации: «В Петрограде получены сведения, что екатеринбургский совдеп разрешил свидание бывшей великой княгине Елизавете Федоровне с бывшей императрицей. Свидание сестер было непродолжительным и происходило в присутствии представителей совдепа. Сообщение это не соответствует действительности». Сестрам больше не было суждено встретиться в земной жизни.

Узники прожили первую половину своего екатеринбургского заточения.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 39 ДНЕЙ.

День сороковой

Суббота 8 июня (26 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 47 минут,

заход в 22 часа 12 минут,

долгота дня 17 часов 25 минут.

Церковь отмечала память мучеников Аверкия и Елены, предодобного Иоанна Псхута исповедника.

В Москве скончался Георгий Плеханов. В столице раскрыли очередной контрреволюционный заговор. В Екатеринбурге началась мобилизация лошадей, мотоциклов и велосипедов.

В первый день второй половины заточения Николай II болел и записей в дневнике не делал. Он задним числом приписал к предыдущему дню: «Следующие два дня стало лучше, мог есть, сидя в кресле». Конечно, Александра Федоровна записала все о болезнях в своей семье, так, как это делает заботливая хозяйка: «N. спал очень хорошо, не просыпаясь. Температура 36,6. Бэби спал прекрасно... Завтрак. N. сидел до 2 и затем лег снова. [Температура] 37,2. Ал[ексей] температура 36,1. ...Вл[адимир] Ник[олаевич] снова не пришел. они говорят, будто в его доме была скарлатина и что он не может прийти до четверга... Играли в безик с N., его температура] 37,2. Большая суэта происходит вокруг нас сегодня».

ня, так как 3 дня не давали никаких газет для чтения, а ночами было много шума».

Итак, врача не приняли якобы из-за скарлатины, а в книге дежурств записали: «принят не был». Что случилось? Что за суета вокруг Романовых?

Вроде бы никакого повода для этого не было. Может быть, просто охранники отмечали конец недели? Почему не дали газет? Может, для того, чтобы ипатьевские затворники не узнали об Елизавете Федоровне? Она-то была рядом.

Товарищество Ф. Богатнева в этот день получило 226 рублей 50 копеек за отпущенные в ДОН 26 мая табак в количестве... 1 пуд 10 фунтов! Ну это не иначе, как на всю команду охраны.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 38 ДНЕЙ.

День сорок первый

Воскресенье 9 июня (27 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 46 минут,

закат в 22 часа 13 минут,

долгота дня 17 часов 27 минут.

Церковь отмечала 6-ю неделю по Пасхе о слепом и память святомученика Ферапонта, епископа Сардинского, преподобного Ферапонта Белозерского, мучеников девы Феодоры и воина Андима.

Из политических событий: английские войска взяли Баку, а в Екатеринбурге закрыта частная торговля мукой. В Алапаевском уезде на мельнице арестован видный уральский мукомол-предприниматель Н. Е. Первушин.

Запись в книге дежурств: «Алексей был вынесен на прогулку. Деревенко принят не был. Николай Ром[анов] [в]новь пользовался обычной прогулкой. Около 12 ч. ночи на пулеметном посту № 1 от неосторожного обращения постового произошел взрыв бомбы. Жертв и поврежденных нет». Взрывы такого рода случаются у часовых, тем более непрофессионалов, но есть несколько моментов, на которые пока ответов нет. Почему никто из обитателей

ДОНа ночного взрыва не отметил? Почему сведения об этом взрыве попали в газеты? Наконец, как удалось избежать жертв и повреждений? Или граната была выброшена за забор или же, наоборот, виновник взрыва выпрыгнул со своего поста во двор? А может, приучали соседей и посторонних к взрывам и выстрелам?

Сам Николай II сделал в дневнике совершенно безмятежную запись: «Наконец встал и покинул койку. День был летний. Гуляли в две очереди: Аликс, Алексей, Ольга и Мария до обеда; а Татьяна и Анастасия до чая. Зелень очень хорошая и сочная, запах приятный. Читаю с интересом 12-й т[ом] Салтыкова: «Пошехонская старина».

Никто никогда не задавался вопросом, почему в екатеринбургском заточении Романовы чаще всего гуляли по очереди? Ведь в Тобольске гуляли все вместе, а здесь — нет. Все время кто-то сидит дома. Почему? Очевидно, чувствовали узники, что красногвардейцы охраны начали усердно потаскивать вещи, а комиссары начали охоту за драгоценностями. Родионов в своих воспоминаниях пишет, что уже в июне на рынках города стали появляться предметы из романовских чемоданов. А может, и другое — боялись, что подбросят какой-то компромат вроде бомб?

В этот день доктору Боткину стукнуло 53 года, но никто даже не упомянул об этом.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 37 ДНЕЙ.

День сорок второй

Понедельник 10 июня (28 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 46 минут,

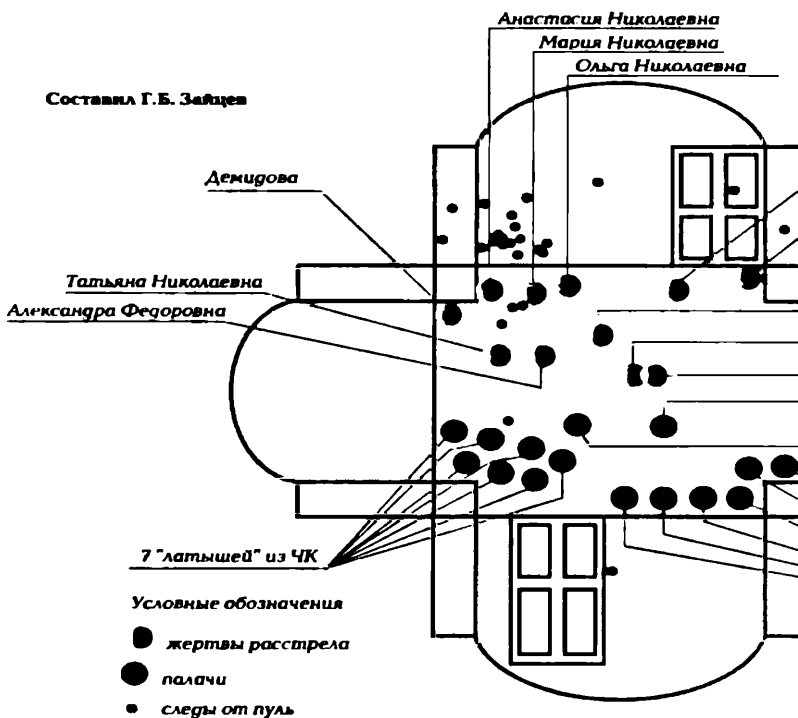
заход в 22 часа 14 минут,

долгота дня 17 часов 28 минут.

Церковь отмечала память преподобного Никиты, епископа Халкедонского и святого Игнатия, епископа Ростовского.

Никаких значительных политических событий в тот день не произошло.

Николай II: «Очень теплый день. В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают

Развертка полуподвальной комнаты дома Ипатьева и ти
жертв и палачей в ночь расстрела 17 июля 1

разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения также за последние недели также изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасения чего-то у них! Непонятно!»

Наивный император! Он не мог понять психологии этих людей, ибо они действительно были другой породы и их моральные нормы опирались на коммунистический лозунг: «Грабь награбленное». Н. Соколов в своем труде перечисляет то, что было найдено при обыске у арестованных охранников и их знакомых. У М. Летемина нашли 177 наименований предметов и спаниеля цесаревича Джоя (кстати, опознав эту собаку, и вышли на краденое). У К. Летемина — семь детских игрушек. У П. Медведева — 10 наименований предметов. У И. Старкова — 16 наименований предметов. На квартире курьера-сторожа Уральского областного Совета П. Лылова — 30 наименований предметов. У гражданской жены этого сторожа — 111 наименований предметов, причем эта последняя, некая Феодосия Балмашева, указала, что она украла эти вещи у самого Белобородова. Вор у вора дубинку украл! Эти вещи были почти исключительно женские: от 56 мотков разноцветного шелка для вышивания до дамской нижней одежды. Горный инженер В. Котенков на следствии показал: «У Дидковского при большевиках была любовница, какая-то девчонка. Я видел на ней изящные дамские походные сапоги. Потом мне пришлось видеть фотографическую карточку одной из великих княжен, когда она пилила дрова с Государем. Сапоги на ней, как они были изображены на снимке, очень походили на сапоги, которые я видел на любовнице Дидковского». Так что воровали все, от рядового красногвардейца до председателя областного Совета.

Николай II попросил открыть окна для проветривания помещения. Запись в книге дежурств гласит, что в этом ему отказано. Режим ведь был тюремный!

В этот день из магазина Накаракова для заключенных было отпущено 3 пуда сеяной муки и 1 порожний мешок на сумму 61 рубль.

А. Войков в своих мемуарах опять фиксирует: «10-го июня появилось известие, что Государь убит, а Наследник умер». Правда, 12 июня последовало опровержение, но очередной пробный шар был запущен.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 36 ДНЕЙ.

День сорок третий

Вторник 11 июня (29 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 45 минут,

заход в 22 часа 15 минут,

долгота дня 17 часов 30 минут.

Церковь отмечала память блаженного Иоанна Христа ради юродивого Устюжского и чествовала икону Богоматери Споручницы грешных .

Из политических событий: в Киеве были взорваны пороховые погреба. В местных газетах опубликован декрет об организации в деревнях комбедов. В Екатеринбурге прошел съезд военных комиссаров — мобилизация срывалась.

Это был день рождения Татьяны. Николай II почти всегда отмечал дни рождения своих детей в дневнике, сообщая два-три штриха, позволяющих судить о том, как проходил этот торжественный день в семье. Поздравления, молебн, общие гуляния — вот привычная схема. Так, в 1913 году он записал:

«...Сегодня Татьяне 16 лет... Вместе с Татьяной принял депутацию ее Вознесенского уланского полка». Год тому назад, в 1917 году, запись гласила: «Дорогой Татьяне минуло 20 лет. Утром долго гулял со всеми детьми. В 12 час[ов] был молебен. Днем провели три часа в саду, из кот[орых] я работал 2 часа. Потом покатались на шлюпке. День был превосходным. До обеда погуляли еще и побывали на огороде».

В этот раз Николай II был весьма лаконичен, но тоже отметил все те радости, которые выпали семье в заточении: «Дорогой Татьяне минуло 21 год! С ночи дул сильный ветер и прямо в форточку, благодаря чему воздух в нашей спальне был, наконец, чист и довольно прохладный. Много читали. Гуляли опять в две очереди.

К завтраку Харитонов подал компот, к большой радости всех. Вечером, по обыкновению, безик».

В книге дежурств появляется фраза: «Введен усиленный внутренний караул, добавлено тринадцать (13) человек».

Извозчик Иевлев получил 5 рублей за доставку в ДОН купленной вчера муки.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 35 ДНЕЙ.

День сорок четвертый

Среда 12 июня (30 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 44 минуты,

заход в 22 часа 16 минут,

долгота дня 17 часов 32 минуты.

Церковь отмечала отдание праздника Пасхи и память преподобного Исакия, игумена обители Далматской.

В местных газетах сообщено, что 10 июня в Москве трагически был задушен знаменитый артист и анархист одновременно — Мамонт-Дальский. Его в городе знали, так как он здесь выступал и даже женился в очередной раз. Екатеринбургский Совет обсуждал вопросы организации обороны, а в ночь с 12-е на 13-е был образован Военно-революционный комитет с неограниченными полномочиями.

В этот день в Перми к содержащемуся там младшему брату Николая II Михаилу Александровичу под вечер зашли несколько человек, представившихся чекистами. День для великого князя прошел спокойно, и его последняя запись в дневнике от этого дня совершенно безмятежна: «К чаю пришел и мой крестник Нагорный (правовед). Он кушал с большим аппетитом. Еще бы, после петроградского голода. Вечером я читал». Французский посол, Морис Палеолог, дал в 1916 году очень интересную характеристику великому князю: «Михаил был человек в высшей степени слабый в смысле воли и ума. Но в то же время он был сама доброта и скромность и очень привязчив».

Пришедшие были действительно чекистами, хотя

власти потом долго открещивались от их действий. Эти люди вывели великого князя, его камердинера Николая Челышева, его секретаря, подданного Великобритании Брайана Джонсона и водителя Василия Борунова. За городом все были расстреляны, а их тела брошены в топки печей Мотовилихинского завода. На память убийцы успели сфотографироваться. Вот имена и должности убийц: комиссар по национализации А. Марков, помощник начальника милиции в Мотовилихе Н. Жудгов, председатель Мотовилихинского совета Г. Мясников, начальник губернской милиции В. Иванченко и его сотрудник Н. Колпашиков. Всю свою жизнь убийца Марков носил часы, снятые с убитого им Брайана Джонсона, а убийца Иванченко — золотую луковичу часов самого Михаила.

Позже они с удовольствием вспоминали об этом своем преступлении, так как, по словам Маркова, Ленин изрек: «Ну вот и хорошо, правильно сделали».

Пример для екатеринбуржцев был более чем убедительный. Действительно, по утверждению родной сестры председателя областной ЧК Лукоянова В. Карнауховой, после убийства великого князя Михаила Марков заявил: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как с Михаилом!» Газета «Пермские известия» напишет об этом так: «В ночь на 31 мая (12 июня) организованная банда белогвардейцев с поддельными мандатами явилась в гостиницу, где содержался Михаил Романов и его секретарь Джонсон и похитила их оттуда, увезя в неизвестном направлении. Посланная в ту же ночь погоня не достигла никаких результатов. Поиски продолжаются». Вот так лгали народу, вот так подготавливали почву для расправы в Екатеринбурге.

А в ДОНе не произошло ничего особенного, за исключением одной детали. Александра Федоровна в своем дневнике укладывает в две строчки: «Вл[адимир] Ник[олаевич] пришел с Авл[еевым], но не притронулся к Бэби, так как боится делать это до того, как кончится его карантин». А в книге дежурств появляется любопытнейшая запись: «Был принят доктор Деревенко, который заявил, что в городе ходят слухи, будто бы Алексей Романов убит и схоронен сегодня ночью». Откуда эти слухи? Кто и ради чего пустил эту дезинформацию?

В этот день извозчик Суңдуков получил 10 рублей за доставку в ДОН белья из прачечной.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 34 ДНЯ.

День сорок пятый

Четверг 13 июня (31 мая по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 44 минуты,

заход в 22 часа 17 минут,

долгота дня 17 часов 33 минуты.

Церковь праздновала Вознесение Господне.

Из политических событий: опубликован декрет о призыве для борьбы с чехами, которые в этот день захватили Касли. В Екатеринбурге прошли стихийные выступления анархистов. СНК обратился ко всем гражданам страны с обращением «О тревожном положении в стране». Текст был подписан самой верхушкой власти: Ульянов-Ленин, Троцкий, Бонч-Бруевич и Горбунов. В летнем саду (бывшим Харитоновом) шла пьеса А. Толстого «Касатка», в Народном доме ВИЗа — «Горе от ума». В кинотеатре «Лоранж» демонстрировался фильм «Милая Надюшечка», в «Художественном» — «Жертва науки», в «Коллизее» — «Граф Витте». В Нижнесергинских минеральных водах объявлено о начале лечебного сезона.

Николай II записывает: «Днем нас почему-то не выпускали в сад. Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг[ением] Серг[еевичем]. По его словам, он и областной совет опасаются выступления анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно стали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева.

Около 11 час[ов] он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1 июня мы остались по-бывачному, ничего не раскладывая.

Погода простояла хорошая, прогулка состоялась, как всегда, в две очереди. Наконец после ужина Авдеев,

слегка навеселе, объявил Боткину, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен!»

Накануне, ночью, на втором этаже гостиницы «Пале-Рояль» известный нам П. Хохряков арестовал двух подозрительных постояльцев, причем один из них даже оказал вооруженное сопротивление. При дознании оказалось, что это члены партии анархистов. В ответ анархисты открыто выступили против большевиков, требуя освобождения арестованных. Ими было захвачено здание Коммерческого собрания. На подавление был выдвинут небольшой отряд во главе с тем же П. Хохряковым. Он довольно быстро раскусил все фанфаронство «мятежа», пригнал одну пушку и, установив ее напротив входа в здание, дал 15 минут на размышление. Анархисты, посоветовавшись, не сделав ни одного выстрела, сложили оружие без всяких оговорок. О выдаче царской особы никто и не заикался, так что Авдеев тут нагнал страху напрасно.

Э. Радзинский в своей книге «Николай II: жизнь и смерть» в главе с характерным названием «Первая попытка убийства» будет настаивать, что именно в этот день была репетиция убийства и при этом ссылается на слова Бусяцкого, сказанные им Яковлеву перед выездом из Тобольска: «Во время поездки Романовых, в пути, инсценировать нападение и убить их». Эта идея все время витала в воздухе, но вряд ли она замышлялась в этот день, хотя есть один момент, который смущает: почему Авдеев велел готовиться втайне от охраны?

В связи с тревожным положением в городе не решились приход священника в этот праздничный для каждого верующего день. Это особо возмушало Александру Федоровну, и ее дневниковая запись почти слово в слово повторила запись мужа: «Они сказали, что ни один священник не может прийти, когда такой великий праздник!! Принесли завтрак. Остальные сказали, что гулять нельзя». В самом конце этой записи есть две фразы весьма любопытные: «[Авдеев]... обещал нам Седнева и Нагорного на воскресенье, а Вл[адимира] Ник[олаевича] для поездки. Сказал, что остальные наши и Валя уехали три дня назад в Тобольск». Авдеев лгал, ибо и Седневу, и Нагорному, и Долгорукову оставалось жить совсем немного. Непонятно, для чего нужна была эта ложь?

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 33 ДНЯ.

День сорок шестой

Пятница 14 июня (1 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 44 минуты,

заход в 22 часа 18 минут,

долгота дня 17 часов 34 минуты.

Церковь отмечала память мучеников Иустина Философа, Харнтона и Валеряна.

С этого дня члены партии большевиков в Екатеринбурге считались мобилизованными. В приказе № 3 по войскам екатеринбургского гарнизона объявлялось о регистрации всех бывших офицеров.

От этого дня осталось две записи. Одна из них — странная запись в книге дежурств и краткая в дневнике Александры Федоровны. Она зафиксировала, пожалуй, главное: «Вл[адимир] Ник[олаевич] и Авд[еев] пришли. Ужин и затем Бэби унесли в комнату. Теперь, как они сказали, мы останемся здесь, и что им удалось захватить лидера анархистов, их типография разгромлена».

В книгу дежурств занесено много мелких, но тоже любопытных событий: «Была обычная прогулка Романовых. Татьяна и Мария просили фотографический аппарат, мотивируя тем, что им нужно доделать пластинки, в чем, конечно, им было комендантом отказано. Поступило заявление начал[ьника] караула, что у него кто-то украл револьвер сист[емы] «наган», числившийся при Доме особого назначения, который не удалось найти. Стоящим часовым на посту № 6 задержаны два гимназиста бр[атья] Тележниковы, фотографировавшие Дом особого назначения, которые после обыска и допросов были препровождены в чрезвычайную комиссию».

Насчет фотографирования историкам следует только сожалеть: нам неизвестно ни одного снимка узников за эти 78 дней. Все, что выдается за екатеринбургские снимки, это чаще всего тобольские (где запрета на съемку еще не было) или даже царскосельские снимки. Как бы хотелось посмотреть на живые образы этих обреченных людей! Следует заметить, что при этом снимков особняка за эти 78 дней известно несколько штук, но, увы, нигде не видно узников. Бедные братья Тележни-

ковы! У них чекисты, наверное, долго допытывались, для чего и по чьему наущению они хотели фотографировать. Да и освободили ли бедных гимназистов?

Журнал зарубежной православной церкви «Возвращение» в своем № 3 за 1993 год публикует снимок Николая II в кресле-каталке, с подписью, что он был сделан одним из красногвардейцев за несколько дней до убийства и подарен неизвестному немецкому военнопленному. Но вот только бывший император избражен в интерьере бывшего губернаторского дома в Тобольске.

Странные вещи творятся внутри ДОНа, не правда ли? То кто-то стреляет, то взрывается граната, то пропадает табельное оружие. Что за режим дисциплины был у охраны, если чрезвычайные происшествия следовали одно за другим у этих специально отобранных красногвардейцев?

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 32 ДНЯ.

День сорок седьмой

Суббота 15 июня (2 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 43 минуты,

заход в 22 часа 18 минут,

долгота дня 17 часов 35 минут.

Церковь отмечала память святого Никифора, исповедника патриарха Константинопольского и великомученика Иоанна Нового Сопавского.

В газетах было помещено объявление, что прекращен прием телеграмм в Омск, Уфу, Оренбург, Троицк, Челябинск. Между строками обыватель прочитал, что эти города в руках белой армии.

В этот день началось антибольшевистское восстание в поселке Верх-Исетского завода. Офицер Ростовцев и есаул Мамкин сумели поднять людей. Им удалось собрать на Кафедральной площади членов «Союза фронтовиков» и многих сочувствующих из окрестных деревень. Однако их нерешительность привела к поражению. Конная часть красноармейцев из того же поселка под

командой П. Ермакова разогнали митинг и арестовали зачинщиков. Капитан Ростовцев был убит. В городе усилили военный режим, начались обыски и аресты. Многие руководители учреждений перепугались не на шутку и стали выдавать зарплату своим сотрудникам за много месяцев вперед. Власти были достаточно обеспокоены и опубликовали призыв, в котором грозили населению грядущими репрессиями: «Если победят капиталисты, то у нас случится это же, что случилось на Украине: у крестьян отберут землю, у рабочих — восьмичасовой рабочий день, произойдут все ужасы погромов и расстрелов рабочих и крестьян». Доводы были внушительными, особенно для темных масс. Кто из них тогда мог предполагать, что после победы советской власти репрессировать многих из них станут в стократ хуже. Будут и погромы, и расстрелы, и изъятие земли, и концентрационные лагеря, и все прочее.

Ни Николай II, ни Александра Федоровна в этот день дневниковых записей не делали. Единственный документ ДОНа, который сохранился от этого дня — это запись в книге дежурств: «Обычная прогулка всех, кроме Алексея и Александры Федоровны. Деревенко принят не был в дом. За оградой заявил, что он может присылать молоко и яйца, если ему разрешат, а так как команде также нужны продукты, то ему и было разрешено присылать. Боткин просил разрешение написать письмо председателю облсовета по нескольким вопросам, а именно: продлить время прогулки до 2-х часов, открыть створки у окон, вынуть зимние рамы и открыть ход из кухни к ванной, где стоит пост № 2. Написать было разрешено, и письмо передано в облсовет».

Обратим внимание пока на одно: Деревенко, казалось бы, по своей собственной инициативе возбудил ходатайство о принесе продуктов. Мы вернемся к этому вопросу, когда дело дойдет до «заговора офицера», а пока лишь запомним это.

Впрочем, у этого вопроса есть и предыстория. Преосвященный Георгий, епископ Екатеринбургский и Ирбитский, в июле 1919 года показывал следователю Соколову: «Летом прошлого года (точно время указать не могу) во время приема пришел ко мне какой-то господин, довольно невзрачного вида: лет так 40, роста среднего, худощавый брнет. Имел он, кажется, небольшие чер-

ные усы и такую же бороду. Черты лица тонкие, довольно правильные. Он мне, с первых же слов, сказал: «Я Вам, Владыко, привез поклон от митрополита Одесского Платона». После дальнейших расспросов пришедший сказал: «Мне необходимо установить связь с Царем. Вы можете мне помочь в этом?» Владыка сам действовать отказался, но подсказал: «...в Екатеринбурге содержится епископ Гермоген, с которым установлена связь через посылку ему провизии из женского местного монастыря, что таким же образом можно попытаться установить связь с Царем». Означенный пришелец, назвавшись позже Иваном Ивановичем Сидоровым, был в Ново-Тихвинском женском монастыре вместе с доктором Деревенко у монахини Августины, и они договорились о поставке продуктов в ДОН. Уже на этом этапе все это кажется шитым белыми нитками чрезвычайки.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛСЯ 31 ДЕНЬ.

День сорок восьмой

Воскресенье 16 июня (3 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 43 минуты,
заход в 22 часа 18 минут,
долгота дня 17 часов 35 минут.

Церковь отмечала 7-ю неделю по Пасхе святых Отцов Первого Вселенского Собора и память перенесения мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву.

Из политических новостей: в Москве исключили из ЦК всех меньшевиков и правых эсеров, а из Екатеринбурга начался массовый выезд германских и австрийских поданных.

Запись в книге дежурств: «Утром Боткин просил попа, но ввиду того, что тот поп, которого приводил он, занят, просьба была отклонена. Обычная прогулка. Деревенко принят не был. От него было послано молоко и яйца».

Николай II сетует: «Опять службы у нас не было. Всю эту неделю читали, и сегодня окончил историю «Имп. Павла I» Шильдера — очень интересно!

Все поджидали Седнева и Нагорного, кот[орых] нам

обещали выпустить сегодня». О занятиях семьи пишет в своем дневнике Александра Федоровна: «Сидела на воздухе с Бэби, О[льгой] и Т[атьяной]. Татьяна читала нам. Завтракали. Работала (плела кружева)».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 30 ДНЕЙ.

День сорок девятый

Понедельник 17 июня (4 июня ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 43 минуты,

заход в 22 часа 19 минут,

долгота дня 17 часов 36 минут.

Церковь отмечала память святого Митрофана, патриарха Константинопольского и преподобного Мефодия, нгумена Пешношского.

В поселке Верх-Исетского завода состоялся митинг по мобилизации в Красную Армию.

От этого дня сохранилась лишь одна дневниковая запись Александры Федоровны: «Великолепная погода... Сидела на воздухе с Бэби, Т[атьяной] и А[настасией]. Завтрак, приготовленный Харитоновым — теперь он должен готовить нам пищу. Работала, очень жарко, душно, так как окна не открываются и повсюду сильные запахи кухни — Бэби в моем кресле-каталке ездит по комнатам. Человек пришел с Авд[еевым] осмотреть окна. Вл[адимир] Ник[олаевич] и Авд[еев] пришли. Ужин. Наблюдала за Харитоновым, готовящимся к выпечке хлеба...»

Газеты Москвы и Петрограда наконец сообщили об «исчезновении» Михаила. Одновременно поползли слухи, что Николай II убит ворвавшимися в дом Ипатьева красноармейцами. Ричард Пайпс считает, что эти слухи распустили сами большевики, чтобы еще раз посмотреть, какова будет реакция российской общественности. С этим можно согласиться.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 29 ДНЕЙ.

День пятидесятый

Вторник 18 июня (5 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 43 минуты,
заход в 22 часа 19 минут,
долгота дня 17 часов 36 минут.

Церковь отмечала память святомученника Дорофея, епископа Тирского, Блаженного Константина, митрополита Киевского, преподобных Вассиана и Иона Пертолийских чудотворцев.

Из политических событий: принят декрет о мобилизации в восточных губерниях, опубликован приказ войскам Северо-Урало-Сибирского фронта по борьбе с контрреволюцией, о назначении руководящего состава: командующий — Берзин, члены военной коллегии — Анучин и Надежный. Последний — царский генерал-майор, перешедший на сторону большевиков, был назначен первым командующим Уральского военного округа.

Это был день рождения Анастасии. В 1916 году она в этот день была назначена шефом 148-го пехотного Каспийского полка. Год тому назад, в 1917-м, Николай II написал: «Сегодня милой Анастасии минуло 16 лет. Погуляли со всеми детьми до 12 час. Пошли к молебну. Днем спилили две большие ели на скрещении трех дорог около арсенала».

В этот же день рождения запись в дневнике следующая: «Дорогой Анастасии минуло уже 17 лет. Жара и снаружи и внутри была великая. Продолжали чтение Салтыкова III тома — занимательно и умно.

Гуляли всей семьей перед чаем. Со вчерашнего Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут хлеб! Недурно!» То же самое записывает и Александра Федоровна: «Прекрасная погода. Дети продолжают катать тесто и делать хлебцы — а теперь выпекать их... Завтракала. Отличный хлеб. Выкатила Бэби в сад, и мы все сидели там в течение часа... Хорошие новости, теперь будут присылать молоко для Алексея и для нас, и сметану».

Послушница Ново-Тихвинского монастыря Антонина Трикина потом будет свидетельствовать у Н. Соколова: «Матушка Августина приказала нам с послушницей Марией (Крохалевой.— Г. З.) идти в дом Ипатьева и нести туда четверть с молоком. Мы ее отнесли. Это было 5 июня по старому стилю».

Заметьте — 15 июня Деревенко обратился за разрешением доставлять продукты и 16 июня сам лично принес в первый раз. Александра Федоровна записала, что приносили один раз в два дня. Следовательно, 18 июня принесли второй раз и впервые принесли продукты монашки, о чем они сами свидетельствовали позже. Почему мы так обращаем ваше внимание на эти детали? Потому что на бумажной пробке четверти с молоком были написаны письма, связанные с так называемым «заговором офицера». Нам интересно задуматься: кто же подсказал Романовым эти письма на затычках прочитать, а не выбросить их сразу в мусорное ведро? И это мы запомним до того дня, когда об этих письмах упомянет сам Николай II.

В этот день в местных газетах появилось объявление об организации авиационного отряда, в связи с чем давалось предупреждение: «...поэтому всем районам города и Верх-Исетского завода, а также окрестностей и воинским частям строго запрещено производить по аппарату стрельбу, как это было при полете 16 июня». Самолет взлетел с ипподрома между Московской заставой города и поселком Верх-Исетского завода, рядом с Народным домом, то есть поле аэродрома было окружено со всех сторон домами, откуда тысячи глаз наблюдали за полетом. Не отсюда ли потом возник миф о том, что Романовы были вывезены из города воздушным путем? Р. Вильсон потом будет утверждать, что, со слов Б. Соловьева, сказанных ему в 1919 году, «Государь спасся, перелетев на самолете в Тибет, к Далай Ламе».

Извозчик Колбин получил в этот день 15 рублей за доставку белья в прачечную, а из магазина Жданова закуплено 15 фунтов мяса на 37 рублей 90 копеек.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 28 ДНЕЙ.

День пятьдесят первый

Среда 19 июня (6 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 43 минуты,
заход в 22 часа 20 минут,
долгота дня 17 часов 37 минут.

Церковь отмечала память преподобного Виссарiona, чудотворца Египетского, святого Ионы, епископа Великопермского, правоверных мучениц дев Архелан, Феклы и Босанны.

В местной прессе наконец-то появилось сообщение об исчезновении великого князя Михаила и его приближенных.

От этого дня не сохранилось ни одного документа из стен Ипатьевского дома, но именно в эту неделю началась одна из подлейших провокаций против Романовых. Речь идет об инсценированной переписке от имени якобы существовавшей группы заговорщиков. Мы все время обращали внимание читателя на то, что власти постоянно упоминали о заговоре и возможности побега Романовых. Мысль эта повторялась изо дня в день, и обыватель постепенно к этому привыкал: да, могут убежать! Для большевиков это был бы идеальный шанс перестрелять всех почти на законном основании: «Убиты при попытке к бегству!» И все тут! Тогда в строку легли бы и найденные бесхозные гранаты, и тот планчик, что чертил Николай II в письме, и схема Екатеринбурга, что нашли в сумочке у Александры Федоровны, и пропавший наган, и выстрел в окно, и многое другое.

Но заговора не было! Нельзя же именовать заговором те жалкие потуги, что предпринимал Соловьев — зять Распутина вместе с Марковым и Седовым или К. Соколов с бой-скаутами и гардемаринами в Тобольске? В Екатеринбурге ничего подобного не было.

Биограф Юровского уральский писатель Яков Резник воссоздал легенду о заговоре в своей книге «Чекист». Доделал то, чего не смогли сделать в 1918 году большевики...

Вот его версия: в апреле 1918 года, недели за три до прибытия Романовых в Екатеринбург, была эвакуирована из Петрограда Академия Генерального штаба. Размещена она была в особняке епархиального училища на Алек-

сандровском проспекте вблизи Ново-Тихвинского женского монастыря. Естественно, что от Свердлова местные чекисты получили особое задание: следить за слушателями и преподавателями, а заодно и монашками во все глаза. Юровский устроил в Академию двух своих агентов. Один из них был прапорщик Колесник, а вторым был его будущий помощник по ДОНу Григорий Никулин. Тот устроился домашним работником к самому начальнику Академии генералу Андогскому и выследил некоего Станса, а затем вышел еще на одного заговорщика Ивана Ивановича Сидорова, о котором уже упоминалось. Именно этот Сидоров якобы и «создал резерв для освобождения Николая Романова и его семьи». Этот Сидоров действительно существовал, был послан Толстым, и С. Мельгунов утверждает, что именно этот человек отыскал доктора Деревенко и через Авдеева наладил доставку продуктов из монастыря.

Но все это миф, и в 1918 году кандидатов на заговор не было. Нельзя же считать серьезной силой маленькую группу слушателей Академии, которые, кроме разговоров между собой, ничего не делали. Поэтому большевики сами взялись за дело, так что, скорее всего, эти планы разрабатывались под непосредственным руководством самой чрезвычайки.

Именно на этой неделе, когда начали поступать молоко и яйца, приносимые монашками Ново-Тихвинского монастыря, Николай II получает два письма и отвечает на них. Несколько позже поступит третье письмо, на которое император тоже ответил, и лишь последнее письмо, очевидно, никогда не дошло до адресата, хотя материально оно существует (вся переписка велась на французском языке).

Точно датировать эти письма весьма трудно. Лишь о первых двух мы можем сказать, в какой интервал времени они поступили в ДОН. Начальная дата — 16 июня — день, когда Деревенко принес первую передачу. Конечная дата — 27 июня, ибо это занесено в дневник Николая II. Следовательно, два первых письма прошли в интервале 11 дней. Если предположить, что в один день приходило письмо и, как минимум, на следующий день был готов ответ, а также если учесть, что пищу носили через день, то это могут быть числа 16, 18, 20, 22, 24, 26 июня. Скорее всего, первое письмо «офицера» посту-

пило в ДОН 18 июня, а ответ на второе письмо Николая II отправил 26 июня. Следовательно, на 20, 22 или 24 июня падает ответ Николая II на первое письмо и получения через день второго письма «офицера». В общем, переписка поначалу шла интенсивно — екатеринбургским большевикам надо был торопиться, а то их пермские коллеги уже «отстрелялись».

Вот первое письмо «офицера»: «С помощью Божей и вашим хладнокровием мы надеемся преуспеть без всякого риска. Нужно непременно, чтобы одно из ваших окон было бы отклеено, чтобы вы смогли его открыть в нужный момент. То, что маленький цесаревич не может ходить, осложняет дело, но мы предвидели это, и я думаю, что будет слишком большим затруднением. Напишите, если нужно два лица, чтобы его нести на руках или кто-нибудь из вас может это сделать. Возможно ли усыпить маленького на один или два часа, в случае, если вы будете знать заранее точный час. Это доктор должен сказать свое мнение, но в случае надобности мы можем снабдить те или другие для этого средства. Не беспокойтесь: никакая попытка не будет сделана без совершенной уверенности результата. Перед Богом, перед историей и нашей совестью мы вам даем торжественно это обещание. Офицер».

Письмо было начертано на бумажной пробке бутылки с молоком, и ошалевший от возможной свободы император пишет ответ: «Второе окно от угла, выходящее на площадь открыто уже два дня — день и ночь. Седьмое и восьмое окна, выходящие на площадь около большого парадного, всегда открыты. Комната занята командиром и его помощником, которые исполняют также внутреннюю охрану — до 13 человек. По крайней мере, все вооруженные ружьями, револьверами и бомбами... Все двери не имеют ключей (кроме нашей). Командир или его помощник входят к нам, когда им хочется. Тот, который дежурит, делает наружный обход два раза каждый час ночи, и мы его слышим говорящим с часовым под нашими окнами. Есть митральеза на балконе, а другая внизу в случае тревоги. Есть ли еще, мы не знаем. Не нужно забывать, что мы имеем доктора и горничную, двух людей и маленького мальчика при нас. Это будет не благодарно с нашей стороны их оставить одних после того, как они последовали за нами в ссылку. Доктор уже

три дня в постели после припадка почек, но уже поправляется. Мы ждем все время возвращения двух наших людей молодых и мощных, которые заперты в городе уже месяц. и не знаем, ни где и по какой причине. В их отсутствие отец носит маленького, чтобы перейти комнаты для того, чтобы выйти в сад. Наш хирург Д[еревенко], который приходит к маленькому почти каждый день в 5 часов, живет в городе — не забудьте его... Охрана находится в маленьком доме напротив наших окон на другой стороне улицы 50 человек. Единственные вещи, которые мы еще имеем, в ящиках в сарае. Беспokoимся в особенности за номера А. № 9 маленький черный ящик и большой черный ящик № 13 Н. А. со старыми письмами и дневниками, конечно, комнаты наполнены ящиками, кроватями и вещами на произвол воров, которые нас окружают. Все ключи, и в отдельности № 9, у командира, который ведет себя хорошо по отношению нас. Во всяком случае предупредите нас, если вы можете, и ответьте, если вы можете увезти наших людей. Перед парадным есть всегда автомобиль. Имеются звонки со всех постов в комнату командира и еще есть нити, которые идут в караул и другие места. Если наши люди останутся, можно ли быть уверенным, что ничего не случится с ними??? Доктор Б. умоляет не думать о нем и о других людях чтобы не делать вашу задачу еще более трудной. Рассчитывайте на нас и женщину. Помогай нам Бог, и рассчитывайте на наше хладнокровие».

Такова первая пара писем, и тут сразу следует сделать несколько замечаний. Во-первых, Николай II заметил много дельного как военный. Он знает, где какие посты и где установлены пулеметы, зафиксировал время прохождения проверяющего. Это делает ему честь. Во-вторых, заметьте, что строгие и непреклонные охранники вдруг за два дня до начала переписки открывают два окна в самой охраняемой комнате. Неужели это не насторожило Николая II? В-третьих, в письме преданного «офицера» ни разу бывший император не повеличен по титулу. В-четвертых, как-то неясна позиция самого императора по отношению сопровождающих его лиц. То он не может их оставить, то вроде бы соглашается уйти с одной Демидовой. Посмотрим, не прояснится ли что-нибудь в следующем письме.

В указанный нами интервал пришло и второе письмо, и император успел ответить на него до 27 июня.

Второе письмо «офицера»: «Не беспокойтесь о 50 человек, которые находятся в маленьком доме напротив ваших окон — они не будут опасны, когда нужно будет действовать. Скажите что-нибудь определенное, точно относительно вашего командира, чтобы нам облегчить начало. Это невозможно вам сказать теперь, если можно будет взять всех ваших людей. Мы надеемся, что да, но во всяком случае они не будут с вами после вашего отъезда из дома, кроме доктора. Принимаем все меры для доктора Д[еревенко], надеемся гораздо раньше воскресенья вам указать детальный план операции. До сих пор он установлен таким образом: сигнал услышанный вы закрываете и баррикадируете мебелью дверь, которая вас отделяет от стражи, которая будет блокирована и терроризирована внутри дома. С помощью веревки, специально сделанной для этого, вы спуститесь через окошко, где вас будут ждать внизу, остальное не трудно, средства передвижения не в недостатке и прикрытие хорошо, как никогда. Важность вопроса — это спустить маленького, возможно ли, отвечайте, обдумывая хорошо. Во всяком случае это отец, мать и сын, которые первые спускаются, дочери потом, доктор им следует. Отвечайте, если это возможно по вашему мнению и если вы можете сделать веревку, употребляя уже данную вам препроводить веревку очень трудно в данный момент. Офицер».

Ответ Романовых на второе письмо: «Мы не хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой, т. к. сила нас привезла в Тобольск. Так не рассчитывайте ни на какую помощь активную с нашей стороны. Комиссар имеет много помощников, они меняются часто и стали озабоченными. Они охраняют наше заключение, как и наши жизни, добросовестно и очень хорошо с нами. Мы не хотим, чтобы они страдали из-за нас, ни вы из-за нас в особенности, во имя Бога избежите кровопролития. Справьтесь о них сами. Спуск через окно без лестницы совершенно невозможен. Даже спущенными — еще большей опасности из-за открытого окна комнаты командиров и митральеза с нижнего этажа, куда проникают с внутреннего двора. Откажитесь же от мысли нас похищать. Если вы следите, о нас вы сможете всегда прийти нас спасти в случае опасности

неизбежной и реальной. Мы совершенно не знаем, что происходит снаружи. Не получал ни журналов, ни газет, ни писем. С тех пор как позволили открывать окно, надзор усилился, и даже запрещают высовывать голову, с риском получить пулю в лицо».

Опять остановимся и поразмышляем. Не кажется ли вам, что Николай II разгадал провокационный план? Он вдруг резко меняет тональность и теперь беспокоится об охране, чтобы та не пострадала после их бегства. Конечно, здесь тоже много вопросов. Как попала к Романовым та веревка, о которой упоминает «офицер». Почему «офицер» пишет, что не надо беспокоиться о карауле, отдыхающем в доме Попова? Самое главное — в ответе на второе письмо Николай II первой фразой буквально разбивает весь так тщательно продуманный план: «Мы не хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой!»

В четвертом письме мельком упоминается о том, что недавно сменился караул и командир. Очевидно, речь идет о коменданте и новом составе охраны — это случилось 4 июля. Следовательно, третье письмо послано и получено на него ответ в интервале между 28 июня — 5 июля. Если сохранилась очередность передачи продуктов, то это даты 28, 30 июня, 2, 4 и 6 июля. Скорее всего, что послано письмо от «офицера» 28 или 30, а ответ получен после 4 июля. Соответственно этим датам мы и рассмотрим эти письма и подведем некоторые итоги.

В этот день в магазине Суворова куплено для затворников 5 фунтов сливочного масла на сумму в 25 рублей.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 27 ДНЕЙ.

День пятьдесят второй

Четверг 20 июня (7 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 43 минуты,

заход в 22 часа 20 минут,

долгота дня 17 часов 37 минут.

Церковь отмечала память мученика Феодора Анкирского и святого мученика Маркеллина, папы Римского.

В этот день в Петербурге в 8 часов был убит Володарский.

Александра Федоровна записала в своем дневнике: «Завтрак. Харитонов приготовил макароны, пирог для остальных (и для меня), так как никакого мяса не принесли. Я подстригла волосы Н. Мы все вышли на час в сад. Вл[адимир] Ник[олаевич] пришел. Чай. Играли в карты, работали, Т[атьяна] читала мне «Духовное Чтение». Я приняла сидячую ванну, так как смогли принести горячую воду для нашей кухни. 4 недели, как приехали дети». Странно, что мяса на обед не было, поскольку именно в этот день некий Озерков поставил заключенным 21 фунт «скотского мяса» на сумму 79 рублей 80 копеек.

А в центре начался переполох. Смутные вести о пропаже великого князя Михаила доползли до столицы, но там, видно, и в самых верхах не поняли, кто убит. Дело было сокровенное, а те, кто был в курсе дел, молчали. В адрес председателя скатеринбургского совдепа пошла телеграмма: «В Москве распространились сведения будто бы убит бывший император Николай второй сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами Совета народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич. 499». Этих запросов и ответов будет еще порядочно.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 26 ДНЕЙ.

День пятьдесят третий

Пятница 21 июня (8 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 43 минуты,

заход в 22 часа 40 минут,

долгота дня 17 часов 37 минут.

Наступила самая короткая ночь года.

Церковь отмечала Отдание праздника Вознесения и память великомученника Феодора Стратилата, святого Феодора, епископа Суздальского, благоверных князей Васнана и Константина Ярославских.

Из политических событий: чешские войска заняли Сызрань. В этот день официоз большевиков «Известия Уральского областного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» опубликовал сообщение, что по приказу командующего войсками Северо-Уральского-Сибирского фронта за

разглашение военной тайны № 120 от 18 июня закрыта газета «Уральская жизнь» — единственная из оставшихся представительница некоммунистической прессы. В том злополучном номере был опубликован полностью приказ по фронту по борьбе с контрреволюцией. Типографию газеты передали обкому РКП и там стали печатать газету «Уральский рабочий».

Александра Федоровна записывает в своем дневнике: «Славная погода. Оделись пораньше, так как пришли 6 женщин вымыть полы во всех наших комнатах. После этого Бэби перебрался к нам. Работала. Завтрак. Т[атьяна] читала мне «Духовное Чтение». Учила Т[атьяну] делать кружева. Н. читал Бэби «Морские рассказы» ...Вл[адимир] Ник[олаевич] (был без Авд[еева], поэтому не возможно было сказать ему ни одного слова) пришел и сделал электрофорез на ногу Бэби. Его левая рука снова опухла...»

Видно, на вчерашнюю телеграмму озадаченные руководители уральских большевиков ответа не дали. Из столицы идет повторный запрос: «Екатеринбургскому Президенту Совдепа. Срочно сообщите достоверности слухов убийства Николая Романова вестнику. 887».

Текст, я бы сказал, вовсе подозрительный. Почему «президенту»? Под шифром 887 скрывался комиссар ПТА Старк. Что ответили? Об этом пока можно лишь гадать. Однако с предположением Э. Радзинского, что это был очередной пробный шар, можно согласиться. Новая власть хотела узнать, как отреагирует на расстрел царя русский народ и иностранные государства. Такие слухи пускались не один раз за 78 дней, проверялось, будет ли всенародное возмущение. Оно не состоялось, и население страны осталось в своей массе к судьбе Романовых равнодушным. Зеленый свет для убийства был зажжен.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 25 ДНЕЙ.

День пятьдесят четвертый

Суббота 22 июня (9 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 43 минуты,
заход в 22 часа 20 минут,
долгота дня 17 часов 37 минут.
Миновала самая короткая ночь,
и наступил самый длинный день года.

Церковь отмечала Троицкую родительскую субботу.

Серьезных политических событий не было.

В официальной версии указывается, что 21 июня ДОН посещает сам командующий фронтом Берзин и убеждается, что все арестованные живы, о чем и уведомляет Совнарком и ВЦИК. На самом деле его визит состоялся в эту субботу, о чем свидетельствует запись Николая II: «Сегодня во время чая вошло 6 человек: вероятно — областного совета, посмотреть, какие окна открыты? Разрешение этого вопроса длится около двух недель! Часто приходили разные субъекты и молча при нас оглядывали окна».

На следующий день Николай II даст в дневнике разъяснение: «Оказывается, что вчерашние посетители были комиссары из Петрограда». Через день взбалмошный Старк шлет еще одну телеграмму, на этот раз комиссару «Известий» Воробьеву (тому, что подписал Николая II на газету «Уральский рабочий»): «Прошу срочно сообщить достоверность слухов убийства Николая Романова. Очень важно». Что ответил Воробьев, нам неизвестно.

В этот день некий Протасов получил 60 рублей за 15 фунтов мяса, доставленного в ДОН.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 24 ДНЯ.

День пятьдесят пятый

Воскресенье 23 июня (10 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 43 минуты,
заход в 22 часа 20 минут,
долгота дня 17 часов 37 минут.

Церковь отмечала День Святой Троицы Пятидесятницы и память святомученика Тимофея, епископа Прусского, святого Билуяна, схимонаха Печерского и святого Иоанна, митрополита Тобольского.

Значительных политических событий не было.

В этот день в ДОНе прошла священная служба, что было отмечено в книге дежурств: «Бывшие попы Анатолий Меведин (правильно — Меледин. — Г. З.), Буймиров Василий служили обедню и вечерню в продолжении 1 ч[аса] 15 м[инут]. В 2½ утра на посту № 3 часовым Поткорытовым при зарядании винтовки произошел выстрел». Что-то часто стали проходить случайные выстрелы в Ипатьевском доме?

Николай II охарактеризовал этот день так: «Означено разными событиями: у нас утром открыли одно окно. Евг. Серг. заболел почками и очень страдал, в 11½ была отслужена обедня и вечерня, и в конце дня Аликс и Алексей ужинали с нами в столовой. Кроме того, гуляли два часа! День стоял великолепный...» О том же записала Александра Федоровна: «Славная погода. Пошла с Т[атьяной] к Е. С. [Боткину], у которого были колики почек, и она сделала ему инъекцию морфия. Страдает очень сильно... Двое солдат пришли и вынули одну из оконных рам в нашей комнате, такой, кстати, чудесный воздух наконец, и одно окно больше не закрашено белой краской. Устроили большое моление настоящей обедни и вечерней, первое массовое спустя 3 месяца — просто за столом со всеми нашими Образами и с множеством березовых скамеек — первый старый священник исполнял службу». Остается совершенно непонятным, почему потом Буймеров ничего не сказал об этой службе в своих показаниях Н. Соколову, хотя на допросе у следователя Сергеева он вскользь упоминает об этом.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 23 ДНЯ.

День пятьдесят шестой

Понедельник 24 июня (11 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 44 минуты,

заход в 22 часа 21 минуту,

долгота дня 17 часов 37 минут.

Церковь отмечала День Святого Духа и память апостолов Варфоломея и Варнавы.

Значительных политических событий не было.

От этого дня сохранился лишь один документ, если не считать телеграммы Старка Воробьеву, которую мы уже цитировали. Александра Федоровна записала в своем дневнике: «Окно открыто всю ночь, хороший воздух, но так шумно, в комнате температура $19\frac{1}{2}$. Бэби с утра раскатывал. Е. С. Боткин спал хорошо, лучше... Утром все и Бэби вышли на воздух на полчаса, Е. С. Боткин осталась в постели... Все вышли на воздух, только Мария осталась со мной, я лежала около нашего окна, читала, а она раскладывала карты у его кровати. Вл. Ник. пришел. Обедала со всеми. Массажировала ногу Бэби и положила на нее компресс. Так ночевал с ним...»

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 22 ДНЯ.

День пятьдесят седьмой

Вторник 25 июня (12 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 44 минуты,

заход в 22 часа 21 минуту,

долгота дня 17 часов 37 минут.

Церковь отмечала память преподобных Онүфрия Великого, Петра Афонского и Стефана Озерского.

Политическая жизнь была сравнительно спокойной.

День был ничем не примечателен, о чем есть записи в дневниках как Николая II, так и Александры Федо-

ровны. Первый записал: «Вчерашний и сегодняшний день были изумительно жаркие. В комнатах тоже, несмотря на открытое все время окно! Гуляли днем два часа. За обедом прошло две сильных грозы, освежившие воздух. Евгению Сергеевичу гораздо лучше, но он еще лежит». О той же ординарности дня записано и в дневнике Александры Федоровны: «В $8\frac{1}{2}$ температура 16 град. в тени, 21 град в комнате. Бэби спал хорошо, его катали по всем комнатам. Е. С. Боткин спал хорошо, еще в постели, так как чувствует слабость и все свои боли, когда встает. 1 час завтрак. Все вышли на воздух. Татьяна осталась со мной, читая «Духовное Чтение»...»

В этот день подрядчик Изагумов поставил 15 фунтов мяса на сумму 67 рублей 50 копеек, а комиссариат продовольствия заплатил 247 рублей 60 копеек за английский табак в количестве 27,5 фунта.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛСЯ 21 ДЕНЬ.

День пятьдесят восьмой

Среда 26 июня (13 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 45 минут,

заход в 22 часа 21 минуту,

долгота дня 17 часов 36 минут.

Церковь отмечала память мученицы Акилины, святого Трифилия, епископа Левкусии Кипрской, преподобной Анны и сына ее.

Местные газеты поместили объявление, что управление коменданта города будет находиться в «Американских номерах», в комнатах 32—33, на втором этаже того же здания, что и чрезвычайка. Тот же комендант издал в этот день любопытный приказ № 1, начинавшийся так: «Последние дни мною замечены случаи частой езды в автомобилях по городу с целью прогулки с различными дамами...» Комендант Некрасов пригрозил принять жесткие меры к разбалававшейся номенклатуре. Для пушего страха приказ подписал и сам Юровский.

Узники Ипатьевского дома не оставили дневниковых записей за этот день, но в официозе Совета депутатов

помещено траурное извещение, которое, в конечном счете, заденет окружение Романовых: «На Южно-Уральском фронте вблизи Кусинского завода убит белогвардейцами член Обл. исп. ком. Областной комиссар труда Иван Михайлович Малышев». Через 60 лет писательница О. Маркова опишет это так: «Вечером Иван Михайлович сопровождал раненых в штаб фронта в Уржумку. В штабном вагоне с ним вместе был Савва Белых и молодой рабочий завода Злоказовых Потушин... Вагон остановился около станции Тундуш. Раздались выстрелы. Накинув шинель, Малышев вышел в тамбур. Опережая его, выскочил Савва. И тут же упал, раскинув руки. В окружавшей вагон толпе блестели вилы, топоры. Из вагона раненых неслись крики о помощи, стрельба, звон сабель: там уже шла расправа. Малышев выхватил наган, бросился туда, но толпа бандитов сомкнулась.

— Главарь попался!

— Вот этот и есть Малышев!

— У нас он Совет создавал, всех голодранцев пригрел!

Несколько выстрелов не свалили Малышева. Взрыв гранаты ожег тело...» Все, наверное, так и проходило, ибо это было жестокое время. Только одна деталь выпала у автора описания: восставшими были доведенные большевиками до отчаяния крестьяне, те, которых потом называли «кулаками». Вы заметили, чем они были вооружены — вилами и топорами, а не винтовками и пулеметами. С. Мельгунов дает яркое описание масштаба этих восстаний: «Сами большевистские историки Предуралья говорят нам о «серии восстаний», перешедших в конце мая во «всеобщий взрыв», они с большой яркостью описывают, как «деревня за деревней» в «десятках волостей» выходили с вилами и косами и смело шли против винтовок и пулеметов».

За убийство Малышева только в Екатеринбурге будет расстреляно около двух десятков человек.

В этот день местные газеты опубликовали подробности похищения Михаила Александровича в Перми. Большевики все еще играли в прятки с обывателями и писали о трех неизвестных в солдатской форме.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 20 ДНЕЙ.

День пятьдесят девятый

Четверг 27 июня (14 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 46 минут,
заход в 22 часа 21 минуту,
долгота дня 17 часов 35 минут.

Церковь отмечала память пророка Елисея и святого Мефодия, патриарха Константинопольского.

Особых политических событий не случилось.

Это был день рождения Марии.

В 1904 году Николай II записал в дневнике: «Сегодня Марии исполнилось 5 лет. Она получила подарки перед кофем внизу у Аликс».

В 1913 году этот день отмечался более торжественно: «Мари минуло 14 лет... Все командиры приехали с букетами для Мари. В 12 часов на юте был отслужен молебен. Скоро после завтрака съехали на берег и начали увлеченно играть в теннис».

Год тому назад, уже низложенный, император записал: «Дорогой Мари сегодня 18 лет! Утром гулял со всеми детьми по всему парку... В 12 час[ов] пошли к молебну. Днем Аликс вышла с нами...»

В этом году день рождения Марии прошел прозаично и нервозно: «Нашей дорогой Марии минуло 19 лет. Погода стояла та же тропическая, 26°, в тени, а в комнатах 24°, даже трудно выдержать! Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые...»

Все это произошло оттого, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны».

Эти два письма, полученные «с воли», и их ответы Николая II мы уже приводили. Еще должны прийти два, на одно из которых император ответит.

Александра Федоровна ничего не добавит нового к тому, что написал ее муж. Она вся в семейных заботах: «Ранним утром температура 22 град. в комнате. Приби-рала вещи целый день, плела кружева. Е. С. [Боткин]

сидел со мной часто, поскольку может прохаживаться теперь. Бэби катался. Завтракали. Затем остальные пошли гулять. Ольга осталась со мной!»

В этот день Берзин послал в Москву телеграмму о своей проверке дома Ипатьева: «Три адреса. Москва, Совнарком, Наркомвоен, бюро печати СНК. Мною полученных московских газетах отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбургa красноармейцами. Официально сообщаю, что 21 июня мною с участием членов Военной инспекции и военного комиссара Ур. военного округа и члена Всерос. след. комиссии был проведен осмотр помещений, как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны, все члены семьи и сам Николай жив и все сведения об его убийстве и т. д. провокация. 198. 27 июня 1918 года 0 часов 5 минут. Главнокомандующий Североуралосибирским фронтом Берзин». Автор этой телеграммы Рейнгольд Берзин (точнее, Берзиньш), 1888 года рождения, через 21 год, в глухую ночь, будет расстрелян как враг народа.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 19 ДНЕЙ.

День шестидесятый

Пятница 28 июня (15 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 46 минут,

заход в 22 часа 20 минут,

долгота дня 17 часов 34 минуты.

Церковь отмечала память пророка Амоса, святого Ионы, митрополита Московского и Всея Руси.

Местная газета «Известия Уральского областного совета» публикует воззвание «Всем частям рабочей и крестьянской Красной Армии, сражающимся против контрреволюционных мятежников и их союзников-чехословаков», подписанное Л. Троцким еще 13-го числа. В газеты города впервые не поступили телеграммы от агентств новостей — начались перебои со связью.

Александра Федоровна записала в своем дневнике: «Мы слышали, как постовым, охранявшим наши комнаты,

было совершенно особо указано наблюдать за каждым движением в нашем окне — они снова стали крайне подозрительны, так как наше окно открыто, и не разрешают никому сидеть на подоконнике даже теперь». Это замечание об ужесточении наблюдения очень интересно.

Очевидно, в этот день пришло третье письмо от «офицера». Вот оно: «Друзья не дремлют и надеются, что час, так давно жданный, настал. Бунт сопротивления чехословаков грозит большевикам все более и более серьезно. Самара, Челябинск и вся Сибирь восточная и западная во власти временного правительства. Армия друзей словаков в 80 километрах от Екатеринбурга, солдаты красной армии не сопротивляются сильно. Будьте внимательны ко всякому движению снаружи и надейтесь. Но в это же время я вас умоляю, будьте осторожны, потому что большевики раньше, чем будут побеждены, представляют для вас гибель реальную и серьезную. Будьте готовы каждый час (все члены) днем и ночью. Сделайте набросок ваших двух комнат, места мебели, кроватей. Напишите точно время, когда вы все идете ложиться спать. Один из вас не должен спать от 2—3 часов каждой ночи, которая следует. Ответьте несколькими словами, подайте, я вас прошу, все сведения полезные для ваших друзей извне. Это тому же самому солдату, который передал вам эту записку, нужно передать ваш ответ письменно, но не говорите ни слова. Готовый умереть за вас офицер русской армии».

Николай II ответил довольно лаконично и сухо. Это лишний раз склоняет нас к мысли, что он разгадал игру: «От угла до балкона 5 окон выходят на улицу, 2 на площадь. Все они закрыты, заклеены и выкрашены в белый цвет. Маленький еще болен и в постели и не может совсем ходить. Каждое сотрясение причиняет ему страдание. Неделю тому назад из-за анархистов думали нас отправить в Москву ночью. Ничего не нужно рисковать без совершенной уверенности в результате, находимся все время под внимательным наблюдением».

В этой паре писем опять есть многое для размышления. Во-первых, оказывается, письма кто-то передавал из охранников. Кто был посвящен в эту провокацию? Или, может, передававший корреспонденцию не знал содержа-

ния — они же были написаны по-французски? Вопрос второй: в ответном письме Николай II, в принципе, не сообщает ничего нового, чего бы его корреспондент не знал бы из предыдущих писем или общей информации. Почему? Вопрос третий: Николай II в своем письме упоминает о бунте анархистов. Мы эту дату точно знаем: 13 июня, то есть две недели тому назад. Если это так, то как же император писал накануне, что он на днях получил два письма? Скорее всего, Николай II запомнил, когда был бунт анархистов, хотя и мог посмотреть в своем собственном дневнике.

Мы уже указывали, что было еще четвертое, безответное письмо, но оно если и поступило адресату, то не ранее 6 июля. Мы его там и приведем лишь как документ. Оно уже никакой роли не сыграло, ибо разворачивался иной вариант убийства.

Эти четыре письма, связанные с «заговором офицера», фигурировали во всех официальных последующих описаниях трагедии. Теперь, когда мы знакомы с главными документами этого дела, попытаемся разобраться в событиях. Мы упоминали неоднократно, что большевиками постоянно муссировались заговоры и побег Романовых, и это входило в общий план провокации — сначала создать, сформировать общественное мнение, а потом действовать. Поскольку реально существовавшего заговора не было, то его решили создать. В этом случае можно было мгновенно уничтожить затворников при попытке к бегству, и по законам военного времени вполне оправдано. О том, кто был инициатором этой провокации, много рассуждали исследователи, предполагая разные варианты. Рассеял все сомнения один из участников тех далеких событий — член уральской чрезвычайки И. Родзинский. В мае 1964 года его спрашивали в радиокомитете, и он давал пояснения. Беседа была записана на пленку, и вот фрагмент ее расшифровки:

«Вопрос: Расскажите нам о записке красными чернилами...

Ответ: А-а, которую я вел с Николаем переписку... Есть два письма, мною писанные на французском языке с подписью... Русский офицер. Красными чернилами, как сейчас помню, два письма писали, писали мы, так решено было». Он же пояснил оборот «писали мы»: «Так, собирались мы обычно Белобородов, Войков и я.

Я от Уральской областной ЧК... Войков по-французски диктовал, а я писал...» Так что лиц, знающих хорошо иностранный язык, у большевиков хватало.

Таким образом, «заговор офицера», о котором так любили говорить большевики, имел своих авторов, и мы их знаем поименно. Не ясно, а кто же писал два остальных письма или Родзинский запомнил?

Почему же «заговор», несмотря на призыв «офицера» к активным действиям, все же не сработал? Виной тому была порядочность бывшего императора. На второе письмо, помните, он ответил: «Мы не хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой, т. к. сила привела нас в Тобольск». Организовать же похищение в Екатеринбурге по образцу пермского варианта не входило в то время в план большевиков, к тому же требовало иной подготовки. На это времени уже не хватало. Чехи были под Шербаковкой и грозили вот-вот отрезать Первую горнозаводскую железную дорогу на Пермь. А здесь материалы этой фальшивки решено было использовать в официальном сообщении — был заговор с целью похищения, но он раскрыт славными чекистами — и предъявить при этом письма. Так, например, еще семьдесят лет спустя, в юбилейном сборнике, выпущенном в тогдашнем Свердловске в честь юбилея карающих органов, начальник управления КГБ по Свердловской области и его коллега — писатель-соавтор опять упомянули об этом заговоре, заговор, который был сфабрикован ими самими. Интересно, знали ли об этом в высших сферах партии и правительства?

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 18 ДНЕЙ.

День шестьдесят первый

Суббота 29 июня (16 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 47 минут,

заход в 22 часа 20 минут,

долгота дня 17 часов 33 минуты.

Церковь отмечала Отдание Пятидесятницы и память преподаваемых Тихона Медынского и Тихона Луковского, костромского чудотворца.

Центральная пресса сообщала о раскрытом в Костроме заговоре бывших великих князей, хотя в тот момент там не было ни одного человека с таким титулом: они были или в заточении, или уже расстреляны.

День был зауряден, т. е. ничем не примечателен. Александра Федоровна записала: «Снова очень жаркий день. Плела кружева, прибирала вещи. Урывками спала, завтракала. Остальные выходили гулять. Мария оставалась со мной. Занималась лечением Е. С. [Боткина]». Николай II записи в тот день не делал.

Еще один документ этого дня: расписка некоего Дговуся, проживающего по улице Никольской № 26, о получении им 80 рублей 95 копеек за стирку белья.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 17 ДНЕЙ.

День шестьдесят второй

Воскресенье 30 июня (17 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 48 минут,

заход в 22 часа 20 минут,

долгота дня 17 часов 32 минуты.

**Церковь праздновала начало 1-й недели по Пятидесятнице
Всех святых, в землях Российских просиявших .**

**В этот день местная пресса опубликовала первый список
расстрелянных заложников.**

За гибель комиссара труда И. Малышева большевики расстреляли 19 ни в чем не повинных людей: Первушина, Чистосердова, Мокроносова, Фадеева, Козлова, Воробьева, Чижова, Андреева, Корсакова, Бронских, Седнева, Нагорных, Дылдина 1-го, Дылдина 2-го, Соколова, Агатова, Мамкина, Нахратова и Зверева. Конечно, расстреляли их накануне, так как областная уральская ЧК подписала приказ 29-м числом. Среди этого списка уральских деловых людей, адвокатов, священнослужителей к нашей трагедии имеют прямое отношение только двое — Иван Седнев и Климентий Нагорный, приехавшие с Романовыми из Тобольска и чьего возвращения так

ждала императорская семья. Но естественно, что узники Ипатьевского дома этого не знали, и их еще долго кормили обещаниями, что эти двое их приближенных к ним вернутся.

Они были матросами с императорской яхты «Штандарт». Об Иване Седневе упоминает в своем подлинном дневнике Анна Вырубова: «Прекрасный человек из матросов». Он присутствовал при аресте Вырубовой в Царском Селе и закрывал за ней дверь. Другого мученика — Нагорного можно увидеть на многочисленных фотографиях периода тобольского заточения.

Перед самым их расстрелом с ними успел переговорить князь Львов — глава первого Временного правительства. Волею судеб он оказался в том же самом екатеринбургском тюремном замке. Вот что он записал в своих мемуарах: «Про екатеринбургский режим Седнев и Нагорный говорили в мрачных красках... Они (охранники) начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро... потом стали таскать одежду, обувь... самое обращение с ним (Николаем II) вообще было грубое. Седнев и Нагорный называли режим в доме Ипатьева ужасным. Становилось, по их словам, постепенно все хуже и хуже. Сначала, например, на прогулку давали 20 минут времени, а потом стали уменьшать это время и довели до 5 минут. Наследник был болен. В частности, дурно обращались с княжнами. Они не смели без позволения сходить в уборную. Когда они шли туда, их до уборной обязательно сопровождал красноармеец. По вечерам княжен заставляли играть на пианино. Седнев удивлялся, чем была жива императрица, питавшаяся исключительно макаронами».

Накануне расстрела Нагорный и Седнев написали прошение в адрес Белобородова: «Гос. Белобородов покорнейше просим Вас расследовать Наше дело Служащих Ивана Дмитриевича Седнева и Клементия Григорьевича Нагорнова слуги Николая Романова так как нас арестовали и находимся в Арестов Доме мы незнаем за что хотя мы дали расписки вам Г-н Белобородов и мы к вам спросили можно ли нам уволиться со службы и вы нам объяснили что Влюбое время можно поповоду етого обращаем с Покорнейшей прозбой Квам и просим Вас Г-н Белобородов Выяснить наше положение такчто мы Служить нежилаем и покорнейше просим вас Отправить

нас на Родину в Ярославскую губернию такчто мы Крестьяне и желаем обрабатывать свое грестьянство такчто я И. Д. Седнев человек семейный имею жену и троих детей малолетних и мать старая и сестра и вот по поводу этово Покорнейше прошу вас Г-н Белобородов что мы совершенно отказываемся от службы Николая Романа. Подписали Иван Дмитриевич Седнев Климентий Григорьевич Нагорный 28 мая 1918 г.» Это заявление было найдено потом в выброшенном мусоре, а их бывший коллега Чемодуров опознал трупы авторов возле насыпи железной дороги.

Знает читатель и еще одного из расстрелянных — есаула Мамкина. Это он руководил восстанием в поселке Верх-Исетского завода, о котором мы упоминали в записи 15 июня.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 16 ДНЕЙ.

День шестьдесят третий

Понедельник 1 июля (18 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 49 минут,

заход в 22 часа 19 минут,

долгота дня 17 часов 30 минут.

Церковь отмечала начало Петрова поста и память мучеников Леонтия, Ипатия и Фесдула.

От этого дня не сохранилось ни газет, ни дневниковых записей, ни каких-либо документов.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 15 ДНЕЙ.

День шестьдесят четвертый

Вторник 2 июля (19 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 49 минут,

заход в 22 часа 18 минут,

долгота дня 17 часов 29 минут.

Церковь отмечала память апостола Иуды, брата Господия во плоти и преподобного Иоанна Отшельника.

В этот день в Мурманске началась высадка англо-французского десанта, кстати, по мнению американского историка Р. Пайпса, вызванного самими большевиками. В Екатеринбурге латышские стрелки справляли национальный праздник «Лиго».

После провала «заговора офицера» начала раскручиваться пружина уже ничем не камуфлируемого убийства. Режим в Ипатьевском доме ужесточился. Александра Федоровна записала: «Теперь Авдеев должен приходить утром и вечером, чтобы проверить, все ли мы на месте. Сегодня днем пришел спросить, действительно ли я не выхожу по состоянию здоровья, кажется, комитет не будет это истолковывать превратно».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 14 ДНЕЙ.

День шестьдесят пятый

Среда 3 июля (20 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 50 минут,
заход в 22 часа 18 минут,
долгота дня 17 часов 28 минут.

Церковь отмечала память Благоверного князя Глеба Владимировского и мучеников Инны, Пинны и Риммы.

Значительных политических событий не произошло, однако к Екатеринбург у неумолимо приближались белые войска, и красные части медленно откатывались на север и северо-запад. В местных газетах помещено обращение «Ко всем товарищам красноармейцам!», а на 3 часа дня было назначено заседание фракции коммунистов-большевиков с докладом исполкома. В этот день упразднили еврейский общинный совет.

А город между тем жил своей жизнью. В летнем саду шла пьеса «Иммортели». На Большую Съезжую, 14 требовалась кухарка, «знающая свое дело»; некая Лиза Бормотова с улицы Коковинской, 92 искала место машинистки, а комендатура города извещала: «Разыскиваются бежавшие из Управления коменданта лагеря военнопленных 3 лошади».

В Доме особого назначения в тот день тоже ничего примечательного не случилось. Александра Федоровна

оставила нам за этот день безмятежную запись: «Бэби начинает делать движения своей ногой. Очень жарко. Душно. Перед ужином Мария и Нюта вымыли мне голову. Я приняла ванну...» Нюта — это Демидова.

Однако именно в этот день зримо проглядывает запущенный механизм предумышленного убийства. М. Дитерихс указывал, что именно 3 июля И. Голошекин запрашивал о надежности охраны дома, и уже выбиралось место для захоронения. Крестьянин из Коптяков Болоткин показывал позже на следствии: «Я хорошо помню, что в первых числах июля я шел в Екатеринбург той дорогой, что идет из Коптяков. На этой дороге я встретил трех всадников, ехавших верхом на седлах. Два из них были мадьяры. Они были в австрийской одежде. Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках у Юровского я видел простой плотничий топор. Встреча эта произошла у нас в 4 дня. Ехали они, направляясь прямо к переезду № 184 (к Коптякам)».

Небезызвестный П. Быков в своей статье 1921 года «Последние дни последнего царя» прямо писал: «Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах». В последующих изданиях эта компрометирующая центральную власть фраза исчезла.

Итак, в эти дни началась разработка деталей уничтожения царской семьи. А те еще жили и надеялись.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 13 ДНЕЙ.

День шестьдесят шестой

Четверг 4 июля (21 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 51 минуту.
заход в 22 часа 17 минут,
долгота дня 17 часов 26 минут.

Церковь отмечала память мученика Иудана Тарсийского.

В этот день особое внимание газет было обращено к Австрии — там вспыхнул левый мятеж. Большевики сразу заявили: «В Австрии начинается революция. Интернациональный пролетариат спешит на помощь русскому». Иллюзия всемирной революции витала над просторами истрадав-

шейся России. Между тем город жил своими заботами. В Летнем саду шла «Каширская старина», кто-то потерял овец, а кто-то продавал рояль, неизвестная женщина опубликовала объявление: «Желаю поступить к детям». В 5 часов вечера в театре Верх-Исетского поселка состоялся митинг памяти И. Малышева.

В Доме особого назначения начались крутые перемены. Николай II записал в дневнике: «Сегодня произошла смена комендантов — во время обеда пришли Белобородов и др. и объявил, что вместо Авдеева назначается тот, которого мы принимали за доктора — Юровский. Днем до чая он с своим помощником составили опись золотым вещам — нашим и детей: большую часть (кольца, браслеты и пр.) он взял с собой. Объяснили тем, что случилась неприятная история в нашем доме, упомянули о пропаже наших предметов. Так что убеждение, с которым я писал 28 мая, подтвердилось. Жаль Авдеева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае».

Об этом же событии писала в своем дневнике Александра Федоровна: «Очень жарко. 22,5 градуса в 9 часов вечера. В течение ланча областной комиссар пришел с несколькими мужчинами: Авдеев смненен, и мы получили нового коменданта (который приходил уже однажды посмотреть ногу Бэби) с молодым помощником, который выглядит очень приятным по сравнению с другими вульгарными и неприятными. Затем они заставили нас показать все драгоценности, которые у нас были. Молодой помощник все тщательно записал, затем они их унесли (Куда? Насколько? Зачем? Неизвестно!). Оставили только два браслета, которые я не смогла снять».

Правда, в литературе опубликован и иной вариант этой дневниковой записи: «...Во время завтрака пришел председатель Областного комитета с несколькими людьми. Авдеева заменяют, и назначен новый комендант (который приходил однажды посмотреть на ногу Бэби, а другой раз — наши комнаты) с молодым помощником, который выглядит приличным, тогда как другой вульгарен и неприятен. Вся наша внутренняя охрана отставлена (вероятно, кто-то узнал, что они воровали наши вещи из кладовой). Двое человек затем заставили нас показать все наши драгоценности, которые мы имели с собой, а

затем переписали их детально и забрали у нас (куда, насколько, почему?? не знаю). Оставили мне только два моих браслета, которые я не могла снять, и детям по одному браслету каждой, которые мы дарили и которые нельзя было снять, не забрали также обручальное кольцо N., которое нельзя было снять. Поэтому остальные вышли погулять только с 6—7. О[льга] осталась со мной...»

Такой разницей в тексте лежит во многом на совести переводчиков, ибо императрица вела свои дневники на английском языке карандашом и весьма неразборчивым почерком.

Запись в книге дежурств тоже фиксирует это событие: «4 июля. Произошла смена караула внутреннего во главе с комендантом Авдеевым, и коменданство принял тов. Юровский. Доктор Боткин приходил с просьбой разрешить привести попа на воскресенье для службы обедни, на что ему было отвечено, что просьба будет передана областному Совету».

Будущие убийцы впервые представились лично. Юровский уже тут был, как минимум, дважды. Помните «человека в черном», посетившего дом Ипатьева вместе с доктором В. Деревенко 26 мая? Тогда это было первое знакомство крупнейшего уральского чекиста с Романовыми. Теперь он пришел сюда полновластным хозяином.

Его помощника мы тоже знаем — это Григорий Никулин. Оба они взяли непосредственную «опеку» над своими будущими жертвами. М. Дитерихс добавляет, что и все злоказовские рабочие были удалены из охраны дома, а с Никулиным прибыло 10 «латышей». Он имеет право на эти кавычки, так как до сих пор неясно, были они действительно латышами, или австрийцами, венграми, а то и просто работниками ЧК, которых часто так называли. Фамилии и тех, и других, и третьих начинают мелькать в документах, и мы еще к этому вопросу вернемся в тот роковой день.

Сам Юровский в 1934 году так говорил о своем назначении: «Мое назначение комендантом в Дом особого назначения, где содержался бывший царь с семьей, начиная с 4-го июля по 19-е, вернее, даже 16-го уже кончается... Мое назначение комендантом в Дом особого назначения было вызвано, как я думал, во-первых, разложением коменданта, ближайших помощников, что не

могло не сказаться и сказалось на охране, внешней и внутренней в особенности. Проявилось разложение в пьянстве, растаскивании вещей и т. д., а отсюда ослабление нужной бдительности». В этом заявлении удивляет одно — в Екатеринбурге того времени дом Ипатьева, если можно так выразиться, был объектом № 1. Каждый день там дежурил кто-то из членов областного совета, охрана была густо замешана на сотрудниках чрезвычайки, а руководству потребовалось 66 дней, чтобы догадаться о пьянстве верхушки этой охраны и воровстве ими чужих вещей! Не вяжутся тут концы с концами.

Смена караула явно носила другой характер. Именно 4 июля в Москву уходит следующая телеграмма: «Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаниям центра. Опасения напрасны точка Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменится другим 4558 Белобородов».

Что за дело «согласно указаниям», по которому выехал видный уральский революционер Ф. Сыромолотов? Может, это задание совсем не касается Романовых, ибо у большевиков в то время было еще одно очень важное секретное дело, и мы к нему обязательно вернемся. А в чем тогда высказывал опасения Голощекин? Этого мы вряд ли когда узнаем, ибо взаимное недоверие отличало уральских большевиков.

Секрет в том, что убийство уже замышлялось конкретно, выдал много лет спустя болтливый охранник Нетребин из нового состава караула. Он вспоминал, что примерно за две недели до роковой даты «я и еще несколько товарищей был взят с военных занятий тов. Юровским. Вскоре нам было объяснено, что мы взяты для охраны во внутреннем карауле б[ывшего] царя и что, возможно, нам придется выполнить казнь б. царя, и что мы должны держать строго в тайне все могущее совершиться в доме заключения. Получив от т. Юровского, что нужно подумать о том, как лучше провести казнь, мы стали обсуждать вопрос. Не помню, кто-то из нас предложил следующее. Запереть заключенных в комнату угловую, она была занята ими же, и бросить две бомбы. Так мы и решили. Чтобы решить, кому кидать бомбу, мы бросили жребий. Жребий выпал на двоих, старшему латышу

и мне. День, когда придется выполнять казнь, нам был неизвестен, но все же мы чувствовали, что скоро наступит. Прошло несколько дней... мы снова обсудили о методе казни и решили его изменить. Мы решили расстрелять из наганов в находящейся внизу комнате».

У нас еще одно свидетельство, хотя к этому источнику надо отнестись осторожно. Высокий советский функционер, некий Беседовский, бежал в конце 1920-х годов за границу. В 1930 году он выпустил книгу «На пути к термидору», в которой сообщил интересные сведения: по долгу своей службы он встречал новый, 1925 год в Варшаве в компании с Войковым. Тот был достаточно пьян и поведал собеседнику следующие подробности: «При разработке вопроса о «проведении расстрела» в екатеринбургском комитете партии Белобородов предложил «следующий план»: «инсценировать похищение и увоз семьи, кроме царя, и увезенных тайно расстрелять в лесу, близ Екатеринбурга. Бывшего царя расстрелять публично, прочитав приговор с мотивировкой расстрела. Однако Голощеков (так в тексте) возражал против этого проекта, считая, что инсценировку будет очень трудно скрыть. Он предложил расстрелять всю семью за городом, в лесу, побросав трупы в одну из шахт, объявив о расстреле царя и о том, что «семья переведена в другое более надежное место». Далее Беседовский сообщает, что Войков выступил против обоих проектов, предлагая вывести царское семейство до ближайшей полноводной реки и, расстреляв, потопить в реке, привязав гири к телам. Тогда же, со слов Войкова, было принято решение уничтожить всех приближенных лиц, ибо они «обрекли себя к смерти и подлежат расстрелу вместе с семьей».

Так что убийство планировалось загодя и всесторонне.

С. Мельгунов упоминает, что именно в этот день немецкий посол Мирбах обратил внимание Чичерина на необходимость опровергнуть появившееся в газетах сообщение об убийстве Николая II. На это заявление Мирбаха «Чичерин «вяло» ответил, что нет смысла опровергать в каждом отдельном случае циркулирующие слухи — так их много ходит в данный момент».

Между 2 и 4 июля в Москве заседал ЦК РКП(б). Из его 15 членов и 8 кандидатов на нем присутствовало всего 7 человек: Ленин, Свердлов, Дзержинский, Влади-

мирский, Шмидт, Стучка и Петровский. То есть не было ни кворума, ни многих влиятельных членов ЦК. Оно-то, очевидно, и приняло на этом заседании окончательное решение об уничтожении царской семьи. Не был поставлен в известность ни Троцкий, ни Сталин, ни другие отсутствовавшие. Именно после этого заседания уральские большевики почувствовали, что их руки развязаны и дело стремительно двинулось к развязке.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 12 ДНЕЙ.

День шестьдесят седьмой

Пятница 5 июля (22 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 52 минуты,

заход в 22 часа 17 минут,

долгота дня 17 часов 25 минут.

Церковь отмечала память преподобного Варлаама Хутынского.

Из более-менее значительных политических событий этого дня можно назвать две победы красных войск: атаман Семенов был выбит в Манчжурию, а белые войска разбиты под Сызранью. В местных газетах публиковалось воззвание Агитационного отдела военного комиссариата и Союза интернационалистов. Перепечатан был из центральной прессы доклад Троцкого на заседании СНК «Мобилизация буржуазии». В Летнем саду шел «Лес», а в Народном доме ВИЗа — «Жизнь денщика Душкина».

В этот обычный день ДОН, как всегда, посетили послушницы Ново-Тихвинского монастыря. Им разрешили приносить провизию, но они должны были быть непременно в мирском платье. Послушница Антонина потом на следствии показала: «Мы принесли разную провизию. Ее от нас взяли. Кажется, помощник Авдеев взял, но тут заметно было, что у них смущение: брать или не брать. Мы ушли, но скоро нас догнали двое красноармейцев с винтовками, посланные из Ипатьевского дома, и нас вернули назад. Там к нам вышел уже новый комендант... Юровский и строго нас спросил: «Это вам кто позволил носить?» Я сказала: «Несли по разрешению коменданта Авдеева и по поручению доктора Деревенко».

Тогда он стал говорить: «А другим арестованным вы носите, которые в тюрьмах сидят?» Я отвечаю: «Когда просят, носим».

Сохранилась запись этого дня лишь у Александры Федоровны, но ее волновало совсем другое: «Комендант предстал перед нами с нашими драгоценностями, он оставил их на нашем столе (опечатанными) и будет приходить каждый день смотреть, чтобы мы не раскрывали ящик». У этого текста в литературе тоже существуют варианты перевода, однако принципиальной разницы в содержании нет.

Запись в книге дежурств была лаконичной: «За весь истекший день ничего существенного не произошло». Дежурный даже не отметил приход монашек с продуктами.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 11 ДНЕЙ.

День шестьдесят восьмой

Суббота 6 июля (23 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 53 минуты.

заход в 22 часа 16 минут,

долгота дня 17 часов 23 минуты.

Церковь чествовала икону Владимирской Богоматери в память спасения Москвы от Ахмат-хана в 1480 году. Также отмечалась память мучеников Агриппины и святого Германа, архиепископа Казанского.

На Украине началась всеобщая забастовка, а местные газеты напечатали, что планировавшаяся на следующий день общегородская демонстрация по поводу революционного восстания в Австро-Венгрии «по техническим условиям» откладывается. Мы знаем причину: мятеж подавили.

Запись в книге дежурств: «Пулемет на вышке системы «Кольт» был обменен на «Максим». Часовым на посту № 9 найдена серебряная вещь «кофейник» с орлом на лицевой стороне в саду, под пожарной машиной. Остальное все в порядке». И при новом коменданте продолжалось безудержное воровство!

Даже всегда сдержанный Николай II делает возму-

шенную запись: «Вчера комендант Ю[ровский] принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями. просил проверить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на хранение. Погода стояла прохладная, и в спальне легче дышалось. Ю[ровский] и его помощник начинают понимать, какого рода люди нас окружали и охраняли нас, обворовывая нас.

Не говоря об имуществе — они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнаем об этом, потому что все количество провизии стало попадать на кухню.

Все эти дни, по обыкновению, много читал, сегодня начал VII том Салтыкова. Очень нравятся мне его повести, рассказы и статьи».

Порядочный император не мог понять, что и воровство продуктов делалось с благословения властей, вспомните цитату П. Быкова!

Александра Федоровна записала тоже о кражах: «Две женщины пришли и вымыли полы. Остальные гуляли в полдень. Анастасия оставалась со мной. Играли в карты с Бэби и Евг[ением] Серг[еевичем] после чая. Комендант принес N. его часы в кожаном кейсе, которые он оформил в столовой, украдены из чемодана N. Играли в безик. Приняла ванну».

А. Войков скрупулезно точно отмечает в своих мемуарах, что в этот день в газетах вновь промелькнуло сообщение, что государь расстрелян и его семья тоже. Сразу появились слухи, что царская семья спаслась, доказательством чему приводились свидетельства «очевидцев». Все это были детали строго и тонко продуманного плана — какой-то гениальный дирижер последовательно подводил россиян к идее, что Романовых все равно расстреляют.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 10 ДНЕЙ.

День шестьдесят девятый

Воскресенье 7 июля (20 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 54 минуты,

заход в 22 часа 15 минут,

долгота дня 17 часов 21 минута.

Церковь отмечала 2-ю неделю по Пятидесятнице Всех святых в землях Российских проснявших и Рождество Иоанна Крестителя.

Среди политических событий несомненно первостепенным был мятеж левых эсеров в Москве и убийство немецкого посла графа Мирбаха. Были арестованы многие большевистские лидеры, включая самого Дзержинского. Большевистская власть сильно заколебалась. А в Екатеринбурге шла безмятежная жизнь со своими заботами. В Летнем саду шли пьесы «Ольга Николаевна» (по А. Аверченко), «Лекарь поневоле» и «Каширская старина».

В Доме особого назначения все спокойно. В книге дежурств запись: «За весь день 7 июля ничего не произошло».

В дневнике Александры Федоровны тоже ничего тревожного: «Прелестное утро, на солнце вполне тепло, в тени только 0 град и $\frac{1}{2}$. Провели день как обычно.

Днем я выходила погулять с другими в первый раз, так как хорошее время, приятный воздух, не слишком жарко. Утром Е. С. [Боткин] выходил на воздух первый раз...»

Генерал М. Дитерихс приводит среди документов этого дня таинственную, на его взгляд, телеграмму: «Сыромолотову. Если поезд Матвеева еще не отправлен, принять все меры к тому, чтобы он был задержан в пути и ни в коем случае не следовал [к] месту, указанному нами. [В] случае невозможности нового места стоянки, поезд вернуть [в] Пермь. Ждите информации. Белобородов».

На следующий день тому же адресату уходит еще одна телеграмма: «Если можно заменить безусловно надежными людьми, команду поезда всю смените. пошлите обратно Екатеринбург. Матвеев остается комендантом поезда. Замене договоритесь Трифоновым. Бело-

бородов». В догонку ей пошла третья телеграмма в адрес Горбунова: «Для немедленного ответа Гусев [из] Петербурга сообщил, что [в] Ярославле восстание белогвардейцев. Поезд наш возвращен в Пермь. Как поступить далее обсудите [с] Голощекиным».

Что это за поезд? Для чего его под охраной собрались гнать назад в Екатеринбург, когда к городу приближались белые войска? Об этом следует поразмышлять, так как исследователи обращают на этот поезд много внимания: не хотели ли тогда вывезти узников дома Ипатьева в Пермь? Зачем? Юровский ведь уже высматривал место у Коптяков еще 20 июня.

Вспомните телеграмму от 4 июля. Там тоже упоминается Ф. Сыромолотов, который «поехал для организации дела согласно указаний центра».

Еще Н. Соколов заметил, что этот поезд к нашему делу отношения не имеет, и с этим следует согласиться.

Ф. Сыромолотов оставил фрагменты своих воспоминаний, которые в 1977 году опубликовал журнал «Урал». Еще в апреле месяце 1918 года он был назначен комиссаром финансов Урала — это его подпись красуется на знаменитых «уральских рублях». 9 июня президиум облисполкома поручил ему вывезти хранящиеся в городе ценности в Пермь. Материально это было 300 пудов золота, 225 пудов платины, серебра, драгоценные камни, ювелирные изделия из подвалов екатеринбургских банков, содержимое кладовых Екатеринбургской гранильной фабрики. В придачу к этому были еще значительные ценности, вывезенные из Петербурга и хранившиеся в помещении фабрики Якушева. В конце июня Ленин дал личное распоряжение Белобородову о вывозе ценностей через Пермь по северной ветке в столицу. Но пока вывозили, вспыхнул мятеж эсеров и железнодорожная линия на отрезке от Москвы до станции Буй была в руках восставших. Пришлось вернуться в Пермь. Об этом имеется запись в воспоминаниях Ф. Сыромолотова. Так что, видно, напрасно М. Дитерихс и его коллеги связывали этот поезд с узниками Ипатьевского дома — здесь большевики волновались за судьбу несметных ценностей. Вдруг попадут в руки восставших! А в телеграмме содержатся две разные темы — о ценностях и о Романовых.

На следующий день за две тысячи с лишним километров от Екатеринбурга, в Петрограде, допрашивали В. Коковцева. Вел допрос не кто иной, как сам Урицкий — лицо, облеченное большим доверием новой власти. На один из ответов Коковцева Урицкий бросил реплику: «Советская власть решила вынести действия бывшего императора на рассмотрение народного суда, и вы, конечно, будете допрошены в качестве свидетеля по этому делу».

Это наводит на мысль, что и в высшем эшелоне было два мнения: одно — судить, другое — так расстрелять. Победили вторые.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 9 ДНЕЙ.

День семидесятый

Понедельник 8 июля (25 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 55 минут,

заход в 22 часа 14 минут,

долгота дня 17 часов 19 минут.

Церковь отмечала начало Третьей Седмицы по Пятидесятнице и память княгини Февронии, в иночестве Евфросинии и благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромских чудотворцев.

В центральных областях России идет интенсивное подавление мятежа левых эсеров. В этот день Белобородов и Сафаров подписывают обращение к народу: «Усильте бдительность, беспощадно пресекайте выступления против Советской власти, откуда бы они ни исходили».

Запись в книге дежурств лаконична до предела: «8 июля. Без перемен».

Николай II в своем дневнике отмечает все события, происходившие внутри ДОНа: «Наша жизнь несколько не изменилась при Юровском. Он приходит в спальню проверить целостность печати на коробочке и заглядывает в открытое окно. Сегодня все утро и до 4 час. проверяли и исправляли электрическое освещение. Внутри дома на часах стоят новые латыши, а снаружи остались те же — частью солдаты, частью рабочие. По слухам, некоторые

из авдеевских солдат сидят уже под арестом! Дверь в сарай с нашим багажом запечатана. Если бы это было сделано месяц тому назад! Ночью была гроза и стало еще прохладнее».

Александра Федоровна вся в своих заботах: «Прохладнее. Ничего особенного не произошло. Остальные выходили гулять в течение $\frac{1}{2}$ утром и $1\frac{1}{2}$ в полдень. М[ария] оставалась в доме со мной... Завтракали только в $1\frac{1}{2}$, потому что они налаживали электричество в наших комнатах. Т[атьяна] убрала мои волосы, пока они работали. По-прежнему нет Вл[адимира] Ник[олаевича], хотя мы ежедневно спрашиваем о нем. Бэби ест хорошо, и носить его становится уже тяжело... Они хотят вернуть нам Нагорного опять...» Увы, brave морячок с императорской яхты «Штандарт» Нагорный уже две недели, как расстрелян!

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 8 ДНЕЙ.

День семьдесят первый

Вторник 9 июля (26 июня по ст. ст.).
Восход солнца в 4 часа 57 минут,
заход в 22 часа 13 минут,
долгота дня 17 часов 16 минут.

Церковь отмечала праздник иконы Тихвинской Богоматери, память преподобного Давида Салунского и святого Дионисия, архиепископа Суздальского.

В местных газетах появилась наконец-то информация о восстании левых эсеров. Подписан приказ № 13 коменданта города об ответственности за уклонение от трудовой повинности. Не обошлось в городе без происшествий: в ночь на этот день в квартирном отделе Окружного военного комиссариата постовой караульный Иоани Родэ захватил денежный ящик и скрылся.

В книге дежурств запись: «За весь день девятого июля особенного ничего не произошло, лишь только то, что часовым на посту № 5 был задержан тип, который на слова часового отойти подальше, ответил грубостью, за что был препровожден в Чрезвычайную комиссию». Бел-

ный «тип». За этот мат наверняка пьяного человека из него, пожалуй, душу вытрясли, если не приписали «попытку» проникновения на секретный объект. Это было модным у бдительных чекистов.

Александра Федоровна записала в своем дневнике: «День прошел как обычно. Они выходили гулять дважды. О[льга] оставалась со мной... По-прежнему нет Вл[адимира] Ник[олаевича]. Плела кружева, раскладывала пасьянс, не могла читать больше 5 м[инут] из-за глаз, которые еще болят».

Вероятно, в этот день Боткин оборвал свое последнее, так и не отосланное письмо. Он начал его писать еще 3 июля, но все не мог окончить. Адресовано оно его сотоварищу по курсу. Вот фрагмент из него: «Дорогой мой, добрый друг Саша. Делаю последнюю попытку писанию настоящего письма — по крайней мере отсюда — хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне было суждено было когда-нибудь откуда-нибудь писать. Мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер — умер для своих детей, для дела... Я умер, но еще не похоронен или заживо погребен — как хочешь: последствия почти тождественны...»

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 7 ДНЕЙ.

День семьдесят второй

Среда 10 июля (27 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 58 минут,

заход в 22 часа 12 минут,

долгота дня 17 часов 14 минут.

Церковь отмечала память преподобного Самсона странноприимца и Серапиона Кожезерского.

На фронтах гражданской войны чешский корпус выбил красных из Уфы. В местных газетах опубликовано воззвание «Ко всем рабочим и крестьянам Урала». Оно начинается словами «Помощь близка!». Откуда бы ей прийти, этой помощи? Через две недели в городе уже будет Сибирь-

ская армия. В газетах перечислено 40 городов России, совершенно закрытых для въезда (понимай: занятых или отрезанных белыми войсками). В Москве проходит V Всероссийский съезд советов, а в Екатеринбурге в 3 часа дня открылось заседание фракции коммунистов-большевиков городского совета. В Летнем театре шла «Каширская старина».

В доме Ипатьева ничего значительного не произошло, что и было зафиксировано в записи книги дежурств: «За весь день ничего существенного не произошло». У Александры Федоровны в дневнике обычная запись: «2 дня у остальных не было мяса, и жили на оставшиеся у Харитоновых тобольские припасы провизии. Приняла ванну. Безик. Они по-прежнему находят оправдания не присылать Владимира Николаевича».

В городе началось уничтожение лиц, прибывших вместе с Романовыми в Екатеринбург. Вот что писал об этом М. Дитерихс: «10 июля Татищев и Долгоруков были вызваны в тюремную контору. Здесь им вручили ордера за подписью Белобородова и Дидковского, в которых им предписывалось в 24 часа покинуть пределы Уральской области. Такая неожиданная милость советских властей удивила обоих; ни Татищев, ни Долгоруков никого не просили об освобождении, и никто к ним за время заключения в тюрьме не приезжал и за них никто не хлопотал. Тем не менее им приказали сейчас же взять свои вещи и уходить. Двери тюрьмы перед ними открылись».

Но М. Дитерихс не был очевидцем событий, а вот бывший камердинер императрицы А. Волков, будучи сокамерником Татищева, описал это событие как свидетель: «Около 25 мая старого стиля (очевидно, Волков ошибся.— Г. З.) в камеру вошли два надзирателя и попросили Татищева в контору, сказав, что в конторе его ожидает вооруженная стража. Татищев побледнел. Надзиратели показали ему бумагу, в которой было написано: «Высылается из пределов Уральской области». Мы попрощались с Татищевым, и его увели. Он оставил прекрасное меховое пальто, просил меня отослать его тетке, которую он очень любил. Я подумал, как трудно мне будет сохранить это пальто. Затем мне пришлось в голубу, что это пальто будет нужно самому высылаемому

Татищеву. Пальто это я возвратил ему, уже находящемуся в конторе».

Однако у ворот тюремной ограды «освобожденных» встретили вооруженные палачи из чрезвычайной следственной комиссии, которые отвезли Татищева и Долгорукова за Ивановское кладбище в глухое место, где обычно, по выражению деятелей ЧК, «люди выводились в расход». Там оба верные своему долгу и присяге генерала были пристрелены, и трупы их бросили, не зарыв. И хотя Р. Вильтон утверждает, что Татищев наверняка остался живым, следствием белых войск было обнаружено два трупа, которые и были опознаны. Самому А. Волкову жена надзирателя тоже говорила, что Татищев расстрелян.

От ворот екатеринбургского тюремного замка до западной окраины Ивановского кладбища всего несколько сот метров. Зачем нужен был спектакль с ордерами на освобождение? Не могли разве расстрелять просто так? А может, то были опять две противоборствующие стороны: одни освобождали, а другие расстреливали? По словам сына чекиста П. Медведева (ох уж эти всеведующие «свидетели эпохи!»), генерала Долгорукова лично расстреливал Григорий Никулин — правая рука Юровского и замкоменданта ДОНа.

Вы помните, за две недели до этого точно так же канули в вечность еще два бывших ипатьевских узника Климентий Нагорный и Иван Седнев.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 6 ДНЕЙ.

День семьдесят третий

Четверг 11 июля (28 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 4 часа 29 минут,

заход в 22 часа 11 минут,

длгота дня 17 часов 12 минут.

Церковь отмечала день иконы Богоматери «Троеручицы».

В стране было крупное политическое событие: Пятый съезд Советов утвердил первую конституцию новой власти. В пункте 23 второго раздела было записано: «Руководству-

ясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Началась эра бесправия!

В местных газетах публикуется информация о восстании эсеров в центре России и городских митингах в поддержку большевиков в городском театре, театре ВИЗа и земской управе. Уфимский губернский совет опубликовал воззвание о призыве в армию, а СНК — декрет о национализации почти всех горных и металлургических предприятий. В этот день командующий фронтом против чехословаков Муравьев покинул свой пост и застрелился в Симбирске. Так сообщили газеты. На самом деле его расстреляли из пулемета по приказанию Тухачевского, после чего весь Восточный фронт рассыпался. В Летнем саду шли пьесы «Ольга Николаевна» и «Лекарь поневоле».

Николай II в дневнике записал: «Утром около 10 $\frac{1}{2}$ час. к открытому окну подошло трое рабочих, подняв тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы — без предупреждения со стороны Ю[ровского]. Этот тип нам нравится все менее!»

Примерно также об этом записала и Александра Федоровна: «Рабочий, которого пригласили, установил снаружи железную решетку перед нашим единственным открытым окном! Без сомнения, это постоянный страх, что мы выберемся или войдем в контакт с часовыми... Сильные головные боли продолжались, провела в кровати весь день». Есть немного иной вариант перевода предпоследней фразы: «Всегда испуганы, кто-нибудь перелезет или вступит в контакт с караулом».

Запись в книге дежурств не сообщает ничего нового: «Доктор Боткин обращался с просьбой пригласить священника отслужить обедню, на что ему было дано обещание, остальное все обычно».

А подготовка к убийству шла своим чередом. Горный техник И. Фесенко работал в районе деревни Коптяки в этот день, на одном из деревьев сделал пометку: «горный техник И. А. Фесенко. 11 июля 1918 года». Позже, на допросе у Н. Соколова, техник скажет: «Однажды во время работы в местности около Четырех Братьев он увидел схавших верхами на лошадях Юровского и с ним двух неизвестных лиц, одного из которых рабочие

называли Ермаковым, а другой был пленный австриец, мадьяр или кто другой, он не знает... Повстречались они с ним под вечер, приблизительно часов около 5».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 5 ДНЕЙ.

День семьдесят четвертый

Пятница 12 июля (29 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов,

закат в 22 часа 10 минут,

долгота дня 17 часов 10 минут.

Церковь отмечала память славных и всехвалных первоверховных апостолов Петра и Павла.

В местных газетах опубликована статья «Долой изменников революции левых С-Р». С многопартийностью в стране будет покончено на семь десятилетий. Приказ № 35 по войскам Северо-Уральского-Сибирского фронта начинался со слов: «Враг у ворот!» Белые войска действительно были в 50 км от города. В этот день в Екатеринбурге был расстрелян епископ Гермоген. А город жил своей жизнью. В Летнем саду шла пьеса «Гибель надежды», а в Верх-Исетском театре — «Ульяна Вяземская». В 2 часа дня были рысистые испытания на ипподроме.

В книге дежурств в последней ее записи ничего особенного: «Доктор Боткин просил пригласить доктора Деревенко и принес рецепты с просьбой купить медикаменты, которые ему были доставлены (благо аптека Познера находилась в тридцати шагах. — Г.З.). Доктора Деревенко также было дано обещание пригласить». Неожиданно обстоятельная запись в дневнике Александры Федоровны: «Каждый день одна из девочек читает мне «Духовное Чтение», т. е. «Полный Годичный Круг Кратких изучений составленных на каждый день года» (трак. Дьяченко). Постоянно слышно, как проезжает артиллерия, проходят пехота и кавалерия в течение этой недели. Также войска, марширующие с музыкой,— дважды это, кажется были австрийские пленные, которые выступают

против чехов, тоже наших бывших пленных, которые с войсками идут через Сибирь и находятся недалеко отсюда. Раненые ежедневно прибывают в город».

В этот день власти пытались придать предстоящему убийству вид законности. П. Быков в своей книге пишет: «По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля, было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых. Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать не удастся — фронт был слишком близок, и задержка с судом над Романовым могла вызвать новые осложнения. Решено было запросить командующего фронтом о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положение фронта. Военное командование сделало в областном Совете доклад, из которого видно было, что положение чрезвычайно плохое. Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступление с двух сторон. Силы Красной Армии недостаточны, и падение города можно ждать через три дня. В связи с этим Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендатуре дома, охране с помощью нескольких рабочих-коммунистов».

Само постановление, написанное в тот же день в подвалах здания бывшего сибирского банка, приговаривает к расстрелу лишь одного Николая II: «Ввиду того, что чехо-словацкие банды угрожают красной столице Урала Екатеринбургу, ввиду того, что коронованный палач может избежать народного гнева (раскрыт заговор белогвардейцев¹ с целью похищения всей Романовской семьи), президиум областного Совета, выполняя волю революции постановил: бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных преступлениях перед народом, расстрелять».

Состав того Совета, проголосовавшего за этот приговор, мы знаем поименно: Анучин, Войков, Голощекин, Краснов, Мельников, Поляков, Сафаров, Сыромолов, Тунгул, Хотинский и Юровский. Сюда еще надо прибавить Белобородова, болтавшегося в Москве. Однако

¹ Читатель заметил, когда и где сработала провокация с «заговором офицера».

захваченный белыми войсками бывший комиссар здравоохранения Урала Сакович, который тоже был не последним человеком в уральском правительстве, категорически утверждал на допросе, что никакого обсуждения не было.

Почему Романовых не увезли еще десять дней тому назад, когда это можно было сделать? Уехал же благополучно эшелон с ценностями в сопровождении Ф. Сыромолотова, а он еще успел и вернуться. И никто на эшелон не нападал — ценности спокойно переждали смутное время в Вятке. Но, очевидно, все это было запланировано — недаром уже искали надежное место захоронения еще две недели до вынесения приговора.

Где, на каком этапе этот приговор, вынесенный одному Николаю II, был распространен на всех узников дома Ипатьева? Кто сказал первым преступные слова: «Всех!» Ермаков приписывает это Белобородову.

Тот же Беседовский, которого мы уже цитировали, передает следующие слова Войкова о том, как обстояло дело с вынесением приговора: «Вопрос о расстреле Романовых был поставлен по настоятельному требованию Уральского областного совета, в котором я работал в качестве областного комиссара по продовольствию. Уральский совет категорическим образом настаивал перед Москвой на расстреле царя, указывая, что уральские рабочие чрезвычайно недовольны отяжкой приговора и тем обстоятельством, что царская семья живет в Екатеринбурге, «как на даче», в отдельном доме, со всеми удобствами. Центральная московская власть не хотела сначала расстрелять царя, имея в виду использовать его и семью для торгов с Германией. В Москве думали, что, уступив Романовых Германии, можно будет получить какую-нибудь компенсацию. Особенно надеялись на возможность вытребовать уменьшение контрибуции в 300 млн рублей золотом, наложенных на Россию по Брестскому договору... Некоторые из членов Центрального комитета, в частности Ленин, возражал также и по принципиальным соображениям против расстрела людей... Но Уральский областной совет и Областной комитет коммунистической партии продолжали решительно требовать расстрела... Уральский областной комитет коммунистической партии поставил на обсуждение вопрос о расстреле и решил его в окончательном

духе еще с июня 1918 года. При этом ни один из членов Областного комитета партии не голосовал против расстрела. Постановление было вынесено о расстреле всей семьи, и ряду ответственных коммунистов было поручено провести утверждение в Москве, в Центральном комитете. В этом нам больше всего помогли в Москве два уральских товарища — Свердлов и Крестинский... Провести это постановление оказалось делом не легким, так как часть членов Центрального комитета продолжали держаться той точки зрения, что Романовы представляют чересчур большой козырь в наших руках для игры с Германией. Уральцам пришлось прибегнуть тогда к сильно действующему средству. Они заявили, что не ручаются за целостность семьи Романовых и за то, что чехи не освободят их в случае дальнейшего продвижения на Урал. Последний аргумент подействовал сильнее всего... Судьба царя была решена и судьба его семейства... Центральный комитет партии... предупредил Екатеринбург о необходимости скрыть факт расстрела членов семьи...»

Теперь вроде бы весь список вдохновителей убийства выстроен в один ряд. Некоторые из них примут личное участие в расстреле и уничтожении трупов.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ 4 ДНЯ.

День семьдесят пятый

Суббота 13 июля (30 июня по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 2 минуты.

закат в 22 часа 9 минут,

долгота дня 17 часов 7 минут.

Церковь праздновала память Собора Славных и Всехвальных 12 апостолов.

Из политических событий — жестокое подавление красными восстаний в Ростове, Рыбинске и Муроме. Местный комиссар по продовольствию запретил торговлю обувью и коженными товарами на рынках города. В городе вспыхнул так называемый «бунт эвакуированных инвалидов» — доведенных до отчаяния людей. Он был подавлен арестами и расстрелами.

День был самый обычный, Николай II сделал в своем дневнике последнюю запись: «Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем».

Александра Федоровна тоже вся в заботах: «Кто-то сказал, что Нагорный и Седнев отправлены из этой губернии вместо того, чтобы вернуть их к нам. В 6½ Бэби принял первую ванну после Тобольска. Он ухитрился влезть и вылезть в одиночку, также сам взбирался на кровать и слезал с нее, но может стоять только на 1 ноге по-прежнему... Слышала три револьверных выстрела в ночи».

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ ТРИ ДНЯ.

День семьдесят шестой

Воскресенье 14 июля (1 июля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 3 минуты,

закат в 22 часа 8 минут,

долгота дня 17 часов 5 минут.

Церковь отмечала 3-ю неделю по Пятидесятнице.

Из политических событий можно упомянуть подавление красными восстания в Нижнем Новгороде. В местных газетах опубликовано извещение о наборе в караульную команду для несения службы в гарнизоне. В Летнем саду идет «Лес», а в латышском рабочем клубе — «Спаре» и «Поток» (на родном языке). В 2 часа дня прошли рысистые испытания на ипподроме. В 6 часов вечера состоялся футбольный матч. Помешены два объявления о разводе.

В этот день последний, пятый, раз в дом Ипатьева приходили священники для богослужения. Один из них, все тот же Сторожев, в своих показаниях Н. Соколову рассказывал: «Часов в 8 утра 1 (14 июля) кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отпереть. Оказалось явился опять тот же солдат, который в первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева... Едва мы переступили через калитки, как я

заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский... Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть... Впереди за аркой уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в курточку, как мне показалось с матросским воротником... Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу в угнетенном духе, но все же производили впечатление как бы утомленных...»

Что же случилось за сутки? Еще вчера Николай II сделал запись человека, который ничем не расстроен, разве что отсутствием известий извне. Или, может, за это время еще что-то произошло?

Дальнейшее повествование отца Сторожева еще более настораживает: «...по чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз диакон вместо прочтения запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены семьи Романовых опустили на колени...»

Нет пока объяснения произошедшему. Грубое нарушение устава службы привело к тому, что, образно выражаясь, диакон отпевал живых. Не был ли это сигнал об их обреченности? Вряд ли, ибо у нас есть еще одна запись в дневнике Александры Федоровны, сделанная накануне убийства. Ничего не предвещало в ее словах, что роковая развязка наступит через несколько часов.

Далее священник Сторожев еще сообщает интересные сведения: «Молча мы дошли с о. Диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг диакон сказал мне: «Знаете, отец протоиерей, у них там что-то случилось... Они все какие-то другие, точно, даже и не поет никто». А надо сказать, что за богослужение 1 (14) июля впервые никто из семьи Романовых не пел вместе с нами». Эту подавленность израильский исследователь М. Хейфец объясняет отсутствием писем извне, но ведь Романовы уже давно ничего не получали.

Удивительно другое: почему отец протоиерей не задал вопрос диакону о нарушении устава? Почему диакон стал отпевать живых? Не мог Сторожев не сказать об этом, а вот не сказал!

Механизм убийства между тем набирал обороты. М. Дитерихс пишет, что именно в этих числах в комнате № 3 «Американской гостиницы», где размещалась чрезвычайка, состоялось совещание, на котором присутствовали Голошкекин, Юровский, Чужаев, Белобородов, Ермаков, Лукоянов, Сахаров, Горин. Председательствовал сам комендант Дома особого назначения. Здесь окончательно распределяли роли и порядок осуществления всей акции, о чем был составлен подробный документ: «Рабоче-крестьянское правительство Российской Федеративной республики Советов, Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Президиум. Весьма секретно. Протокол заседания Областного исполнительного комитета коммунистической партии Урала и Военно-революционного Комитета. Участвовали все члены. Обсуждался вопрос ликвидации бывшей царской семьи Романовых.

По предложению военного комиссара, а также председателя Военно-революционного комитета собрание единогласно постановило ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью, а также находящихся при нем служащих. Далее постановлено привести настоящее решение в исполнение не позднее 18 июля 1918 года, причем ответственность за выполнение поручить тов. Юровскому Я.— члену Чрезвычайной Комиссии. Председатель исполкома Белобородов, военком Голошкекин (в рапорте так!) — Г. З.), нач. штаба Мебиус. Екатеринбург 14 июля 1918 г. 20 ч. ночи». Постановление завершено двумя печатями! Сын чекиста М. Медведева впоследствии поведал Э. Радзинскому, кто в кого стреляет, что на том совещании поделили персонально: Ермаков в царя, Юровский в царицу, Никулин в Алексея, Медведев в Марию Николаевну. Откуда это он мог знать, ведь его отца даже на совещании и не было! Такого рода «мемуары» из третьих рук всегда грешат неточностями.

Майер дает некоторые разъяснения: «Заседание Революционного трибунала состоялось в 10 часов вечера 14 июля. Сначала говорил начальник штаба Мальцев о

военном положении. Не было никакого сомнения, что город нельзя было удержать больше чем десять дней. После этого поднялся Голощекин и сделал доклад о своей поездке в Москву. Он имел разговор по делу Романовых с председателем ВЦИКа товарищем Свердловым. ВЦИК не желает, чтобы царь и его семья были доставлены в Москву. Уральский совет и местный революционный штаб должны сами решить, что с ними делать».

Вот так точно названо время вынесения приговора и названы поименно все те, кто причастен к приговору. После этого ипатьевская трагедия вступила в завершающую фазу.

Позже субинспектор уголовного розыска М. Талашманов в своем рапорте напишет: «Числа около 15 июля с. г. в одно из воскресений (а это падает именно на этот день.— Г. З.) в лесу была компания гулявших, которая состояла из нижепоименованных лиц: 1) военный комиссар Голощекин, 2) его помощник Анучин, 3) жилищный комиссар Жилинский, 4) Уфимцев, 5) Броницкий, 6) Сафаров, 7) Желтов и 8) фамилию установить не представилось возможным. Все были с девицами. Будучи в веселом настроении, горячо обсуждали вопрос, как поступить с бывш. Государем Императором и его семьей. Причем Голощекин и Анучин, Жилинский и Сафаров категорически заявили, что нужно все семейство расстрелять. Другие же, как-то Уфимцев, Броницкий, Желтов и фамилию которого установить не удалось, шли против и высказывались, что Царя убивать не надо и его не за что, а нужно расстрелять Царицу, так как во всем виновата она».

Вот так, сначала по деловому обсудили в чрезвычайке, а потом на природе с выпивкой и закуской обсудили вопрос со своими приятельницами и между делом осмотрели местность.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ ДВА ДНЯ.

День семьдесят седьмой

Понедельник 15 июля (2 июля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 4 минуты,

закат в 22 часа 7 минут,

долгота дня 17 часов 3 минуты.

У церкви началась Четвертая Седмица по Пятидесятнице.

Из политических событий: в тот день Германия потребовала ввести в Москву вооруженный отряд. Новым комендантом Екатеринбурга назначен Юсупов.

Узники были еще живы, так как две женщины видели их при уборке дома. Одна из них — Стародумова позже давала показания Н. Соколову: «Если не ошибаюсь, в понедельник 15 июля с. г. от союза послали четверых женщин мыть полы в доме, где жил Государь с семьей... Нас провели во двор и по лестнице, ведущей из нижнего этажа в верхний, нас пропустили в верхний этаж, где жил царь со своей семьей. Я молча мыла полы почти во всех комнатах, отведенных для царской семьи, в помещении коменданта мы полов не мыли. При нашем появлении Государь, Государыня и все дети были в столовой... Княжны помогли нам убирать и передвигать в их спальне постели и весело между собой разговаривали. Мы сами ни с кем из царской семьи не разговаривали; почти все время за нами присматривал комендант Юровский. Я видела, что он сидел в столовой и разговаривал с наследником, справляясь об его здоровье». То же самое подтвердила и другая уборщица — Дерягина: «Я также мыла полы в доме Ипатьева вместе с Марией Стародумовой и другими женщинами. Было это, насколько помню, в понедельник 15 июля с. г., в дом нас провел разводящий Павел Медведев. В доме я видела Государя, Государыню, наследника, четырех княжен, доктора и какого-то старичка. Наследник сидел в кресле-каталке, княжны были веселы и помогали нам переставлять в их комнате постели».

Интересно отметить, что еще два дня назад все были подавлены, а теперь, когда жить осталось чуть более суток, — узники веселы! Может, священнослужители сгустили краски? Сохранилась дневниковая запись Александры Федоровны за этот день: «Завтракали на кушетке

в большой комнате, так как женщины пришли мыть полы, затем снова легла в кровати и читала с Марией И. Сирах. 26—31. ...Слышала отзвуки артиллерийского выстрела ночью и несколько револьверных выстрелов».

В тот же день приходили в дом Ипатьева две послушницы Ново-Тихвинского женского монастыря. Одна из них — Антонина позже сообщала в своих показаниях: «15 июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока. И яйца велел упаковать в корзину. Записку тут же он дал какой-то из княжен, чтобы ниток доставить, мы все это во вторник доставили». Это уже пошло на харчи убийцам, и следовательно найдет скорлупу от этих яиц около Ганиной Ямы.

ДО УБИЙСТВА ОСТАВАЛОСЬ ЧУТЬ БОЛЕЕ СУТОК.

День семьдесят восьмой

Вторник 16 июля (3 июля по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 5 минут,
заход в 22 часа 5 минут,
долгота дня 17 часов.

Церковь отмечала перенесения в 1652 году мощей святого Филатта митрополита Московского, благочестивых князей Василия и Константина Ярославских и блаженного Иоанна, Христа ради юродивого Московского.

В местных газетах жилищный комиссар Жилинский предупреждал читателей, что есть жулики, осматривающие квартиры без документов, а комендант города призывал обитателей выдавать лиц, уклоняющихся от трудовой повинности. В городе закрыли польский клуб, и идет срочная регистрация всех военнопленных, отменяются увольнения. В ночь на этот день у гостиницы «Пале-Рояль» из-за неосторожности взорвалась граната. В Летнем саду шли «Осенние скрипки» — начало спектакля в 8 $\frac{1}{2}$ вечера, и сад открыт до 1 $\frac{1}{2}$ часов ночи. Это совпадает с кульминационными часами нашего повествования об этом дне.

Обыватель живет своей жизнью, не подозревая, какая трагедия разворачивается за стенами ДОНа. По адресу Обсерваторская улица, № 109 кто-то продает собаку породы пой-нгер, самку.

День, казалось, прошел спокойно. Об этом свидетельствует последняя запись в дневнике Александры Федоровны: «3/16 июля. Вторник. Серое утро, позднее вышло милое солнышко. Бэби слегка простужен. Все ушли на полчаса на прогулку, осталась Ольга и я. Готовили лекарства. Татьяна читала духовное чтение, затем они ушли. Татьяна осталась со мной, и мы читали книгу пророка Авдия. Потом болтали. Как обычно, комиссар пришел в наши комнаты, и наконец, после целой недели, принесли яйца для Бэби. В 8 ужин. Внезапно вызвали Седнева повидаться с его дядей, и он исчез. Очень удивлюсь, если это правда и мы увидим его вновь... Играли в безик с Николаем. 10 с половиной пошли спать...»

Ничего вроде бы не предвещало того, что трагедия уже на пороге. Мальчика Седнева отправили «на встречу» с дядей. Откуда знать Александре Федоровне, что дядя Седнева расстрелян еще в конце мая. А монастырские яйца для Алексея! Откуда знать бывшей царице, что в этот же вечер из Екатеринбурга в Москву через Петроград пошла телеграмма: «Москва. Ленину. Принято 16.7.1918 в 21 час 22 минуты из Петрограда Смольного. 14228. Москву Свердлову. Копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что установленного с Филиппом суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров. Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом.

Зиновьев».

Заметьте, что, уже когда механизм был на последнем витке, уральские большевики еще раз запрашивают благословение своих вождей, ибо Филипп — это партийная кличка Голощекина, того самого, который только что ездил в Москву утрясать все детали расправы и жил на квартире у самого Свердлова. Обратите внимание на время получения телеграммы в Москве — на Урале уже выводили приговоренных на казнь, а не ждали разрешения. Эта телеграмма заранее была обречена на безответность.

Юровский позже утверждал: что «16.7. была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых». Эта телеграмма пока не найдена. Дальше в своей записке Юровский утверж-

дает: «16-го в шесть вечера Филипп Голошекин предписал привести приказ в исполнение». Так что приказ был отдан, когда телеграмму еще носили по коридорам Смольного.

П. Ермаков в своих воспоминаниях утверждает другое: «Когда я доложил Белобородову, что могу выполнить, то он сказал, сделать так, чтобы были все расстреляны, мы это решили, дальше я в рассуждения не вступал, стал выполнять так, как это нужно было, получил постановление 16 июля в 8 часов вечера...» Так что вот уже здесь начинаются разночтения. Скорее всего, что Ермаков лжет — приказ должен был получить Юровский, по штату это было положено ему. Да и свидетельство охранника П. Медведова: «Еще утром в этот день Юровский... ему сказал: «Сегодня, Медведов, мы будем расстреливать семейство все» и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожились».

Далее началась уже непосредственная подготовка убийства, и ее можно проследить по часам.

Пять часов

Крестьянин Волокитин из Коптяков: «...Я опять шел домой по той же дороге и опять встретил легковой автомобиль. В автомобиле сидело несколько человек. Среди них, я это хорошо разглядел, был опять Юровский». М. Дитерих утверждает, что в этой поездке кроме этого участвовали Голошекин, а возможно, и Белобородов. Шла последняя проверка места, где предполагалось уничтожить трупы.

Шесть часов

Юровский: «...В шесть часов увезли мальчика [Л. Седнева], что очень беспокоило Р[омановых] и их людей. Приходил д[окто]р Боткин спросить, чем это вызвано. Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом сбежал, теперь вернулся и хочет видеть племянника. Мальчик на следующий день был отправлен на родину (кажется в Тульскую губернию)». Войков позже утверждал, что это было сделано по его настоянию. В этот час Юровский получил от Белобородова официальное распоряжение о расстреле.

Семь часов

Охранник П. Медведев: «...Под вечер, часов в 7, Юровский приказал ему, Медведеву, собрать у всех караульных стоящих на постах при охране дома, револьверы. Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы «наган». Собрав револьверы, он доставил их коменданту в канцелярию дома и положил на стол».

Примерно в это время ушла телеграмма, которую мы приводили выше, через Петроград — Ленину.

Восемь часов

Узники ужинают, а в это время убийцы уже собираются в стаю. П. Ермаков: «...8 часов вечера сам прибыл с товарищами Медведевым и др. латышем, который служил в моем отряде, в карательном отделе». В здании чрезвычайки все готово. Этот «др. латыш» нам тоже известен: Ян Мартынович Свикке-Родионов. В 1964 году он утверждал, что именно он, а не Юровский, был главным ответственным лицом за расстрел Романовых и что это поручение он получил лично от Ленина. С Ермаковым должен был прибыть и его первый помощник матрос Степан Ваганов. Один из свидетелей на следствии назвал его «хулиганом и бродягой добрым». «Краса и гордость революции», как именует его Н. Соколов. не успел уйти с красными и спрятался в погребе дома около Верх-Исетского завода, где проживал. Там его и нашли соседские заводские рабочие и забили на месте за все его зверства. А пока что он с оружием в руках пришел участвовать в убийстве.

Девять часов

Очевидно, в это время Николай II и Александра Федорвна сели играть в безик.

Девять часов тридцать минут

Узники дома Ипатьева отходят в свой последний земной сон. Верхний этаж затихает, гаснут огни.

Дальше в воспоминаниях идет страшный разницей во времени.

Когда пришли будить приговоренных к смерти? В одном случае подводит память, в другом то, что недели за две до этого перевели часы на летнее время. Свидетельствуют лишь непосредственные участники. П. Ермаков: «В 11 часов было предложено Романовым, их близким спуститься в нижний этаж».

П. Быков: «Около 12 часов ночи того же дня им было предложено одеться и сойти в нижние комнаты».

Я. Юровский: «Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в $\frac{1}{2}$ второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение». Охранник Якимов: «В скором времени... в первом часу ночи, считая по старому времени, или в третьем часу по новому времени, которое большевики перевели тогда на два часа вперед».

Павел Медведев потом говорил жене, что он послал будить узников охранника К. Добрынина «часа в 2».

Наиболее точен Юровский — он это запомнил. П. Ермаков приподнялся и, судя по действиям, был в сильном подпитии, следовательно, и веры ему меньше. А Юровский продолжает: «Тем временем были сделаны все приготовления, отобрано 12 человек (в т. ч. шесть латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение, 2 из латышей отказались стрелять в девиц».

И. Мейер (хотя к его свидетельству следует относиться осторожно) перечисляет этих людей: Я. Юровский, Г. Никулин, Ваганов, П. Ермаков и 8 венгров: Андреас Вергази, Ласло Горват, Виктор Гринфельд, Имре Надь, Эмиль Фекете, Ансельм Фишер, Изидор Эдельштейн. Р. Вильтон утверждает, что Юровский разговаривал с ними на немецком — единственном языке, который он знал. Это не противоречит Мейеру, ибо все это были австрийские военнопленные и немецкий наверняка знали. Неизвестно, откуда возникло мнение, что перечисленный среди них Имре Надь и известный венгерский государственный деятель одно и то же лицо. Для венгров фамилия Надь — это примерно то же, что для русских «Иванов».

Казалось, все совпадает, если считать, что Я. Юровский сам вошел в эту дюжину. С. Медведев, другой

охранник, говорил, что расстреливающих было 11: «Юровский, его помощник (Г. Никулин. — Г. 3.), два члена чрезвычайной комиссии и семь человек латышей». И. Мейер утверждает: что там же был и Войков. Это подтверждается С. Мельгуновым: «Войков явился к дому Ипатьева вместе с председателем чрезвычайной комиссии Екатеринбургa. Юровский доложил им, что царская семья и все остальные уже разбужены и приглашены сойти вниз в полуподвальную комнату. Царское семейство сошло вниз в 2 часа 45 минут (Войков смотрел на свои часы). Юровский, Войков, председатель екатеринбургской чеки расположились у дверей... члены царской семьи имели спокойный вид». Фамилия этого анонимного председателя местной ЧК почему-то в большинстве исследований не упоминается. хотя имя его известно — Федор Иванович Лукоянов. Многие из современников действительно не знали его по фамилии: ни один из охранников даже не называет ее. «Серому кардиналу» в тот год было 24 года, он вышел из порядочной чиновничьей семьи и даже учился в Московском университете. В самом начале 1918 года он вдруг становится председателем Пермской ЧК, а в июне — председателем Уральской областной ЧК. Э. Радзинский приписывает ему тайную слежку за Романовыми еще в Тюмени, но это бездоказательно. Его мало кто знал, ибо в Екатеринбурге он был человеком новым. Верно то, что последующее психическое заболевание Лукоянова, начавшееся через год, вполне можно связать с теми ужасами, одним из авторов которых он был сам.

И. Мейеру можно верить вот в чем: он знал этих людей лично, так как был доверенным международной бригады при Уральском военном округе. Эти сведения подтверждает А. Киселев: «Выполнение постановления поручалось Юровскому, коменданту Ипатьевского дома. При выполнении должен был присутствовать в качестве делегата областного комитета Войков». Так что, может, он и не стрелял, а только присутствовал. Но там же в этой группе был Окулов, Стрекотин и еще несколько человек, и все были вооружены.

М. Дитерихс утверждает: «Около 12 часов в дом Ипатьева приехали: Исаак Голошкеин, Белобородов, Петр Ермаков, Александр Костоусов и, по-видимому, матрос Хохряков. К этому времени из состава постоянной охраны в доме находились: Янкель Юровский, его помощник

Никулин, начальник охранного отряда Павел Медведев, разводящий Анатолий Якимов и 10 «латышей» из чрезвычайки». И далее он указывает конкретно фамилии: «Из русских палачей известна лишь фамилия Кабанов, из нерусских 5, известны три имени латышей: Лякс, мадьяр Вархат и Рудольф Ласпер, возможно, латыш Берзин».

Мемуары А. Кабанова были опубликованы в 1992 году в газете «Труд». В них он категорически отрицает свое участие в расстреле, утверждая, что в это время был у пулемета на чердаке дома. Время наступило другое, и в это время хвастаться царубийством было не резон.

Есть еще с дюжину имен, которые упоминаются разными авторами среди тех 11. Вот такой разнобой.

Одиннадцать часов

Начинается финал ипатьевской трагедии. Обратимся к главному исполнителю Я. Юровскому: «Разбудили Боткина, а он всех. Объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Р[оманов]ых из верхнего этажа в нижний. Одевались $\frac{1}{2}$ часа. Внизу была выбрана комната с деревянной отштукатуренной перегородкой, из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р-ы ни в чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично и свел по лестнице в нижнюю комнату. Николай нес на руках А[лексе]я, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи».

П. Ермаков рассказывает об этом же эпизоде, как будто Юровского и не было: «В 11 часов было предложено Романовым, их близким спуститься в нижний этаж, на это предложение был вопрос: для чего. Я сказал, что вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность. Как вещи спросили? Я сказал: ваши вещи мы заберем и выдадим на руки. Они согласились, сошли вниз...»

Существует мнение, что всех затворников вызвали вниз якобы для фотографирования. Этот вариант мало-приемлем, ибо какое фотографирование в 12 часов ночи!

А. Стрекотин, один из бойцов внутренней охраны, имевший кличку «Сорока», стоявший в ту ночь на посту у пулемета, дает более обстоятельные сведения: «Вскоре

вниз спустился с Медведевым Окулов и еще кто-то не помню. Зашли в одну из комнат и вскоре ушли обратно. Но вот вниз спускалась неизвестная для меня группа людей, человек 6—7. Окулов ввел их в ту комнату, в которой только что был перед этим. Теперь я окончательно убедился, что готовится расстрел, но я еще не мог представить — когда, где и кто будет исполнителями. Вверху слышались электровонки, потом шорох ходьбы людей (звонками будили царскую семью). Наконец слышу шаги людей, вниз спускалась вся семья Романовых и их приближенных. Тут же идут Юровский, Окулов, Медведев и Ермаков... Все арестованные были одеты по обыкновению чисто и нарядно. Царь на руках несет своего сына-дегенерата царевича Алексея. Царевна дочь Анастасия несет на руках маленькую курносую собачку, экс-императрица под ручку со своей старшей дочерью — Ольгой. Надо заметить, что вниз арестованных повели под предлогом якобы безопасности, т. к. будто бы Екатеринбург будет осаждаться войсками белых генералов. Всех их провели в ту комнату, где немного раньше побывали Окулов с Медведевым, рядом с моим постом».

Другой охранник — П. Медведев: «Часов в 12 ночи комендант Юровский начал будить царскую семью. Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись и приблизительно через час времени все одиннадцать человек вышли из своих комнат. Все они на вид были спокойны и как будто никакой опасности не ожидали. Из верхнего этажа дома они спустились вниз по лестнице, ведущей из ограды дома. Сам Николай II на руках вынес сына Алексея. Спустившись вниз, они вошли в комнату, находившуюся в конце корпуса дома. Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки». По другим сведениям, будить Боткина посылали разводящего Костю Дубинина.

Итак, этот этап конца 78-го дня заключения можно восстановить точно, чуть ли не по минутам. Около 24 часов 16-го начали будить звонками, причем наверх поднялся сам Юровский, возможно, и Ермаков или кто-то из охранников. Там же были П. Медведев и Окулов. Члены Уральского совета ждали внизу в комнате рядом.

Точно установлен и порядок последнего шествия, что подтверждается ранней статьей П. Жильяра, опубликованной еще в декабре 1920 года. Юровский, Никулин, Николай II с Алексеем на руках, Анастасия с собачкой Джемми, далее Александра Федоровна под ручкой с Ольгой, Мария с Татьяной, доктор Боткин, Демидова с двумя подушками, Трупп и Харитонов. Сзади них, по свидетельству охранника Якимова, шли: «Медведев и латыши, т. е. те десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое были с винтовками».

Следователь Н. Соколов точно прочертил и путь этого скорбного шествия (в протоколе от 25 апреля 1919 года): из проходной комнаты верхнего этажа заключенные проследовали по лестнице, идущей из этой комнаты от уборной в сени нижнего этажа. Из них они проследовали через дверь во двор и отсюда в дверь, ведущую в сени, из которых проследовали к роковой комнате.

За окном начинались новые сутки — день убийства.

День убийства

Среда 17 июля (4 июля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 7 минут,

закат в 22 часа 4 минуты,

долгота дня 16 часов 57 минут.

Церковь отмечала память благородного князя Андрея Боголюбского.

Из политических событий того дня свершилось самое страшное — убийство екатеринбургских узников. Но люди этого не знали, и полуфронтовой город, охвачиваемый с трех сторон Сибирской армией, живет своими повседневными заботами. Заголовки местных газет безмятежны: «В коммуне «Труд и знание», «Драматические курсы», «В народном университете», «Конференция металлистов», «Преобразование горного института в политехникум». В Летнем саду идет «Бедность не порок», в Народном доме ВИЗа — «Лес» и «Кручина». В газетах пять объявлений о разводах.

Ночь часов

Началось размещение приговоренных. Эту операцию можно восстановить довольно точно.

А. Стрекотин: «Окулов вскоре вышел обратно, проходя мимо меня он сказал: «Для наследника понадобилось кресло, видимо, умереть он хочет в кресле. Ну что же, пожалуйста, принесем». Когда арестованные были введены в комнату. в это время группа людей, что раньше вошла в одну из комнат, направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты. Юровский короткими движениями показывает арестованным, куда и как нужно становиться и спокойно тихим голосом: «Пожалуйста, вы встаньте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд». Арестованные стояли в два ряда, в первом вся царская семья, во втором их лакеи, наследник сидел на стуле. Правофланговым в первом ряду стоял царь. В затылок ему стоял один из лакеев. Перед царем, лицом к лицу стоял Юровский — держа правую руку в карманах брюк, а в левой держа небольшой листок бумаги».

Сам Юровский об этом этапе рассказывал так: «Войдя в пустую комнату, А[лександра] Ф[едоровна] спросила: «Что же и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Ком[ендант] велел внести два стула. Николай посадил на один А[лексея], на другой села А[лександра] Ф[едоровна], остальным ком[ендант] велел встать в ряд. Когда встали, позвали команду».

П. Ермаков: «Они... сошли книзу, где для них были поставлены стулья вдоль стены, хорошо сохранились у меня в памяти: правого фланга сам Николай, Алексей, Александра, старшая дочь Татьяна, далее доктор Боткин, сел, потом фрейлина и дальше остальные».

Не вяжется опять что-то. Стула-то было два. На что сел тогда Боткин? Не иначе, как с чьих-то слов «вспоминал» Ермаков или уж сильно пьян был.

Охранник Якимов утверждал, правда из вторых рук, ссылаясь на своих коллег по отряду, что «они разместились так: наследник по правую руку от царя, а справа от наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т. е. царь, и наследник, и Боткин были лицом к двери. Сзади них у стены... стали царица с дочерьми... Царица с дочерьми

стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату... В одну сторону также в углу встала Демидова... В комнате вправо от входа в нее находился Юровский, слева от него как раз против двери из этой комнаты, где происходило убийство в прихожую... стоял Никулин. Рядом с ним в комнате стояла часть латышей и находилась и в самой двери. Сзади всех стоял Медведев».

П. Медведев, тот что «сзади всех стоял», свидетельствовал: «К этому времени в Дом особого назначения уже прибыли два члена Чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он узнал впоследствии, был Ермаков... а другой ему совсем неизвестный. Комендант Юровский, его помощник и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась царская семья. Из числа охраны находились внизу в моей комнате, где была царская семья, семь латышей, а остальные три латыша были тоже внизу, но в особой комнате. Револьверы были розданы Юровским уже по рукам и находились у семи латышей, бывших в комнате, двух членов следственной комиссии, самого Юровского и его помощников, всего было роздано по рукам одиннадцать револьверов, а один револьвер Юровский разрешил взять обратно, Медведеву, кроме того, у Юровского был при себе револьвер маузер. Таким образом в комнате внизу собралось всего 22 человека, 11 подлежащих расстрелу и 11 с оружием, которых он назвал. На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Николай II и его сын Алексей, остальные стояли на ногах около стенки, причем все время были спокойны».

Роковая комната полуподвального этажа описана в одном из протоколов работавшего до Соколова следователя И. Сергачева: «Дверь эта ведет в комнату, освещаемую одним окном с двойными рамами, заделанными железной решеткой. Окно выходит на загороженный высоким забором наружный дворик и обращено на юг (на Вознесенский переулок). Изнутри находится на высоте одного аршина и 7 вершков от пола, а снаружи на уровне земли. Длина подоконника равняется 2 аршинам 2 вершкам и ширина (глубина) 1 аршин 3 вершка. Длина комнаты 7 аршин 8 вершков и ширина 6 аршин 4 вершка. Пол окрашен желтой краской... Потолок сводчатый и опирается на четыре расположенные по углам комнаты каменные арки. Стены оклеены обоями желтого

цвета. Высота их 3 аршина 6 вершков. В противоположной от входа стене, в правой (считая при входе) ее стороне имеется примыкающая к арке южной стены двустворчатая дверь, окрашенная белой краской... Ширина двери 1 аршин $12\frac{1}{2}$ вершков, высота 2 аршина $11\frac{1}{2}$ вершков... Стена, в которой проделана описанная дверь, деревянная, оштукатуренная с обеих сторон. Ширина этой стены от косяка до левой арки 2 аршина $13\frac{1}{2}$ вершков...

Арочные столбы имеют прямоугольную форму. Ширина каждого столба (считая от линии, параллельной описанной стене) равняется 9 вершкам, а глубина (считая по линии перпендикулярной к той же стене) равняется $13\frac{1}{2}$ вершкам».

Таким образом, роковая комната, по замерам Сергея и принятым затем Соколовым, в метрической системе была 5,5 на 4,5 м, общей площадью в 25 м² (П. Жильяр дает несколько большие размеры: 8,5 на 6,5 общей площадью в 55 м²).

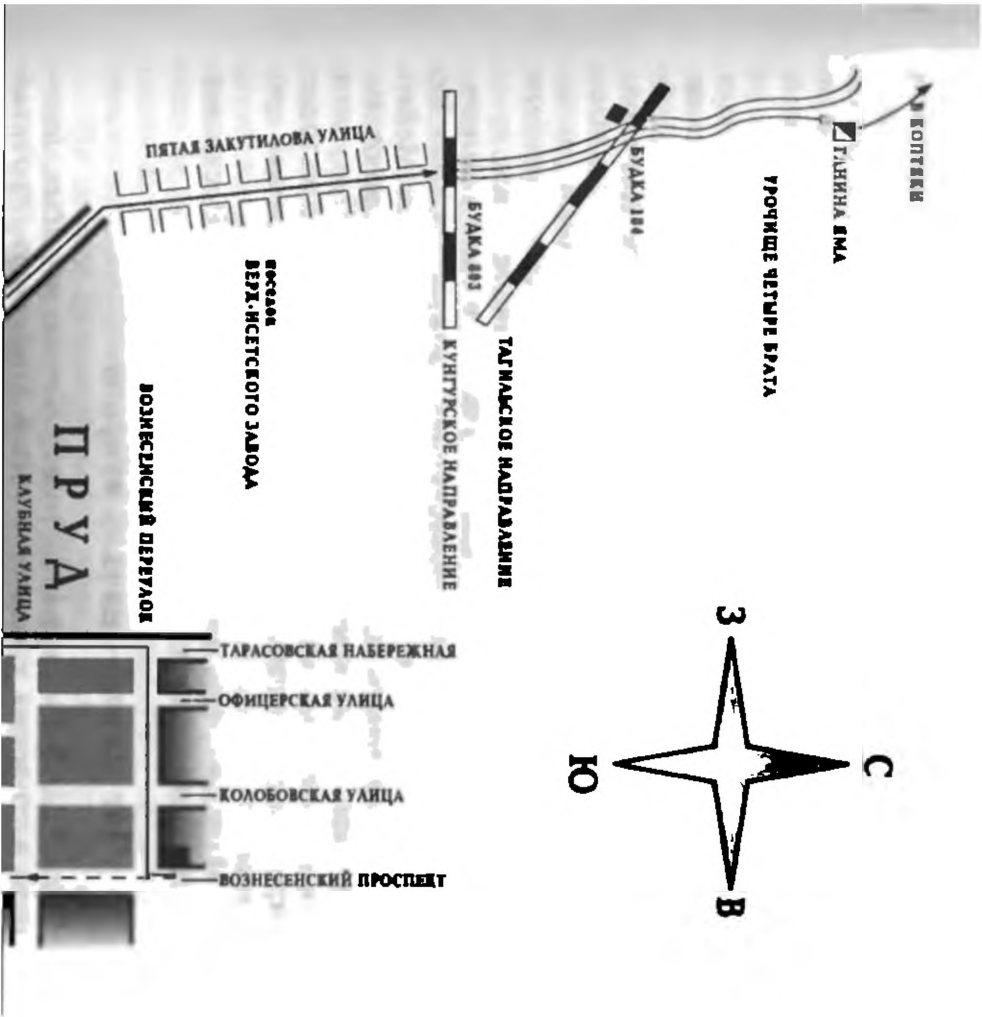
Следовательно, в восточной стене, в северной ее половине, была запечатанная дверь в угловую комнату, в которой раньше хранили цемент, а сейчас была сложена излишняя мебель. В южной стене было зарешеченное окно, а в северной стене находилась глухая арочка. С западной же стены находилась дверь, в которую все и входили. В общем, разместить всех в этой комнате можно было без труда, если только учесть, что свидетели, хотя и были мобилизованными, но в военных терминах были слабы. Правофланговый от двери должен стоять слева, а не справа. Так и построили всех в своей книге Саммерс и Мангольд. Однако если скрупулезно все сопоставить, то этого правофлангового (а им был Николай II) надо поместить справа от двери, у окна, и тогда вся схема вроде бы укладывается в единое целое. Это подтверждается и пулевыми отметинами в северо-восточном углу комнаты. Следовательно, стреляли от юго-западной части стены наискосок.

Итак, от левой, северной стены к правой, южной, если смотреть от дверей, слева направо в первом ряду разместились: Татьяна, Александра Федоровна (сидя), Боткин (конечно, стоя — не мог же он сидеть при стоящей Александре Федоровне), Алексей (сидя), Николай II (со слов П. Жильяра — на одном уровне с Алексеем).

----- РАНЕЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ МАРШРУТ
———— НАИБОЛЕЕ ДОСТОВЕРНЫЙ МАРШРУТ

**СХЕМА ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ВАРИАНТОВ ТРАНСПОРТИРОВКИ ТРУПОВ
ИЗ ДОМА ИПАТЬЕВА В УРЧИЩЕ ЧЕТЫРЕ БРАТА**

Очевидно, они не были на одной линии: Николай II вместе с Алексеем был чуть впереди (он оборачивался потом к своей жене), Боткин, Александра Федоровна и Татьяна — чуть отступая.

Во втором ряду, у стены, от северо-восточного угла, где арочка, до двери в угловую комнату стояли: в углу Демидова с двумя подушками, три великих княжны (порядок их не установлен). Затем, после закрытой двери в угловую комнату, в малом пространстве стояли слева направо Харигонов и Трупп (помните: он стоял в затылок Николаю II). Барбара Бернс, впрочем, без особых тому доказательств, утверждает, что Демидова одну из подушек подложила под спину Александре Федоровне, а вторую держала при себе, ибо в ней была запрятана шкатулка с царскими драгоценностями. О том, что Николай II держал на руках наследника, говорил и Авдеев, которого успел допросить ротмистр Соболев, однако сам Авдеев не был свидетелем расстрела и, очевидно, вспоминал с чьих-то слов.

Ясно, и как стояли палачи: справа у южной стенки, напротив Николая II, стоял Юровский. Левее его Никулин. Еще левее у северной стенки в ряд стояло четверо «латышей», а за ними еще трое. У дверей западной стенки кроме трех оставшихся «латышей» стояли Медведев, который, похоже, на время расстрела уходил. За ним, уже в прихожей, стоял любопытный Окулов, оставивший свой пост, и Стрекотин. Справа от двери у западной стенки стояли Ермаков, Ваганов, Войков, Голошкекин, Белобородов, Костоусов, Лукоянов и, возможно, Хохряков. У последнего опыта убийств тоже хватало, так что он вряд ли пропустил такой случай. Со слов сына одного их охранников, Хохряков был причастен к смерти епископа Гермогена и якобы хвалился: «А потом я вывез его на середину реки, и мы привязали чугунные колосники. Я столкнул его в реку. Сам видел, что он шел ко дну». Хохряков не доживет до победы социализма — ровно через месяц 17 августа 1918 года его убьют под станцией Крутиха. Для него суд свершится раньше всех остальных. Для многих других, стоящих у той стены, жизненный путь оборвется также насильственно. Войкова убьет в 1927 году Борис Каверда, Ваганов будет растерзан своими соседями через неделю. Белобородова расстреляют как «врага народа» в 1938 году, а Голошкекина с той же

формулировкой в 1941 году. (Кстати, это у Голощекина жил Троцкий после изгнания из кремлевской квартиры.) Лукоянов сойдет с ума. Лишь главные преступники Юровский, Никулин и Ермаков умрут естественной смертью, окруженные почетом и вниманием советской власти.

Израильский исследователь убийства Романовых М. Хейфец перечисляет 11 человек командного состава: Юровский, Павел Медведев, Медведев-Кудрин, Никулин, Ермаков, Партин, Костоусов, Леватных, Кривцов, Авдеев, Ваганов. Почему-то у него из списка исчез высший эшелон руководителей, а они тоже там были, хотя, скорее всего, и не стреляли. Зато появились те, кто был у Ганиной Ямы, но на расстреле не присутствовал.

Так или иначе, но густо получается в этой комнате, не 22 человека, как в официальной версии, а около 30! Там еще, если это правда, в прихожей толчется Мейер со своими товарищами. Сестра Костоусова утверждала, что член областной чрезвычайки Дмитрий Полушин хвастал ей, что он лично присутствовал при расстреле царского семейства. Вот вам и еще *присутствующие при убийстве!*

Итак, жертвы расставлены, палачи тоже. Наступает следующий эпизод.

Час ночи — начало второго

Версия П. Быкова в 1921 году: «Комендант дома, бывший в то время уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны — все они должны умереть. Неожиданное известие ошеломило осужденных, и лишь бывший царь успел сказать вопросительно: «Так нас куда не повезут?» В 1926 году тот же автор излагал это событие более лаконично: «Им было объявлено постановление Уральского областного совета, после чего тут же все 11 человек... были расстреляны».

Я. Юровский в своей записке излагает подробнее: «Когда вошла команда, ком[ендант] сказал Р[омановым], что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье с вопросом: «Что? Что?»

Ком[ендант] наскоро повторил и приказал команде готовиться». Заметили разницу: в постановлении Уралсовета нет ни слова о родственниках в Европе. Зачем Юровский придумывает? Он знал, что документ сохранился, но, очевидно, время требовало обвинить Европу — он это сделал.

П. Ермаков описывает это же событие так: «...Когда успокоились, тогда я вышел сказать своему шоферу: «Действуй!» Он знал, что надо делать, машина загудела, появились хлопки. Все это нужно было для того, чтобы не было звука слышно на воле. Все сидящие чего-то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекликались словами, Александра несколько слов не по-русски. Когда все было в порядке, тогда я коменданту дома в кабинете дал постановление исполнительного комитета Юровскому, то он усомнился, почему всех, но я ему сказал: «Надо всех, и разговаривать нам с вами нечего, время мало, пора приступать...» Потом комендант предложил всем встать. Все встали, но Алексей сидел на стуле, тогда стал читать приговор-постановление, где говорилось по постановлению исполнительного комитета расстрелять. Тогда у Николая вырвалась фраза: как нас никуда не повезут». Э. Радзинский, ссылаясь на того же Ермакова, утверждает, что последняя фраза Николая П была: «Вы не ведаете, что творите», однако в тексте воспоминаний ее нет.

Не давала Ермакову покоя слава Юровского — он считал себя главным и даже приписал себе резкий разговор с Юровским. Это в то время, как тут же рядом в комнате находилось не менее пяти высших чинов большевистской иерархии на Урале, а само постановление уполномочивало именно Юровского провести всю акцию. Горазд он был выдумывать, этот Ермаков!

А. Стрекотин тоже описал эту сцену: «...Юровский держал правую руку в карманах брюк, а в левой держал небольшой листок бумаги, потом он начал читать приговор: «Ввиду того, что чехословацкие банды угрожают красной столице Урала — Екатеринбург, ввиду того, что коронованный палач может избежать народного суда, президиум областного совета, выполняя волю революции, постановил: бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях перед народом — расстрелять! А потому ваша жизнь поконче-

на!» Но не успел он закончить последнего слова, как царь громко переспросил: «Как, я не понял! Прочитайте еще раз», Юровский читал вторично...»

Похоже, что Стрекотин прав: зачитывалось подлинное постановление, а там упоминался лишь один Николай II.

Б. Алферов обогащает эту сцену некоторыми деталями: «Подойдя к государю, Юровский сказал несколько слов, объяснив о предстоящем расстреле. Это было настолько неожиданно, что Государь, по-видимому, не сразу понял смысл сказанного. Он привстал со стула и изумленно спросил: «Что? Что?» Государыня и одна из Великих княжен успели перекреститься!»

Охранник Проскуряков, после рассказа П. Медведева: «Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу, Государь не дослушал и спросил Юровского: «Что?», а он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая револьвер: «Вот что!»

Тот самый «Пашка» — П. Медведев — тоже дал показания: «Юровский спустя несколько минут вышел к нам, Медведеву в соседнюю комнату и сказал ему: «Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, послушай выстрелы, слышны будут или нет». Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас услышал выстрел из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом, сказать Юровскому, что выстрелы слышны». Если в советское время все старались приписать себе роковые выстрелы, то на следствии у Н. Соколова все куда-то выходило и что-то делали другое, но только не стреляли. Об этом же говорила семь десятилетий спустя жена А. Стрекотина: «Он не стрелял!» В конце 1950-х годов написал свои мемуары А. Кабаков — человек, которого еще М. Дитерихс уверенно называл одним из убийц. Его описание хотя и лаконичное, но не противоречит тому, что вы прочитали только что.

Свою версию высказал Войков. Он уверял, что ему поручили прочитать приговор о расстреле и он добросовестно выучил текст, чтобы огласить его торжественно. Однако Юровский его опередил и взял инициативу в свои руки. Далее Войков утверждал, что когда все собрались в роковой комнате, то Николай II якобы подошел к Юровскому и спокойно сказал: «Вот мы и собрались, теперь что же будем делать?» Юровский начал читать приговор, после чего император повернулся в сторону семьи и произнес: «Что?»

Конец второго часа

Наступил следующий эпизод — сам расстрел.

Свидетель № 1 — Юровский: «Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано стрелять прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять отвернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все это длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Затем сразу же умерли А[лександра] Ф[едоровна] и люди Р[омановых] (всего было расстреляно 12 человек: Николай, А[лександра], Ф[едоровна] 4 дочери — Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, и д[октор] Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров, еще повар и фрейлина, фамилию которой ком[ендант] забыл)». Как это ни странно, тут несколько ошибок.

Во-первых, расстреляли 11, а не 12 человек. Во-вторых, не было повара Тихомирова, а был Харитонов. Что касается одиннадцатилетнего поваренка Седнева, то сам Юровский отослал его еще 11 июля в дом Попова. Наконец, не было никакой фрейлины, а была комнатная девушка Демидова. Негоже было видному чекисту запоминать такие детали!

Читаем его же «записки» дальше: «А[лексей], три его сестры, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком[енданта] т. к. целили прямо в сердце. Удивительно было то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыками, то штык не мог пробить корсаж. Благодаря этому вся процедура, считая проверку (щупание пульса и т. д.), взяла минут двадцать».

Мы уже цитировали тот фрагмент из воспоминаний А. Стрекотина, где Юровский после повторного чтения приговора «вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя». А вот, с его слов, что было дальше: «Сойкало несколько голосов. Царица и дочь Ольга пытались «осенить себя крестным знамением», но не успели. Одновременно с выстрелами Юровского раздалась выстрелы группы людей, специально вызванных для этого — царь «не выдержал» единственной пули нагана и с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек.

По лежавшим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет и затруднил дыхание. Стрельба была прекращена, были раскрыты двери полностью с тем, чтоб дым разошелся».

П. Ермаков это описывает, естественно, по-своему. После того, как Николай II задал свой вопрос Юровскому, события, по его версии, развивались так: «Ждать дальше было нельзя, я дал выстрел в него в упор. Он упал сразу, но и остальные также, в это время поднялся между ними плач, один другому бросались на шею, затем дали несколько залпов и все упали. Тогда я стал осматривать состояние, которые были еще живы, то я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две, а другим по несколько пуль».

Вот вам — второй претендент на титул «цареубийцы». Мало того, в декабре 1952 года он сдал в Свердловский краеведческий музей маузер № 161 474, из которого он якобы и убил Николая II.

Его опередили задолго до этого: в 1927 году два других участника расстрела Я. Юровский и П. Никулин сдали в Музей революции кольт № 71 905 и маузер № 167 177 со следующей запиской: «Из колта мною был наповал убит Николай, остальные патроны, имеющихся одной заряженной обоймы колта, а также заряженного маузера, ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов и странную живучесть наследника, на которого мой помощник израсходовал целую обойму патронов...» Войков тоже показывал Беседовскому маузер, из которого он стрелял в свои жертвы в тот день.

Были и еще претенденты. Так, например, некий С. Ремянников, содержащийся в январе 1919 года в пермской тюрьме, утверждал, что командир интернационального полка Оржиховский показывал ему револьвер системы «кольт», из которого якобы Хохряков убил Николая II. Сначала «постреливали», а потом хвастались! Позже всех, в 1964 году, в музей попал браунинг № 389 965, из которого, как утверждал сын охранника П. Медведева, был убит Николай II.

Вчитайтесь, как описывает события А. Кабанов: «В прихожей стояли руководители области. Товарищи, в том числе и я, стали стрелять. Разрядив свой наган по

приговоренным, я побежал на чердак и прилег к пулемету...» Вот так: прибежал, пристрелил несколько человек и вернулся назад на пост!

В следственных материалах Н. Соколова есть еще более жесткие детали: «Первыми были убиты бывший император и наследник. Остальные узники оказались ранеными. Их, как говорит Якимов, пришлось добивать прикладами и прикалывать штыками. Особенно много возились с фрейлиной... Она все металась, стараясь прикрыться подушкой. На теле ее мы насчитали 32 раны. Великая княжна Анастасия Николаевна упала в обморок, когда же ее стали осматривать, она дико завизжала, после чего ее убили штыками и прикладами. По словам Якимова, сцена убийства доктора была до того невероятно жестока, что он не выдержал: «Я несколько раз выходил на воздух, чтобы освежиться». Оказывается, этот тоже выходил!

Охранник Проскуряков, со слов П. Медведева: «Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две-три в Государя и в других лиц, когда они расстреливали... Когда всех расстреляли, Андрей Стрекотин, так он мне сам говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх». Вот вам еще один царевубийца.

Охранник Якимов, пересказывая рассказы своих коллег, сообщал: «Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерягин, как я помню, не говорили, чтобы стрелял Юровский... Никулин стрелял. Кроме Никулина стреляли некоторые из латышей... Вслед за первыми же выстрелами раздался... «женский визг», крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первый пал ... царь, за ним наследник. Демидова же невероятно металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была она приколота штыком одним или двумя русскими из чрезвычайки. Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали. Но из лиц царской семьи... называли одну Анастасию, как приколотую штыками».

Оказывается, в комнате были еще люди, раз Клещев и Дерябин видели расправу. Что за двое русских из чрезвычайки? Или, может, это те, что приехали в самом

начале, и мы их имена знаем? Может, это как раз те двое, что упоминал С. Медведев на допросе?

Почитайте, как этот эпизод звучит у Р. Мэсси: «По ... сигналу начали стрельбу. Александра успела лишь поднять руки в крестном знамении, как была убита одним выстрелом. Ольга, Татьяна и Мария, стоявшие позади матери, также получили точные выстрелы и умерли быстро. Боткин, Харитонов и Трупп пали под градом пуль. Комнатная девушка Демидова перенесла первый [залп], и чтобы не перезаряжать револьверы, палачи принесли из соседней комнаты винтовки и стали преследовать ее, чтобы добить штыками. Крича и мечась от стены к стене, как загнанное животное, она пыталась отбиваться подушкой. Наконец она упала, пронзенная штыками. Спаниелю Джеми размозжили голову прикладом. В комнате, полной дыма и запаха пороха, воцарилась тишина. Кровь ручьем текла по полу. Затем возникло движение и раздался тяжелый вздох. Алексей, лежа на полу, все еще в объятиях своего отца, слабо шевельнул рукой, сжимая китель отца. Один из палачей злобно пнул цесаревича тяжелым сапогом в голову. Подошел Юровский и дважды выстрелил в ухо мальчику. Как раз в этот момент Анастасия, которая сама была без сознания, очнулась и закричала. Со штыками и прикладами вся банда набросилась на нее. Через мгновение она также затихла. Все было кончено».

Конечно, Р. Мэсси не был сам свидетелем, он лишь пересказывал слова других и, конечно, допустил неточность. А вот П. Медведев, который якобы выходил в самый момент расстрела, застал финал: «Когда вошел в комнату, где находилась царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу, в разных положениях, около них была масса крови. причем кровь густая, «печенками», все, за исключением сына царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще два раза или три, при нем, Медведеве, выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал... У каждого было по несколько огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови». Вроде бы здесь Р. Мэсси отталкивается от этих показаний, но вот убийство Анастасии А. Стрекотин излагает по-другому: «Когда ложили одну из дочерей, она вскричала и закрыла

лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя при раскрытых дверях, выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, даже первые выстрелы были слышны на всех внутренних и наружных постах. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто оказался живым». Вот в то, что это сделал Ермаков, поверить можно.

Здесь надо сделать паузу и попытаться установить, а сколько же было выстрелов и из чего стреляли? Помните, Юровский говорил о нескольких секундах, а на весь расстрел вместе с достреливанием ушло не более 20 минут. Сколько же было выпущено пуль? Если верить Юровскому и другим свидетелям, то стрельба шла из револьверов системы «наган», т. е. семизарядных револьверов, и если все выстрелили по обойме, то было не менее 77 пуль. По данным Н. Соколова и Р. Вильтона, потом только из стен извлекли 17 пуль, да еще 6 из паркета. Сколько останков в телах? На этот вопрос сейчас можно частично ответить: при экспертизе девяти найденных останков в 1991 году было обнаружено еще 14 пуль. Следовательно, всего обнаружено 37 пуль, если предположить, что максимум 4—6 пуль находилось в остальных двух телах, то их общее количество не превышает 50. Следовательно, если 11 человек стреляли, то получается по 4—5 пуль на убийцу, если они стреляли равномерно. Это не так много, если поверить, что непрерывно стреляли десять секунд.

Интересен еще один момент с оружием. По официальной версии, все стреляли из револьверов типа «наган», хотя Юровский утверждал, что он стрелял из пистолета системы «кольт». Ермаков, Никулин и Войков уверяли, что они стреляли из маузера, а Медведев из кольта. Извлеченные из стен, пола и останков пули свидетельствуют о том, что одна из них выстрелена из пистолета системы «кольт», 5 из системы «браунинг», одна из пистолета неустановленной системы, одна предположительно из маузера, пять из неустановленной системы, а все остальные из револьверов системы «наган». Так что эти цифры тоже наводят на разные размышления. Оказывается, кольт Никулина стрелял лишь один раз, а на три маузера всего одна пуля.

Естественно, что эти выстрелы, несмотря на все старания, слышали в окрестных домах. Крестьянин

Буйвода, живший в соседнем доме Попова, позже показал: «Около 12 часов ночи я вышел во двор и подошел к навесу... Через некоторое время я услышал глухие залпы, их было 15, а затем отдельные выстрелы были не из винтовок произведены: было это после двух часов ночи: выстрелы шли от Ипатьевского дома и по звуку глухие, как бы произведены в подвале». Тот же А. Кабанов, который, постреляв из револьвера по узникам, вернувшись на свой чердачный пулеметный пост, вспоминал: «Несмотря на то, что сильно шумела заведенная автомашина, хорошо были слышны выстрелы и сильный лай 4 собак Николая Романова, находившихся при нем». Журналист Е. Каликин в ту ночь ночевал на веранде в полукилометре от Ипатьевского дома. В своих мемуарах он утверждает, что отчетливо слышал в ночной тиши шум автомобильного мотора, выстрелы, лай собак.

Кстати, из этих четырех собак в живых останется только спаниель Джой. Его фотография помещена в английском издании книги Э. Радзинского — она поражает каким-то трагическим выражением мордочки у бедной собачки.

Все тот же И. Мейер запомнил последующие действия Войкова: «Когда мы вошли Войков был занят обследованием расстрелянных, не остался ли кто-нибудь жив. Он поворачивал каждого на спину. У царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца. Было одиннадцать трупов». Охранник Филипп Проскуряков на следствии показывал другое: «Когда всех расстреляли, Александр Стрекотин, как он мне сам это говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх». Но, видно, все же часть этих вещей разворовали в этот момент или позже. Комендант «Американской гостиницы» Валентин Сахаров, который утверждал, что он был на том заседании, где решалась судьба Романовых, носил в 1919 году на пальце кольцо с бирюзой, которое, по его утверждению, он снял с пальца Анастасии Николаевны. Сам Войков в своей исповеди Беседовскому утверждал: «Почти одновременно начали стрелять все остальные, и расстреливаемые падали один за другим, за исключением горничной и дочерей царя. Дочери продолжали стоять, наполняя комнату ужасными воплями предсмертного отчаяния, причем пули отскакивали от них». Затем Юровский

и двое латышей подбежали к ним поближе и стали расстреливать в упор в голову. После этого он, Юровский, и двое латышей стали осматривать расстрелянных, пристреливая выживших или же протыкали их штыками. Войков не отрицает, что он стал снимать кольца с пальцев убитых, но, когда он притронулся к одной из великих княжен, повернув ее на спину, кровь хлынула изо рта и послышался при этом какой-то странный звук, отчего Войкову стало плохо, и он отошел к стене.

Внимательный читатель заметил, что, несмотря на все разночтения, участники убийства утверждают, что Николай II был убит наповал. Правда, А. Авдонин предполагает, что бывший император не был убит, а умер от разрыва сердца. Но это всего лишь предположение, ничем не доказанное.

Три часа ночи

Наступил последний этап действия в Ипатьевском доме.

Слово Юровскому: «Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, высланный сукном, чтобы не протекала кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить двух надежных товарищей для охраны групп, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному), под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.). Коменданту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и перевозка лежала на обязанности тов. Ермакова...» Напрасно Ермаков рвался в царевубийцы! Мало того, далее Юровский пишет о Ермакове совсем не лестно: «Он был должен приехать с автомобилем и был впущен по условному паролю «Трубочист». Опоздание автомобиля внушало коменданту сомнение в аккуратности Ермакова, и ком[ендант] решил проверить сам всю операцию до конца».

Сам Ермаков этот же эпизод описывает так: «...Когда были уже мертвы, то я дал распоряжение вытаскивать через нижний ход в автомобиль... и сложить. Так мы и сделали, всех покрыли брезентом... после расстрела все были уложены в грузовой автомобиль».

А. Стрекотин: «Принесли носилки, начали убирать

трупы, первым был унесен труп царя. Трупы выносили на грузовой автомобиль, находившийся во дворе». Именно здесь Ермаков заколол пришедшую в себя после обморока Анастасию.

И. Мейер: «Некоторые чекисты из стражи дома пришли по приказанию Юровского. Они гашили завернутые трупы по одному на улицу, куда приехал транспортный автомобиль. Медведев влез на грузовик и складывал умерших. Когда все лежали наверху, Якимов принес еще маленькую собачку, которую Великая Княжна Анастасия несла с собой. Он ее взял за задние лапы и бросил мертвое животное к трупам».

Охранник Якимов: «Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, которые их вели на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоящий за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж и наружным забором».

П. Медведев: «Юровский приказал ему привести несколько человек из охраны и перенести тела убитых в автомобиль. Он созвал более 10 человек из караульных... Сделали носилки из двух оглобель саней, стоявших во дворе под сараем, к ним привязал веревкой простыню, и таким образом перенесли все трупы на автомобиль. Со всех членов царской семьи, у кого были на руках, сняли когда они были еще в комнате, кольца, браслеты и двое золотых часов. Вещи тут же передали коменданту Юровскому... Трупы убитых были положены на автомобиле, на серое солдатское сукно и сверху прикрыты тем же сукном».

Здесь все сходится в общих чертах, разве только небольшая путаница с собачками, но это не столь важно. Речь идет о болонке Джемми — любимой собаке Анастасии. Другие собаки: спаниель, маленький бульдог и, очевидно, пекинес, нигде, кроме как в воспоминаниях А. Кабанова, не упоминаются.

Четвертый час

Было уже начало четвертого, когда перенесли все трупы. До рассвета оставалось совсем немного. Сторож

соседнего дома Цецегов рассказывал: «...Помню, что в ночь с 16 на 17 июля в 3 часа ночи я услышал звук автомобиля за перегородкой дома Ипатьева, где был заключен б. Государь император, затем слышал шум того же автомобиля, направлявшегося к Главному проспекту...»

Шофером этого четырехтонного «фиата» был рабочий Злоказовской фабрики С. Люханов, однако его показания о маршруте весьма скудны: «...Всех убитых увез на грузовом автомобиле в лес... кое-как вырвался: темно да пеньки на дороге». Охранник Якимов уточняет начальный этап маршрута: «Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые выходили на Вознесенский переулочок и далее вниз по Вознесенскому переулочку мимо дома Попова...» П. Медведев утверждал, что «на автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, одним из них был Ермаков, а второй — вышеописанных примет — ему неизвестный...» Вторым, очевидно, был Войков.

Маршрут движения в городе был один. Если поверить словам Якимова, то грузовик повернул вниз по Вознесенскому переулочку до Тарасовской набережной, иначе бы Цецегов и Якимов заметили, что он повернул налево по Колобовской улице. Доехав по Тарасовской набережной до Главного проспекта, машина повернула на запад и, пройдя Московскую заставу, пошла на поселок Верх-Исетского завода. О том, что проехали этот поселок, упоминает Ермаков — это была его родная вотчина. Затем переправились через реку Исеть по мосту у Пятой Закутиловой улицы и повернули на деревню Коптяки: «...Направился через ВИЗ, минуя урочище на 8 километре, где когда-то были разработки, и по направлению дороги Коптяки, где было место для зарыгтия трупов», — вспоминал Ермаков.

Четыре часа — начало пятого

Развертывание дальнейших событий проходило к северо-западу от Екатеринбурга на узком пространстве двух гужевых дорог, идущих из города в деревню Коптяки, что на южной оконечности Исетского озера. Тут уже целую неделю крестьянам встречались видные деятели областного совета, непосредственно связанные с расстрелом в Ипатьевском доме.

Рассвет должен был наступить вот-вот. Слово Ермакову: «...Я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной есть еще товарищи. Я вообще мало кому мог доверить это дело... и тем паче я отвечал за все, что я заранее решил их сжечь». Дальше в своих воспоминаниях Ермаков сваливает все в кучу: «Для этого приготовил серную кислоту и керосин. Все было устроено, но, не давая никому намека сразу, то я сказал: мы их спустим в шахту, и так решили». Ответственный за уничтожение трупов смешал здесь воедино все три ночи, а тем временем завершался остаток лишь первой ночи.

Я. Юровский в своей записке более обстоятелен: «Сначала предполагалось вести на автомобиле, а после известного места на лошадях (т. к. автомобиль дальше проехать не мог, местом выбранным была брошенная шахта). Проехав Верх-Исетский завод в верстах 5, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены Совета, исполкома и т. д.), которых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что ж вы нам их неживыми привезли?» Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых». Заметьте: очищали карманы — элита пролетарской власти — члены Советов!

И. Мейер тоже был там в этот день: «Когда мы приехали на нашей коляске, то горело несколько костров, вокруг которых сидели красноармейцы. Голошкеин, Белобородов, Войков и Юровский стояли в группе отдельно, недалеко от которой Ермаков спал около костра...»

Следовательно, Ермаков прибыл сюда раньше со своим страшным грузом, но хмель взял свое, и он свалился у костра. Все начальство от дома Ипатьева было вторым эшелоном, а И. Мейер, А. Мебиус и Макюванский — третьим. Сторож переезда № 184 Я. Любухин позже показывал: «Как-то ночью... во время сенокосов, когда я и семейные спали, я проснулся от шума автомобиля. Дело это было удивительным, потому что никогда раньше такого дела не бывало. Я в окно выглянул, вижу: идет по дороге к Коптякам грузовой автомобиль. Я не видел, что в нем было. Совсем я этого не заметил. Только заметил я, что сидело в нем человека четыре с вин-

товками, кажется, в солдатской одежде. Было это на рассвете... Тут день наступил, народ который ехал к Коптякам, возвращался назад и сказывал, что на Коптяки не пропускают».

Пять часов — начало шестого

Обратимся опять к Ермакову: «Тогда я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь, и так было сделано. Когда стали снимать с них платье, то у самой и дочери были найдены медальоны, в которых вставлена голова Распутина. Дальше под платьями на теле были особо приспособленные лифчики двойные, внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и простежено. Это было у самой и четырех дочерей, все по штукам передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было, я вообще не интересовался на месте, ибо было некогда. Одежду тут же сжег, а трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту. Она была неглубокая, около 6 саж., ибо все эти шахты я хорошо знаю, для того, чтоб можно было вытащить для дальнейшей операции с ними. Все это я проделал, чтобы скрыть от своих лишних, присутствовавших товарищей. Когда все это было кончено, то был уже полный рассвет, около четырех часов утра. Это место находилось в стороне от дороги, около трех верст. Когда же уехали все, то я остался в лесу. Об этом никто не знал...» Нет меры хвастовства у Ермакова, но все же, если отбросить шелуху самовозвеличивания, есть и рациональное зерно: трупы привезли на рассвете, раздели, обыскали, нашли драгоценности, спрятанные в нижнем белье женщин, и сбросили трупы в шахту глубиной примерно 15 метров, а одежду сожгли. Запомните: все это было в первую ночь!

От шести до десяти часов утра

Теперь уточним детали. Слово Юровскому: «Тут обнаружилось, что на Татьяне, Ольге и Анастасии были какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего

приготовлено не было, не было лопат и т. д. Так как машина застряла между двух деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбургa на шестнадцать с половиной верст и остановились в полутора верстах от деревни Коптяки. Это было в 6—7 утра. В лесу отыскивали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото). Глубина три с $\frac{1}{2}$ аршин (2,5 м.— Г. З.). В шахте было на аршин воды. Ком[ендант] распорядился раздеть трупы и разложить костер, чтобы все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отогнать всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями,— в отверстия видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза, ком[ендант] решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охрану нескольких человек и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На А[лександр]е Ф[едор]овне оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. Бриллианты тут же переписывались, их набралось около полпуда... Сложив все ценное в сумки, остальное найденное на трупах сожгли, а сами трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было отброшено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части. Но Р[оманов]ых не предполагалось оставить здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения».

Эта версия ближе к правде, хотя и тут есть неясности. Судя по всему, Ермаков из-за нетрезвого состояния не смог управиться с делом, и за это взялся сам Юровский. Первоначально решили хоронить здесь, не сжигая группов, а лишь одежду. Тела были уже достаточно расчленены и обезображены, с точки зрения убийц, чтобы их не опознали. Их и бросили в шахту. Для чего было забрасывать шахту гранатами, если знали, что завтра трупы будут перетаскивать снова? Здесь и было первоначально окончательное захоронение, но, посмотрев и оценив трезво содеянное, верхушка Уралсовета порешила, что такого захоронения недостаточно и надо

подумать что-то более основательное. Вот тогда и возникла идея, что это временное захоронение.

Процесс раздевания видел и И. Мейер со своими товарищами: «Ермаков был разбужен, и он с Войковым начали разворачивать мертвых из шинельного сукна и их раздевать, потом они внимательно обыскивали одежды. Юровский положил свою фуражку на землю и туда складывал все драгоценности, которые находились у мертвых. Действительно, царица и дочери имели большое количество драгоценностей на теле... Я стоял приблизительно в 30 шагах от них. Все мертвые были раздеты, за исключением наследника, у которого они, должно быть, не подозревали найти никаких драгоценностей. Мы стояли до тех пор, пока не столкнули мертвых в шахту». Заметим, что, по этой версии, драгоценностей было не так много, как всегда описывают, если они вместились в фуражку Юровского. Не полпуда же туда влезло! Также отметим, что костер был рядом с шахтой, так как тела тут же сваливали в ствол.

Еще одна интересная деталь. Некий Прокопий Кухтенков, заведующий хозяйством рабочего клуба Верх-Исетского завода, о котором М. Дитерихс красноречиво сказал: «Хитренькая, подленькая личность, дрожащая за свою жизнь», 18 или 19 июля подслушал тайный разговор, который вели в одной из комнат клуба С. Малышкин, П. Ермаков, А. Костоусов, В. Леватных, Н. Партин и А. Кравцов. А вели они разговор о расстреле царской семьи и первой ночи в урочище Четыре Брата. Кухтенков из подслушанного разговора понял, что Леватных, Партин и Костоусов принимали непосредственное участие в попытке уничтожения трупов и хвастались друг перед другом своими поступками. Так, Леватных между прочим сказал: «Когда мы пришли, они были еще теплые, я сам щупал царицу, и она была теплой... теперь и умереть не грешно, пощупал у царицы...» С моральными качествами у убийц было слабовато, если не сказать большего. Из этой компании Партина расстреляли белые войска в 1918 году, не зная, впрочем, что он имел отношение к екатеринбургской трагедии.

Далее: кому пришла первому мысль, что нужно использовать кислоту? Думается, что это озарение принадлежит Войкову. Он был здесь одним из самых грамотных — шесть классов мелитопольской гимназии, был

знаком с азами химии и ведал к тому же снабжением. На том и порешили: продолжить уничтожение в следующую ночь при помощи кислоты.

Одиннадцатый час утра

Этот день, 17 июля, был перенасыщен событиями. В самом его начале было совершено групповое зверское убийство. Затем последовала попытка уничтожения тел. Лишь к 10 часам утра закончились деяния той первой, страшной ночи и началась сразу же подготовка ко второй. Впереди был весь день и еще половина ночи, за время которых многое следовало сделать. День только начинался.

Обратимся вновь к Юровскому: «Кончив операцию и оставив охрану, комендант часов в 10—11 утра... поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова. Комендант рассказал им, что найдено, и выразил сожаление, что ему не позволили в свое время произвести у Романовых обыск. От Чуцкаева пред. горисполкома комендант узнал, что на 90-й версте по Московскому тракту имеются глубокие шахты, подходящие для погребения Романовых. Комендант отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины. Добрался до шахт уже пешком, нашел действительно три шахты, очень глубокие, заполненные водой, где и решили утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, являвшиеся неудобными свидетелями, то решено было, что одновременно с грузовиком, который привезет трупы, придет автомобиль с чекистами, которые под предлогом обыска арестуют всю публику. Обрато коменданту пришлось добираться захваченной по дороге паре. Задержавшие случайности продолжались и дальше. Отправившись с одним чекистом на место верхом, чтобы организовать все дело, комендант упал с лошади и сильно расшибся (а после упал и чекист). На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой».

День шел своим чередом, и началась работа над этим вариантом уничтожения трупов. Н. Соколов писал: «17 июля 1918 г. в аптекарский магазин «Русское обще-

ство в Екатеринбурге» (на Златоустовской улице.— Г. З.) явился служащий комиссариата снабжения Зимин и от имени областного комиссара Войкова предъявил управляющему Мещнеру письменное требование: «Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорки выдать с Вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего. Облкомиссар снабжения Войков». После возвращения из поездки Юровского решили, что этого количества кислоты мало и вновь послали в магазин. Н. Соколов: «В тот же день поздно вечером Зимин снова явился в магазин и предъявил второе требование Войкова: «Предлагаю выдать еще три кувшина японской серной кислоты предъявителю сего. Обл. комиссар снабжения Войков». В общем, всего взяли 11 пудов 4 фунта кислоты на сумму 196 рублей 50 копеек.

А в доме Ипатьева внешне шло все так же: сменялся караул, ходили разводящие. Пришли и послушницы из Ново-Тихвинского монастыря. Одна из них позже показывала: «В среду мы опять принесли четверть с молоком. Пришли мы, ждали-ждали, никто у нас не берет. Стали мы спрашивать часовых, где комендант. Нам отвечают, что комендант обедает. Мы говорим: «Какой обед в 7 часов». Ну, побегали-побегали, они говорят нам: «Идите! Больше не носите!» Так у нас и не взяли молоко».

У начальника гаража А. Леонова тоже было забот много: «17 июля комиссаром снабжения фронта Горбуновым было вообще потребовано 5 грузовых автомобилей, причем с одним, большим, произошла такая история: автомобиль этот, по указанию Горбунова, был подан к Американской гостинице, где квартировала чрезвычайная следственная комиссия. Там шоферу советского (советовского? — Г. З.) гаража приказали идти домой. Где побывал этот грузовик в ночь с 16-го на 17-е неизвестно, но 19-го, около 6 часов утра, грузовик был возвращен обратно с тем шофером, что заменил возле Американской гостиницы советского (советовского? — Г. З.) шофера. Грузовик этот был в крови и грязи, но заметно было, что его мыли: пол платформы был в трех местах пробит». Мы сейчас знаем, где был этот четырехтонный «фиат» — застрял без бензина у Ганиной Ямы.

Другой водитель — А. Елкин в тот день управлялся с легковым автомобилем. М. Дитерихс писал: «17 июля

он возил до середины дня Янкеля Юровского по городу: в Американскую гостиницу, где была чрезвычайка, на частную квартиру Янкеля Юровского по 1-й Береговой улице, № 6, а затем привез его в дом Ипатьева, откуда был отпущен».

В течение дня успели отправить очередную телеграмму: «Москва. Кремль. Секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой. Передайте Свердлову что все семейство постигла та же участь что и главу официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов».

Брюс Локкерт, английский агент в Москве, утверждал, что ему сообщил об убийстве Романовых в тот же день вечером Карахан, заместитель наркома иностранных дел. Н. Соколов ссылается еще на одну телеграмму в Москву, где указывалось, что «княжны были убиты при попытке к бегству», но другие исследователи — Э. Саммерс и Мангольд доказали, что это была фальшивка.

Приближался вечер. Я. Юровский: «Вернувшись, наконец, в город уже к 8 часам вечера начали добывать все необходимое — керосин, серную кислоту. Телеги с лошадьми без кучеров были взяты из тюрьмы. Рассчитывали выехать в 11 вечера, но инцидент с чекистом задержал, и к шахте с веревками, чтобы вытаскивать трупы и т. д. отправились в двенадцать с половиной с 17-го на 18-е».

Наступила вторая ночь.

Первый день после убийства

Четверг 18 июля (5 июля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 9 минут,

заход в 22 часа 3 минуты,

длгота дня 16 часов 54 минуты.

Церковь праздновала память преподобного Афанасия Афонского, обретение в 1422 году мощей преподобного Сергия игумена Радонежского.

В этот день финский сейм высказался за монархию, а из Екатеринбурга началось повальное бегство большевиков. Областной Совет публикует паническое обращение к горожанам: «Не будем скрывать от вас, что Екатеринбургу грозит удар от чехословацких банд». Это было написано в дни,

когда передовые части Сибирской армии уже подошли вплотную к Екатеринбургу.

Начнем со свидетельств Ермакова: «С 17-го на 18 июля я снова прибыл в лес. Принес веревку. Меня опустили в шахту. Я стал каждого по отдельности привязывать, а двое ребят вытаскивали. Все трупы были достаты из шахты для того, чтобы покончить с Романовыми и чтобы ихние друзья не думали создать святых мощей. Когда всех вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезти от шахты в сторону. Разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой. Трупы горели до пепла, и пепел был зарыт. Все трупы при помощи серной кислоты и керосина были сожжены... Все это проходит в 12 часов ночи с 17 по 18 июля 1918 года Восемнадцатого я доложил в исполком».

Попытаемся разобраться. Сначала извлекли трупы и перевезли на новое место на двуколках (заметьте: извлекли из Ганиной Ямы и перевезли!). Затем на новом месте, южнее Ганиной Ямы, разложили костры. Остатки этих костров видели и Н. Соколов, и М. Дитерихс. Керосин потребовался для их разжигания, а трупы облили кислотой (которую еще и не получили!). По Ермакову, закончился весь процесс в две ночи. Потрудился бы он узнать, что нельзя было в тех условиях уничтожить трупы подобным образом ни кислотой, ни кострами. Следственный опыт, проведенный в 90-х годах, показал всю несуразность этого заявления. Так что версия эта верна лишь в том, что трупы вытащили из Ганиной Ямы и перенесли на другое место для уничтожения по второму варианту с помощью кислоты и бензина, которые привезут лишь к исходу суток.

Когда же появились керосин и кислота? Ее должен был привезти Юровский. Этот привоз заметил сторож на железной дороге В. Любухин: «18 июля утром часов в 7 прошел времянкай из Екатеринбурга грузовой автомобиль и пошел по Коптяковской дороге, но саженьях в 150 от нашего переезда он остановился. Что именно на нем было, я хорошо не заметил. Показалось мне, что на нем были бочки или ящики. После обеда еще один грузовой автомобиль прошел и на том же месте остановился. Тут я хорошо заметил, что в этом автомобиле в железных

бочках бензин везут». Следовательно, уже все три автомобиля прошли в урочище Четыре Брата. Два остановились вблизи переезда, а третий оставался там все три ночи. Но был еще легковой автомобиль. Сторожиха переезда № 803 Е. Привалова: «В этот день (18 июля) прошел к Коптякам легковой автомобиль. На нем сидело три или четыре человека, из них я разглядела одного Голошекина».

М. Дитерихс уточняет: «18 июля в первой половине дня в Коптеловский лес приходили два грузовых автомобиля; один привез запас бензина для того грузовика, который застрял у Ганиной Ямы, и бочку пудов в 10—12 керосина; другой грузовик еще с чем-то три бочки. Оба грузовика были задержаны на красноармейской заставе к северу от будки № 184, и груз с них дальше возили на ермаковских телегах, или коробках, так их называют местные жители. Во второй половине дня того же 18 июля в Коптяковский лес приехали Исаак Голошекин и Янкель Юровский. Исаак Голошекин приехал на легковом автомобиле еще с двумя какими-то лицами из «чрезвычайки», но автомобиль оставили у будки № 184, а дальше ушел со своими спутниками пешком. Очень поздно вечером вернулись из леса назад к будке № 184 и уехали в легковом автомобиле в город, за ними же уехал в город и один их грузовиков, пришедших днем. Исаак Голошекин остался на ночь в лесу».

Следовательно, в половине четвертого выехал на место сам Юровский: «Возникла мысль: часть трупов похоронить тут же у шахты. Стали копать яму, почти выкопали, но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин, и выяснилось, что он мог видеть яму. Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты, так как телеги оказались непрочными, разваливались, комендант отправился в город за машинами — грузовик и два легковых, одна для чекистов... Смогли отправиться только в 9 вечера, пересекли линию ж. д. в полуверсте, перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымащивая опасные места шпалами и все-таки застревали несколько раз».

Таким образом, в эту вторую ночь работали над вторым вариантом уничтожения трупов — их пытались сжечь, обливали кислотой, собирались даже просто закопать, о чем свидетельство еще одного очевидца, более на-

дежного, чем Ермаков,— чекиста Г. Сухорукова: «Приехали утром к шахтам, где были трупы, около... костра, братва начала рыться, догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду, кое-кому попало изрядно, например, Пospelов нашел 2 крупных бриллианта оправленных платиной. Сунегин нашел бриллиантовое кольцо и т. д.

Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе, первым спустился в шахту с веревкой в руке Сунегин Вл. и начал извлекать сначала дрова, цельными плахами, потом работа показала нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы... На подмогу Сунегину опустился я, и первая попавшаяся нога оказалась Николая последнего, который и благополучно был извлечен на свет божий, а за ним все остальные. Для точности можно отметить, что все были голыми, за исключением наследника, который был в одной матроске нательной, но без штанов. По извлечению трупы сложили недалеко от шахты и закрыли палатками, приступили к обсуждению, куда девать. Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым, и эту работу бросили, решили дожидаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвезли в В.-Исетский пруд.

Вечером пришли грузовые автомобили, трупы были уже погружены на повозки, и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали».

Главное, что нам следует заметить,— в итоге всех мероприятий второй ночи трупы уничтожены не были. Не помог ни керосин, ни бензин, ни кислота. К началу третьей ночи трупы материально существовали, а не были сожжены до пепла! Недаром днем приезжало высокое начальство и осталось недовольное результатами. В город вот-вот войдут белые, а эти останки были как «неопалимая купина» — вторая ночь прошла, за ней день, и к его исходу убийцы убедились, что и второй вариант рухнул. Заметим, что трупы не были обезглавлены, иначе как бы Сухоруков узнал, какой чей труп.

Тем временем в городе тоже проходили события. Охранник Якимов: «В этот день, 18 июля, вывозились вещи из ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки.

ящики. Автомобиль с этими вещами ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов».

Профессор Академии генерального штаба М. Иорданский вспоминал позже, что с утра этого дня по городу поползли слухи об убийстве Романовых, а во второй половине суток в театральном зале города Исаак Голошекин устроил митинг и на нем объявил, что по постановлению областного Совета царь «Николай Кровавый» расстрелян, а семья вывезена в надежное место. В ответ из рядов собравшихся громадной толпы раздались голоса: «Покажите тело». Тело не показали.

В Москве в этот день было вынесено постановление: «Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов в лице своего Президиума одобряет действия Президиума Областного Совета Урала. Председатель ВЦИК Я. Свердлов». Правда, опубликовать это постановление в газете «Известия» решатся лишь через неделю — 25 июля, а Ленин в этот день в интервью газете «Новое слово» заявил, что сообщение о побеге Михаила верно, а вот жив или мертв Николай — правительство пока не знает. Однако в этот же день состоялся телеграфный разговор между Белобородовым и Свердловым. Последний известил своего уральского товарища, что «В заседании президиума ЦИК от 18-го постановлено признать решение Ур. Обл. Совдепа правильным. *Можно публиковать свой* (так в тексте.— Г. З.) текст у нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение сейчас послал за точным текстом и передам его тебе... *Заголовок.* Расстрел Николая Романова. На состоявшемся 18-го июля первом заседании президиума Ц.И.К. Советов. Председатель тов. Свердлов сообщает полученное по прямому проводу сообщение от Областного Ур[альского] Совета о расстреле бывшего царя Николая Романова. Последние дни в столице красного Урала Екатеринбург seriously угрожала опасность приближения чехослов[ацких] банд, в тоже время был раскрыт новый заговор контррев[олюции], имевший целью вырвать из рук советской власти коронованного палача в виду всех этих обстоятельств президиум Ур[альского] Обл[астного] Сов[ета] постановил расстрелять Ник[олая] Ром[анова], что и было приведено в исполнение 16 июля жена и сын Ник[олая]

Ром[анова] отправлены в надежное место документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером. Сделав это сообщение, тов. Свердлов напоминает историю перевода Ник. Ром. из Тобольска в Ек[атеринбург], когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев в целях устройства побега Ник[олая] Ром[анова]. В последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа и только развернувшиеся сейчас события помешали этому суду. Президиум Ц.И.К. обсудив все обстоятельства, заставившие Ур[альский] Обл[астной] Совет принять решение о расстреле Ник[олая] Ром[анова], постановил: Всерос[ийский] Ц.И.К. в лице своего президиума признает решение Ур[альского] Обл[астного] Совета правильным, затем председат[ель] сообщает что в распоряжении ЦИК находятся сейчас чрезвычайно важный материал и документы Ник[олая] Ром[анова], его собственноручные дневники, которые он вел от юности до последнего времени; дневники его жены и детей, переписка Ром[ановых] и т. д. Имеются между прочим письма Григ[ория] Распутина к Романову и его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время».

Запись этого сообщения, переданного по телеграфу, была найдена следствием белых, так же, как и окончательный вариант постановления Уральского совета: «В виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала Екатеринбург, в виду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи), Президиум Уральского Облсовета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь шестнадцатого на семнадцатое июля приговор этот приведен в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с ним, эвакуирована из Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия. Президиум Облсовета». Этот текст составлялся в Екатеринбурге, т. к. именно здесь найден черновик с правкой текста.

Есть еще один совершенно таинственный документ, который никогда не публиковался, но о котором в присутствии многих свидетелей говорил американский

исследователь Джордж Цантос. Он утверждал, что в одном из московских архивов в 1985 году им найдена датированная 18 июля 1918 года телеграмма следующего содержания: «Приказ всем Советам России найти исчезнувшую женщину из Романовской семьи. Ленин». Дано в обратном переводе из журнала «Экспрессо» за июль 1993 года. Что это? Очередная утка или новая сенсация? Наступила третья ночь.

День второй после убийства

Пятница 19 июля (6 июля по ст. ст.).
Восход солнца в 5 часов 10 минут,
заход в 22 часа 1 минуту,
долгота дня 16 часов 51 минута.

Церковь отмечала память преподобного Сисоя схимника Печерского.

В эту ночь в Алапаевске сбросили живыми в шахту сестру Александры Федоровны великую княгиню Елизавету Федоровну, других князей и их приближенных.

Начнем события этой третьей ночи со слов Юровского: «Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно, не доезжая шахт. Хоронить или сжечь. Последнее обещал на себя взять один товарищ, фамилию кот[орого] я забыл, но он уехал не исполнив обещания». Тот человек, фамилию которого Юровский забыл, был Ермаков, и мы помним, что он еще утром прошедшего дня доложил Уралсовету, что трупы уничтожены. Поэтому в эту ночь его уже здесь не должно было быть.

Читаем дальше: «Хотели сжечь Ал[ексе]я и А[лександр] Ф[едоровну], по ошибке вместо последней с Ал[ексе]ем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина в два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так чтобы предотвратить смрад от разложения

(яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось».

Почти то же самое вспоминал Г. Сухоруков: «Недалеко была мочажина, настланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели, и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так было и сделано. Для того, что если бы белые нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили штуки две сжечь на костре, что и сделали, на наш жертвенник первым попал наследник и вторым младшая дочь Анастасия, после чего как трупы были сожжены, мы разбросали костер, посередине вырыли яму, все оставшееся недогоревшее сгребли туда, и на том месте снова развели огонь и тем закончили работу». Ту мочажину звали Поро-сенков лог, и она сохранилась поныне.

Эта суeta с застрявшим грузовиком подтверждается сторожем железнодорожного поста В. Любухиным: «Около 12 часов ночи по дороге из Коптяков прошел наш переезд грузовой автомобиль, должно быть тот самый, который прошел из города ночью... Вместе с ним шло 10—12 коробков и, кажется, несколько дрог. Грузовой автомобиль, коробки и дроги проехали на город прямо от нашего переезда. Там в логу у них автомобиль застрял. Кто-то из них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик».

Сторожиха железнодорожного переезда Е. Привалова: «На другой день (19 июля) рано утром на зорьке, когда я корову выгоняла, этот автомобиль назад прошел. В нем опять сидел Голошекин с несколькими людьми... Он сидел в автомобиле и спал». Этот автомобиль видели и в поселке Верх-Исетского завода. Священник Приходько рассказывал: «В первом ряду с шофером сидел блондин, а в кузове четыре человека еврейского типа и все развалившиеся спали», М. Дитерихс называет всех сидевших поименно: «Исаак Голошекин, Янкель Юровский, Петр Ермаков (его-то в этой машине не должно было быть. — Г. З.), Александр Костоусов, Степан Ваганов, Василий Леватных, Партин и шофер автомобиля Люханов...»

В первой половине дня все уже были на своих местах в городе. Захоронение окончилось.

Охранник Якимов свидетельствовал: «19 июля Юровский приблизительно с утра был в доме Ипатьева. В этот же день также вывозились вещи из дома...» Кучер Елкин: «В последний раз я подал лошадь 19 июля к дому Ипатьева. Из дома вышли молодые люди и с помощью старшего красноармейца вынесли и положили ко мне в экипаж семь мест багажа; на одном из них, представляет из себя средних размеров чемодан черной кожи, была сургучная печать». При другом допросе тот же возчик показал: «19 июля он снова был потребован утром к дому Ипатьева и опять полдня возил Янкеля Юровского по городу, по разным советским учреждениям и частным квартирам. В середине дня вернулись к дому Ипатьева, и Янкель Юровский, сказав, что вечером ему нужно будет опять ехать, приказал Елкину переждать во дворе дома Попова, где жили охранники. Вечером часов в 11 Елкина послали в Американскую гостиницу, откуда он привез в дом Ипатьева каких-то двух молодых людей, из коих один был похож на еврея. В половине 12-го ночи Елкину велели подать к самим воротам дома Ипатьева: ему положили в экипаж 7 мест багажа, из коих два были кожаные саквояжи, и вышел сам Янкель Юровский. Сидя в экипаже, Янкель Юровский отдал приказание молодым людям, привезенным Елкиным из чрезвычайки: «Привести все в порядок, охраны оставить 12 человек, а остальных отправить на вокзал». Затем Елкин повез Юровского с вещами в дом Главного начальника, где комиссары спешно собрались тоже в путь, потом заехали в чрезвычайку, на собственную квартиру Юровского и к кому-то на Вознесенский переулок в дом рядом с лабораторией (дом Злоказова), а оттуда на вокзал, где Юровский сел на поезд. Сохранилось шесть актов, по которым Юровский передал коменданту Кремля Малькову драгоценности Романовых. В них перечислено 42 предмета из золота и платины, 107 предметов из серебра и 206 предметов одежды императорской семьи.

Через полтора месяца, 2 сентября 1918 года, подпись Юровского будет красоваться под протоколом осмотра места покушения Фанни Каплан на Ленина на заводе Михельсона. Там, он, как особо доверенное лицо чекистов, будет ставить следственный эксперимент и вместе с В. Кингисеппом фотографировать его.

В том же поезде, в котором поехал Юровский, ехал еще один из убийц. Об этом пишет М. Дитерихс: «19 июня вечером Исаак Голощекин поехал в специальном вагоне-салоне в Москву, причем вез с собой в салоне три тяжелых не по объему простых ящика, в которых, по его словам, были «образцы снарядов для Путиловского завода».

В тот же день проскользнула самая первая по времени дезинформация о судьбе Романовых: московское радио перехватило телеграмму из Берлина о том, что «царь и его семья живы, спасены своими сторонниками и отвезены в надежное место». Кто был автором этой первой «утки», неизвестно, но она открыла такой длинный список ложных слухов и версий, что о них можно написать отдельную книгу.

Третий день после убийства

Суббота, 20 июля (7 июля по ст. ст.).

Восход солнца в 5 часов 12 минут,

заход в 22 часа,

долгота дня 16 часов 48 минут.

Церковь отмечала память преподобной Евдокии в инокинях Евфросинии, княгини Московской.

В этот день был принят закон о конфискации имущества членов семьи Романовых, поскольку все основные претенденты на него на территории Советской России были уничтожены.

Уральский совет подготовил официальное сообщение: «Экстренный выпуск. По распоряжению Областного исполнительного комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов Урала и Рев. штаба бывший царь и самодержец Николай Романов расстрелян совместно с его семьей 17 июля. Трупы преданы погребению. Председатель исполкома Белобородов. Екатеринбург 20 июля 1918 г. 10 часов утра».

Очевидно, после того, как было составлено это сообщение, состоялся разговор между Белобородовым и Свердловым. При обыске екатеринбургского телеграфа была найдена запись этого разговора, приведенная затем в книге Р. Вильтона:

«Свердлов: Что нового у вас?

Белобородов: Положение на фронте лучше, чем думали вчера, установлено, что противник, снимая войска с других участков, направляет все свои силы на Екатеринбург.

Свердлов: Сможете вы держаться долгое время?

Белобородов: Трудно сказать. Мы принимаем меры, чтобы удержаться. Все лишнее вывезено. Вчера выехал курьер с документами, которыми вы интересовались. Сообщите решение ЦИКа; и можем ли мы оповестить теперь жителей с помощью того текста, который Вы знаете?

Свердлов: На заседании ЦИКа 18-го числа было решено признать постановление Уральского Совета правительным. Можете обнародовать ваш текст».

Было еще одно малоизвестное сообщение, приведенное у М. Дитерихса в его статье журнала «Ревю де Монд» 1 августа 1920 года. «...20 июля, через три дня после преступления, из Екатеринбурга был официально отправлен поезд и громогласно заявлено, что с ним отправлена заключенная императорская семья». На самом деле в этом поезде, направлявшимся в Пермь, находились лишь мадемуазель Шнейдер, чтица и приятельница императрицы, графиня Гендрикова, «дядька» Нагорный, лакей Волков и Трупп». Конечно, здесь тоже напутано, ибо Труппа расстреляли вместе с Николаем II, а Нагорного еще за две недели до этого.

В этот день последний раз перед Домом особого назначения стояла охрана.

Четвертый день после убийства

Воскресенье 21 июля (8 июля по ст. ст.)
Восход солнца в 5 часов 13 минут,
закат в 21 час 58 минут,
долгота дня 16 часов 45 минут.

Церковь отмечала явление в 1579 году иконы Богоматери в Казани.

Охранник М. Летемин свидетельствовал: «В течение 18, 19, 20 и 21 чисел июля как из помещения занимаемых

царской семьей, так и из кладовых и амбаров увозили на автомобилях царские вещи. Увозом вещей распоряжались двое молодых человека, помощники Юровского; вещи увозили на вокзал...»

М. Дитерихс: «21 июля 1918 года расклеивали по городу, печатными объявлениями население города Екатеринбурга было извещено о состоявшемся в ночь с 16 на 17 июля по постановлению Президиума Областного совета казни бывшего Императора; в тех же объявлениях было сообщено, что жена и сын бывшего императора отправлены в надежное место».

В этот день правительство послало за границу по беспроводному телеграфу следующее сообщение, опубликованное на следующий день многими газетами мира: «Агентская телеграмма, принятая из Москвы 21 июля. Содержание следующее: Вестник № 1653, 19 июля. На состоявшемся 18 июля первом заседании выбранного Пятым съездом Советов президиума ЦИК Советов...» и далее по тексту слово в слово то, что было согласовано с Уралом еще 18 июля.

На следующий день в лондонской «Таймс» появилось первое сообщение под заголовком: «Бывший царь убит. Преступление официально одобрено», затем шел некролог на полгоры колонки. Конечно, зарубежные газеты всполошились и начались запросы. И тут происходит необъяснимое: 23 июля, через два дня, на запрос датской газеты в Совнарком был получен ответ: «Слух беспочвен, бывший царь невредим. Все слухи такого рода — ложь капиталистической прессы. Ленин». Что это? Бессмысленная ложь или тонко продуманная дезинформация? Ведь лгать, чтобы поверили, было не к чему — сами послали уведомление, а М. Дитерихс уже читал доставленные ему контрразведкой листовки. Но вот соврали на уровне предсовнаркома. Значит, нужно это было для чего-то, и тут так и просится шальная мысль: а все эти лже-анастасии не с Лубянки ли направлялись, чтобы путать расчеты монархистов зарубежья? Может быть, может быть!

Последующие дни июля 1918 года

22 июля охрана дома была распущена. Получив 10 800 рублей на всех за верную службу, охрана бросилась пропи-

вать свалившееся на нее богатство. И. Ипатьеву от его золовки была отправлена телеграмма, что «жилец выехал», и на следующий день дом вернули хозяину официально. Правда, дворник близлежащего дома В. Буйвид утверждал, что он хорошо запомнил ночь с 23-го на 24-е, когда в Ипатьевском доме был освещен сад, было много криков, шума и ругани, много ездили автомобили, и он подумал, что это красноармейцы выезжают из дома. Скорее всего, это было накануне, когда растаскивались вещи убитых.

24 июля из Екатеринбурга уходили последние эшелоны красных войск. В прощальном номере своего официоза была опубликована статья «Мы еще придем!». Не поняли тогда грозного предупреждения екатеринбуржцы. В ночь с 24-го на 25 июля сформированный еще при большевиках офицерский охранный полк взял контроль в свои руки, и к городу подтянулись отряды восставших кресгян. Утром в город вошли войска Сибирской армии. Это были передовые части чехов генерала Гайды, казаки атамана Анненкова и 7-я дивизия горных стрелков под общим командованием князя Голицина. Отряды Вацетиса бежали. Дом Ипатьева был взят под охрану, а уже 27 июля к коменданту 8-го городского района капитану Гиришу явился поручик А. Шереметевский, чтобы рассказать о таинственной суете в урочище Четыре Брата. 29 июля к товарищу прокурора местного суда А. Кутузову пришел местный житель Ф. Горшков и рассказал, что в доме Ипатьева была убита вся царская семья. Правда, сам он этого не видел и передал лишь рассказы третьих лиц. Началась длительная история следствия, которого мы касаться не будем. Нам здесь важно остановиться и зафиксировать эпилог этой трагедии: что увидели в доме Ипатьева пришедшие в город войска Сибирской армии?

Первое по времени описание увиденного принадлежит корреспонденту газеты «Зауральский край» Н. Молочковскому. Он посетил дом 29 июля. Вот почти полностью его статья из газеты от 8 августа 1918 года: «Входим в каменный подъезд дома, на который бывший царь сам перетаскивал из автомобиля свой багаж, где он вместе с женой и дочерью Татьяной ждал открытия дверей дома... Поднимаемся по небольшой каменной лестнице в прихожую. Из нее идут двери во внутренние ком-

наты дома. Налево — помещается прекрасно меблированная комната, в которой жили охранявшие бывшую царскую семью комиссары. В момент нашего посещения в ней, как и во всех других комнатах, которые мы осматривали, полнейший беспорядок. Кровати не убраны, на рояле разбросаны книги, пустые коробки. На кресле брошен развернутый № 31 журнала «Лукоморье».

Против комнаты комиссаров в гостиной стоит книжный шкаф, и там сиротливо стоят 12 книг собраний сочинений Салтыкова-Щедрина в роскошных переплетах.

Примыкая к столовой, находится голландская печь и около нее — груда полусожженных бумаг, разного мусора. Здесь же прядями валяются срезанные темно-карие волосы бывших царских дочерей. Караульный, заглянув в печь, вытащил оттуда помятую, со сломанным замком коробку фирмы «Фаберже», в которой оказалась полустлевшая записка, где ясно можно прочитать надпись: «Золотые вещи, принадлежащие Анастасии Николаевне». Тут же валялись: полусгоревший детский погон подъесаула с инициалами «А. Н.», разорванный на части портрет Гр. Распутина, стрелянные винтовочные гильзы.

Идем дальше. Входим в гостиную, просторную комнату, с мягкой мебелью, с большим письменным столом. На столе лежит большой лист промокательной бумаги с оттиском росписи бывшего царя и подпись «Николай»...

Против гостиной расположена столовая. Обстановка барская. Посреди столовой стоит обеденный стол, с левой стороны четыре стула, с правой три, а в конце стола большое деревянное кресло бывшего царя. Над столом висит электрическая люстра, на стене две большие картины художника Воронкова в золоченых рамах, изображавшие лесной пейзаж, под картинами камин, сбоку большой резной шкаф. Тут же, около окна, стоит трехколесная коляска Алексея на резиновом ходу, вблизи стола валяется раскрытый чемодан бывшего царя за № 622 и пустой лакированный ящик с крышкой. В шкафу находится небольшое количество посуды, а в нижнем отделении в хаотическом беспорядке лежат иконы самого разнообразного формата. Мое внимание остановилось на чудном письме Абалакской иконы Божьей Матери. Смотрю на обороте надпись карандашом: «Дорогой

Татьяне благословление на 12 января 1918 года г. Тобольск. Папа и Мама».

Остальные иконы, по-видимому, тоже носят характер благословления членов бывшей царской фамилии. Столовые часы остановились на 9 часах 57 минутах.

Налево от столовой небольшая комната, служившая, вероятно, кабинетом Александры Федоровны. Здесь письменный стол, на котором в беспорядке валяются книги с инициалами «А. Ф. Петергоф. 1906 г.», «О терпении скорбей» и другая с пометкой «Царское Село март 1906 г.», «Лествица» игумена Иоанна. В этой книге сделаны закладки на страницах 206 и там подчеркнут стих 162, на стр. 231, стих 83, на стр. 232, стих 1.

В перемежку с духовными книгами. молитвословом на столе лежат потрепанные книги А. Аверченко, «Синие с золотом» и «Рассказы для выздоравливающих», три тома А. П. Чехова 1, 7 и 13, причем последний разрезан до «Трешка по неволе».

Ни на одной книге не приходилось видеть советского штампа. По окнам валялись разрозненные номера английских журналов, и в самом дальнем углу конфузливо приютился официоз большевиков «Уральский рабочий» за воскресенье 2 июня с подчеркнутой статьей «Союзники за работой». На противоположном столике иконы Спасителя в киоте и Бож. матери без киота. В киоте две записки. На первой написано карандашом: «1.1. Иоанна на 19, 38—42». На второй: «9 Иоанна, 19, 25—37». Тут же небольшая икона старинного письма с изображением Георгия Победоносца, форматом яйца с надписью на обороте «Х. В. Маша. 1913 г.». Около иконы лежит груда обгорелых свечей.

В комнате доктора различные медикаменты, электрические приборы и масса лекарств. Вообще масса лекарств находится в разных комнатах, что свидетельствует о недомогании семьи бывшего царя.

Направо от столовой двери ведут в помещение ванной и кухни. В первой комнате валяются три пары деревянных колодок для сапог Алексея, разломанный футляр от серебра, деревянная доска для глажения. В кухне полный беспорядок: на плите лежит протвень с засохшим тестом, в ящиках стола немного посуды и шесть полумантных ножей, с изображением на ручках орла...

Поднимаемся по лестнице на балкон дома. Наше

внимание было обращено на массу заборных надписей, как на белой стене, так и на дверях дома, принадлежащих несомненно караулу...»

Второе описание принадлежит М. Дитерихсу, который также видел все это собственными глазами. Приводим его также почти полностью:

«В доме царил невероятный хаос. Начиная от комнат нижнего полуподвального этажа, где при Янкеле Юровском жил внутренний караул из 10 человек, приведенных им с собой из «Чрезвычайки», до угольной комнаты второго этажа, служившей спальней бывшему Государю Императору, Государыне Императрице и Наследнику Цесаревичу, почти во всех комнатах были разбросаны на полу, на столах, диванах, за шкапами и ящиками различные цельные, разломанные, помятые и скомканные вещи и вещицы, принадлежавшие Августейшей Семье и содержавшимся с Ними в доме придворным людям. Больше всего валялось их в комнате комиссара Янкеля Юровского, первой налево из передней. Валялись порванные, смятые и обгорелые записки, обрывки писем, фотографий, картинок; валялись книжки, молитвенники, Евангелия; валялись образа, образки, крестики, четки, обрывки цепочек и ленточек, на которых они подвешивались, а икона Федоровской Божьей Матери, икона, с которой Государыня Императрица никогда, ни при каких обстоятельствах путешествия не расставалась, валялась на помойке, на дворе. со срезанными с нее украшениями, очень ценным венчиком из крупных бриллиантов.

Брошенными валялись пузырьки и флакончики со Святой водой и мирром, вывезенные, как значилось по надписям на них, еще из Ливадии, Царского Села и костромских монастырей; разбросанными, изломанными и разломанными валялись повсюду шкатулки, узорные коробки, рабочие ящички для рукоделия, дорожные сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокруг них вывороченные оттуда вещи, предметы домашнего обихода и туалета. Но... ничего ценного, в смысле рыночной ценности, и, наоборот, почти все только ценное и необходимое для бывших обладателей этого дома.

В спальне бывшего Государя Императора и Государыни Императрицы валялись на полу «Молитвослов» — с юношеского возраста не покидавшийся Императором с

тиснением на обложке сложным вензелем из двух монограмм: «Н. А.» и «А. Ф.» и датой на оборотной стороне книжечки — «6-го мая 1883 г.»; вблизи «Молитвослова» брошена разломанная двойная рама, где у Государя были всегда портреты Государыни — невестой и Наследника Цесаревича, а от самих портретов валялись лишь порванные, совершенно обгоревшие кусочки.

Неподалеку лежали неразлучные спутницы Государыни Императрицы книги «Лествица», «О терпении скорби» и «Библия», все с инициалами: «А. Ф.» и датами «1906 год» и с повседневными пометками в текстах и на полях, сделанные рукой Ее Величества; тут же валялись и останки Ее любимых четок; тут же и необходимая для Наследника Цесаревича, болевшего с апреля месяца, машинка для электризации и Его лекарства, Его игрушки, Его доска, которую клали Ему на постель для игры на ней и занятий. И флаконы с одеколоном и туалетной водой, туалетные стаканчики, мыльницы, скляночки и коробочки от разных лекарств и масса пепла от обгоревших чулок, подвязок, материй, бумаги, карточек, шкатулочек, коробочек от различных рукоделий и образков.

Этого пепла и обгоревших вещей домашнего обихода и туалетного характера было еще больше в следующей комнате, служившей спальней для Великих Княжен. Сразу получалось впечатление, что все служившее раньше для туалета, в том числе составляло одежду, белье, работу, рукоделье, развлечение, что хранилось дорогой памятью о высших близких людях и друзьях, — все было собрано в беспорядке, в спехе, скомкано, сломано, порвано и сожжено в двух печах, находившихся в этой комнате. Срезанные во время болезни волосы Великих Княжен валялись перепутанные и в мусоре, в передней, близ комнаты Янкеля Юровского, а некоторые порванные письма к Ним, фотографии и карточки, Им принадлежавшие, оказались засунутыми за шкаф в одной из комнат нижнего этажа, где жили палачи внутренней охраны.

Не видно было лишь одного — кроватей в комнате Великих Княжен... Они жили в этой комнате без кроватей и не имели матрасов.

В буфетной комнате с окном, выходившим в садик неподалеку от крана, на столе и под ним валялось много грязного столового белья, и на некоторых полотенцах и салфетках виднелись большие густые кровавые пятна.

А наружная сторона дома, если взглянуть из окна в садик, сверху донизу была обрызгана тоже кровавыми пятнами: видно, кто-то мыл под краном окровавленные руки и отряс их за окно, а другой — просто взял, и не мывши, отер свои руки о столовое белье.

В каретнике во дворе дома Ипатьева оказалось несколько кухонных железных ящиков и два-три разломанных попроще сундучка, привезенных комиссаром Хохряковым из Тобольска вместе с Царскими Детьми. Сундуков, чемоданов и ящиков собственно Царской Семьи не было. На земле валялись разбросанными, перепутанными, побитыми кое-какие остатки кухонной посуды, посуды столовой, чайной, громоздкие баки, кубы, лоханки. Осталось несколько разрозненных частей костюмов, разодранный корсаж, отдельная юбка, большой ящик с игрушками Наследника Цесаревича, ширмы Государыни, весы для взвешивания людей, чехол от походной кровати Великих Княжен. Ничего не было из белья, платьев, одежды, меховых вещей, обуви, шляп и зонтиков.

Совершенно отдельно стоял раскрытый тяжелый ящик-сундук с частью книг, принадлежавших Августейшим Детям; в ящике рылись, большую часть книг разбросали тут же вокруг него. Книги исключительно русские, английские и французские, ни одной на немецком языке. Книги определенного выбора: сочинения для религиозного, нравственного воспитания и произведения лучших русских классиков. Книги определенных владельцев: в них собственноручные Их Высочества пометки, закладки домашней работы, засушенные цветы и листочки. Почти на всех посвящения или просто пометки от Отца или Матери, или Обоих вместе: «Елка. 1911 г. 24 декабря. Царское Село, от Папа и Мама. Ольге»; «В. К. Ольге, Мама. Тобольск, 1917 г.»; «Милой маленькой Татьяне от Мама. 9 февраля 1912 г. Царское Село»; «Дорогой Татьяне от Папа и Мама. Янв. 1908»; М. Н. Елка. 1913»; «Тетрадь для французского. Алексис» и т. д.

Из одной английской книжки Великой Княжны Ольги Николаевны высунулось два листочка почтовой бумажки, на которых рукой Ее Величества записаны стихотворения, сочиненные в Тобольске или Государыней Императрицей, или графиней Анастасией Васильевной Гендриковой. На одном листке:

Перед иконой Богоматери

Царица неба и земли,
Скорбящих утешение,
Молитве грешников внимли,
В Тебе надежда и спасение.

Погрязли мы во тьме страстей,
Блуждаем в тьме порока...
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, Твой светлый дом
Почти что погибает.
К Тебе, Заступница, зовем —
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,
Скорбящих упование,
Не отвори своих очей
От нашей скорби и страдания.

На другом листке:

Молитва

Пошли Нам, Господи, терпенья
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гонение
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Тобою кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог Всесильный,
Благослови молитвой нас

И дай покой душе смиренной
В невыносимо страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов —
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

В нижнем этаже дома Ипатьева, в самом отдаленном и глухом его углу, есть полуподвальная комната, с одним заделанным решеткой окном, выходящим на Вознесенский переулок. Комната полутемная, потому что два ряда высоких деревянных заборов, доходивших до самой крыши, не допускали дневного света в окна.

В отличие от всех прочих комнат дома здесь не было ни мусора, ни разбросанных вещей и вещей, не было даже пылинки: видно было, что комнату недавно мыли, и мыли даже обои. Но все же на полу, особенно вдоль карнизов, явно виднелись следы бывшей здесь крови, а на обоях сохранились многочисленные мелкие брызги крови. В стенах и на полу, в косяке двери и верхних карнизах — много пулевых пробоин, с застрявшими в некоторых из них пулями. В правом углу комнаты заметны были царапины — следы какого-то плоского, узкого оружия.

Крови, видимо, было много, очень много; ее вымывали, затирали, глиной, песком, но она растекалась, смочила и карниз внизу левой стены, и карниз стены, находившейся прямо против входной двери. В этой же стене особенно много пулевых пробоин...

Безобразен и отвратителен был вид стен этой комнаты. Чьи-то грязные и развратные натуры безграмотными и грубыми руками испещрили обои циничными, похабными, бессмысленными надписями и рисунками, хулиганскими стишками, бранными словами и особо, видно, смачно расписывавшимися фамилиями творцов хитровской (от Хитрова рынка. — Г. З.) живописи и литературы. И тем более резко и показательно из всей этой массы безграмотности, воспроизведенной подонками людской среды, выделялось в правом, ближайшем к двери комнаты двустушием, написанное карандашом полунинтеллектуальной рукой на еврейско-немецком жаргоне:

Вальтасар был в эту ночь
Убит своими подданными».

При сравнении этих двух описаний бросается в глаза одна странность. Несмотря на то, что описываются одни и те же помещения и примерно в одно и то же время, в этих описаниях практически не встречаются упоминания одного и того же предмета, как будто описываются два разных дома.

И еще одно примечание: комната, где расстреливали Романовых, до этого служила жильем для пулеметной команды А. Кабанова, состав которой был интернационален — этим и объясняются надписи. Они все зафиксированы и описаны в книге Н. Росса. Что касается двустилишя о Бальтазаре (Вальтасар), то о нем тоже есть специальное исследование, хранящееся в Британском музее. Мы же обратим внимание читателя на одну деталь в этой надписи, которая почему-то исследователями замечается очень редко. О том, что там есть расхождение с оригиналом Гейне, отмечено многими, но вот само слово «Бальтасар» тоже изменено и в русском переводе должно звучать как «Бальтацарь», то есть с конкретной адресовкой на императора. Что касается текста молитвы, о которой пишет М. Дитерихс, то известно, что ее осенью 1917 года прислал царской семье в Тобольск С. С. Бехтеев.

Существует еще одно подробное описание, сделанное судебным следователем Наметкиным и товарищем прокурора Остроумовым (8 августа 1918 года) для верхнего этажа и следователем Сергеевым для нижнего этажа (14 августа 1918 года). Они скрупулезно зафиксировали все предметы, но опять же во многом их описание расходится с двумя вышеприведенными. Для них оправдание есть, до их прихода очень много любителей побывало в доме Ипатьева и несомненно нарушили первоначальное расположение предметов, а кое-что и исчезло «на память».

Завершить описание этих июльских дней хотелось бы словами патриарха Тихона из его проповеди, произнесенной 26 июля 1918 года в Казанском соборе Петрограда: «На днях свершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — исполнительный комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божья, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на них, кто свершил это».

Правда твоя — правда навеки.

Надпись на надгробном камне могилы следователя по особо важным делам Николая Александровича Соколова в Сальбри (Франция)

Их убийство предстает именно как всенародный грех, а не как дело отдельных преступников.

Георгий Адамович

Восемь десятилетий после убийства

Завершилась екатеринбургская трагедия.

Поиски тел убитых начались еще до судебного следования. Затем один следователь вел дело, потом другой, третий — все было безрезультатно. Когда дошла очередь до знаменитого Н. Соколова, время было уже упущено. Оставалось всего полгода до возвращения красных, и он, конечно, не успел. Не успел, потому что действительно оказался в путах им самим выработанной схемы. Не успел, потому что в бюрократической машине правительства Колчака у него тоже было много недругов. Не успел, потому что белые тогда проиграли свое дело. А он все равно пришел бы к тому месту, где убийцы в третью ночь скрыли останки, пришел бы рано или поздно, ибо многие ключевые ответы были получены именно им, в его дознаниях. Судьба сыграла с ним злую шутку — в его книге есть иллюстрация № 76, где изображено как раз то самое место, о котором писал в своей записке Юровский. Вскрыть это место Соколов не догадался, интуиция здесь ему отказала.

Помешали в большой мере и мифы, а они возникли чуть ли не на следующий день после убийства. Примерно 1 августа 1918 года чудом уцелевший камердинер царя Чемодуров, встретив в Тобольске бывшего воспитателя цесаревича П. Жильяра, бросил ему странные слова: «Слава Богу, Государь, Ее Величество и дети живы. Расстрелян Боткин и все другие». На чем он основывал это заявление?

Следователь контрразведки А. Кирста допросил многих свидетелей, которые клялись, что видели царскую

семью в Перми. Со слов Р. Вильтона, уже зимой 1918—1919 года в Перми многие утверждали, что видели живую Анастасию Николаевну. При более тщательной проверке оказалось, что это местная проститутка Настя Воровка. Но тем не менее уже упомянутый А. Кирста считал, что нашел следы семьи в Перми и ссылаясь на три документа, которые позже послужили опорой для версии Саммерса и Мангольда, а также А. Андерсен.

Осенью 1919 года в Ком-Атаче, близ Бийска, объявился Алексей Романов. Довольно быстро удалось тогда установить, что под этим именем скрывался один почтовый работник. Но лиха беда начало, в феврале 1920 года в Германии объявилась живая Анастасия. Здесь тоже удалось установить, что под именем великой княжны скрывается Анна Андерсен (а точнее, Ганна Шанцковская), хотя она не одно десятилетие, вплоть до смерти, высказывала свое притязание на принадлежность семье Романовых. Ее жизни посвящено несколько десятков книг и кинофильмов. Дилетантам от истории достаточно было прочесть статью С. Литовцева «Правда о Лжеанастасии», опубликованной еще 10 сентября 1928 года в рижской газете «Сегодня», чтобы убедиться в необоснованности претензий этой хитрой женщины.

Всем этим мифам потворствовало упорное утверждение высших советских чиновников о том, что царская семья не расстреляна. 20 сентября 1918 года о целостности семьи заявил Чичерин, а через три месяца, 17 декабря 1918 года, об этом же утверждал Литвинов. 11 июля 1920 года в интервью для газеты «Сан-Франциско кроникл» сделал аналогичное заявление Зиновьев. Больше всего тумана напустил Чичерин в интервью «Чикаго трибюн» 25 апреля 1922 года, заявив, что «судьба царских дочерей мне в настоящее время неизвестна. Я читал в печати, что они находятся в Америке».

В декабре 1929 года объявился опять Алексей Романов, но теперь уже в Багдаде. С этим претендентом провозились долго и даже привлекали для опознания Жильяра. По истечении года миф об этом царевиче тоже лопнул.

Последний товарищ обер-прокурора святейшего Синода князь Н. Жевахов в 1923 году упорно уверял всех, что царская семья была спасена.

Княгиня Мария Илларионовна Романова (урожденная Воронцова-Дашкова) еще в 1961 году заявляла, что

вообще вся семья спаслась, включая и убитого в Перми великого князя Михаила Александровича. По ее словам, его якобы видели вместе с братом (т. е. Николаем II) в 1925 году в станице Ильинской на Северном Кавказе, а Алексея Николаевича видели в Лабинске в 1928 году. Мало того, в это же время в Натыробском монастыре якобы находились все дочери Николая II и сама Александра Федоровна.

В 1960-х годах объявился еще один Алексей в лице американского гражданина Михаила Годиевского. Затем другой Алексей нашелся в Бразилии. Этот претендент имел самую оригинальную легенду: он утверждал, что его подменил еще в 1916 году сам Григорий Распутин, чтобы спасти от напророченной ему гибели. В 1976 году в Омске умерла Анастасия Спиридоновна Карпенко, которая тоже претендовала на титул великой княжны. Испанский гражданин Алехо Бримейер объявил себя внуком великой княжны Марии. Есть совершенно фантастический вариант о том, что вместо Романовых и их приближенных в тот день расстреляли семью одного уральского промышленника, подобрав количество людей по возрасту и полу. Совсем недавно объявился Николай III, утверждавший, что он сын великой княжны Анастасии.

В общем, по миру бродил не один десяток только ученых Анастасий и Алексеев, а также всех остальных убитых членов императорской семьи. Порознь и вместе... Рассказы о чудесном спасении всех этих лиц можно собрать в интересный и увлекательный сборник, что частично и сделал в четвертой главе своей книги «Николай II» М. Ферро. Интересно, что ни разу не было претендентов на роли Боткина или Демидовой, а только на лиц императорского дома!

Самый свежий пример о претендентах: Э. Радзинский, в уже упомянутой нами книге, ссылаясь на воспоминания водителя того самого грузовика С. Люханова и толкование этих воспоминаний его наследниками, заявил, что Алексей и Анастасия были спасены красноармейцами, сидевшими в грузовике и спрятавшими их в будке №184. Неужели автор думает, что Юровский не умел считать до 11 и в случае недостачи кого-то из расстрелянных не перерыл бы весь район в поисках пропажи? На это времени у него бы хватило. Об объявленной

Джорджем Цангосом телеграмме мы уже писали. Фантастикой напичкан и роман И. Бунича «Быль беспредела, или Синдром Николая II».

Но этого оказалось мало. Появились замысловатые и правдоподобные легенды о прахе убитых. Так, челябинская газета «Власть народа» осенью 1918 года, а за ней и «Известия» от 22 сентября 1918 года, опубликовали описание торжественных похорон Николая II. Детали читались весьма убедительно: «Тело государя было положено в цинковый гроб, заключенный в деревянную роскошную обшивку из сибирского кедра. Гроб этот был поставлен под охраной почетного караула из высших командных чинов Народной Армии в Екатеринбургском соборе; отсюда предполагается перевезти его для временного погребения в особом саркофаге в Омске». На самом же деле в соборе была лишь панихида.

Затем, в декабре 1928 года, с подачи газеты «Ганноврише Анцайгер» началась шумиха с заспиртованной головой Николая II. По уверению газеты, Троцкий потребовал от Белобородова вещественного доказательства о гибели Романовых.

Действительно, у Троцкого был разговор о Романовых, но только со Свердловым, и содержание этого разговора он приводит в своем дневнике:

«В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, где царь?

— Конечно, — ответил он. — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому с оттенком удивления.

— Все, — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решил? — спросил я.

— Мы здесь решили. Ильич считал, что нельзя оставлять нам (белым) живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях».

И больше ни слова в дневнике. Правда, достоверность этого разговора несколько подтачивается тем, что на заседании СНК 18 июля 1918 года Троцкий присутствовал, о чем свидетельствует протокол № 159 и, следовательно, о расстреле Николая II знал и против расправы не возражал. Этот вопрос поднимался не раз,

и Троцкий считал это естественным, не возникало у него ни тогда, ни в будущем никаких сомнений.

По версии газеты, в ответ на требование Троцкого Белобородов 26 июля привез в запечатанном чемодане заспиртованную голову императора, и на следующий день якобы вся большевистская верхушка ее освидетельствовала. Об этом вроде бы был составлен даже протокол, подписанный Лениным, Троцким, Зиновьевым, Бухариным, Каменевым, Дзержинским и Петерсом. 28 июля эту голову будто бы пришлось уничтожить, и, конечно, нашлись и тут «свидетели» (по другой версии, ее замуровали в стене Кремля). Только странно, что об этом не вспоминал в своих мемуарах сам Троцкий, которому приписывают инициативу этой акции. Ему-то бояться было нечего. Не припомнили об этом никто из непосредственных свидетелей уничтожения следов убийства в третью ночь, а уже отсечение головы и помещение ее в сосуд со спиртом на могло укрыться от всех. Сторонники этой версии утверждают, что именно в тех «ящиках со снарядами», что повез в поезде Белобородов, и находилась голова императора. Тогда непонятно, почему эти ящики были неестественно тяжелыми, как о том вспоминают свидетели?

Так или иначе, но миф оказался очень живучим: весной 1930 года атаман Семенов посылал в Шанхай трех своих офицеров в поисках бывшего советского военного Франка Кёнига, который якобы бальзамировал голову Николая II. Кёниг таинственно исчез, и выяснить ничего не удалось.

Поиски останков убитых тоже имеют солидный стаж. Еще белые войска не вошли в город, а коптяковские крестьяне ползали по урочищу Чегыре Брата и окрестностям Ганиной Ямы, тщательно прощупывая пепел остывших костров. Единичные находки растерзанных драгоценностей усиливали усердие искателей. Затем, для верности, перекопали весь сад Ипатьевского дома. До назначения официального следствия и утверждения первого следователя Наметкина офицеры Сибирской армии, по своей инициативе, совершенно по-любительски исходили всю подозрительную территорию от железнодорожного поста № 184 до южных окраин деревни Коптяки. Что-то они находили, что-то уносили, что-то уничтожали своим дилетантством.

Высокопрофессиональный следователь Н. Соколов получил дело в производство ранней зимой 1918 года, когда снег закрыл своим покровом все вещественные доказательства на местности. Ему пришлось ждать весны, когда минуло почти девять месяцев с момента преступления. Люди, время, снег и дождь сделали свое дело, да и весной 1919 года положение белых войск сильно пошатнулось. Теперь следствию приходилось поторапливаться, как когда-то членам Уралсовета. В книге Н. Соколова скрупулезно точно описано все то, что было найдено, от корсетных крючков до вставной челюсти Е. Боткина и даже трупа собачки Джемми.

Что же стало с останками, ведь тут тоже были находки?

В Брюсселе в 1936 году был заложен, а в октябре 1950 года освящен Храм-памятник во имя Праведного Иова Многострадального. Среди прочих всяких святынь там находились предметы из дома Ипатьева, а также некоторые из частиц останков. Генерал-лейтенант М. Дитерихс передал туда найденный возле урочища Четыре Брата отрезанный палец Александры Федоровны (по версии Р. Вильтона, палец принадлежит Е. Боткину), обгорелые кости от двух тел, что Юровский пытался сжечь 19-го утром, куски досок и стен той комнаты, где были убиты ипатьевские узники. Во французском издании книги Соколова, а она вышла ранее русского варианта, есть фотография кабинета следователя. На заднем плане видны стеллажи с костными останками. В русском издании эта фотография отсутствует. Следовательно, Соколов все же нашел что-то. Это подтверждается протоколами следствия. 1 июня 1919 года Соколов обнаружил около рудника: «...48) два обгорелых кусочка какой-то кости млекопитающегося; 49) в той же площадке, но в другом месте ее, 13 кусочков каких-то костей млекопитающегося, видимо обгорелые...». 22 июня 1919 года им было найдено: «38) 14 осколков костей». 1 июня 1919 года еще 18 обломков костей. Крестьянин Василий Редников, который искал на пепелище драгоценности еще до прихода следователей, на допросе утверждал, что он вместе со своими товарищами нашли несколько мелких осколков раздробленных обгорелых костей: «Это вовсе не были кости какого-либо мелкого животного, например какой-либо птицы. Это были осколки крупных костей

крупного млекопитающего и, как мне тогда показалось, осколки трубчатых костей. Они, повторяю, были обглодые. Мы их находили в самом кострище».

В. Александров в своей книге пишет о «сундучке с костными останками», который был отправлен из Харбина во Францию и прибыл в Марсель 15 июля 1920 года. «Ящичек» вместе с другими документами был переправлен генералу Жанену в его имение Сен-Изар в департаменте Изэр, а затем был перевезен в пригород Гренобля и был передан небезызвестному Гирсу. Фотография этого «сундучка» имеется в книге Тревина, изданной по материалам Гиббса в Лондоне в 1975 году. Это был сафьяновый сундучок синего цвета, принадлежавший Александре Федоровне и изъятый при обыске у охранника Летемина. Вероятнее всего, это и есть останки цесаревича Алексея и великой княжны Марии Николаевны, т. е. тех двух тел, что не были найдены при раскрытии захоронения ипатьевских узников. Однако утверждать это уверенно можно лишь после тщательных судебно-медицинских экспертиз.

А на родине Романовых упоминали всю трагедию одной фразой типа: согласно воле революционного народа Николай Кровавый и его семья расстреляны. Правда, на сверхсекретных партийных совещаниях выступал сам Юровский и немного приоткрывал завесу верным сотоварищам по борьбе. Публичные выступления дозволялись лишь хвастливому Ермакову, который вплоть до своей смерти в 1952 году изумлял слушателей кровавыми деталями расстрела и помахивал маузером № 161 474. Была официальная версия — П. Быкова, и на том все сомнения должны были отпасть.

За восемьдесят лет повышенный интерес к судьбе Романовых пробуждался четырежды — в 1928, 1931—1932 и 1972 годах, а также в последние годы, в связи со спорами историков и властных структур разного уровня о подлинности найденных под Екатеринбургом останков царской семьи и месте их захоронения.

В первый раз это было связано с десятой годовщиной расстрела, и вроде бы даже собирались отметить этот юбилей, но последовал окрик сверху, и все публикации мгновенно прекратились.

Второй раз интерес вспыхнул в самом начале 1930-х годов и захватил, в первую очередь, чекистские круги.

Тогда в Тобольске обнаружили тщательно запрятанный клад у бывшего купца Корнилова и монашки Марфы Уженцевой. В состав клада входили уникальные ювелирные изделия, принадлежащие царской семье и оцененные тогда в сумму 3 270 696 рублей 50 копеек. Конечно, сыскные службы занимались этим скрытно, но волнения все же просочились в народ, и снова начались толки о Романовых на уровне очень доверительных пересказов. Эти события довольно точно отражены в повести Ю. Курочкина «Тобольский узелок», и мы деталей касаться не будем.

В третий раз волна интереса возникла в 1972 году, когда журнал «Звезда» в нескольких своих номерах опубликовал книгу М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Вскоре текст вышел в отдельной книге, хотя ее содержание в некоторых главах значительно отличалось от первой публикации. Сейчас, спустя десятилетия, этот труд оценивается совсем по-другому, но тогда он получил чрезвычайную популярность. Книгу рвали из рук и зачитывали до дыр, ее чуть ли не переписывали. Интерес к судьбе Романовых резко возрос, и возле тогда еще существовавшего дома Ипатьева начали появляться любопытствующие, порой целыми группами. Наиболее смелые проникали внутрь и делали снимки. Заслуга М. Касвинова, несмотря на все недостатки текста, несомненно в том, что его книга в смутное время застоя пробудила интерес к давно минувшей трагедии. Стали появляться и другие публикации.

Примерно в то же время на экранах советского телевидения появился многосерийный фильм «Государственная граница». Автор сценария был известный в стране писатель Гелий Рябов. Он был признанным литератором, связанным с высшими кругами МВД и КГБ. Зрители помнили захватывающий тоже многосерийный детективный фильм «Рожденная революцией», созданный по материалам его же книги «Комиссар милиции рассказывает...». Умопомрачительные погони, загадочные убийства, оглушительная стрельба и головокружительные трюки приковывали миллионы зрителей к экранам на длинные вечера.

В одной из серий «Государственной границы» был эпизод, который для многих из отечественных зрителей остался совершенно непонятным. Герой повествования —

советский разведчик в Китае заходит вместе со своим собеседником в храм и указывает ему на строгие мраморные саркофаги. Уже забылись слова, которые там были сказаны, но разведчик обмолвился, что здесь захоронены члены бывшего императорского дома. Массовый зритель Страны Советов, конечно, не понял смысл эпизода, а между тем это место имело конкретную географическую привязку и конкретных лиц. Место: Китай, Пекин, храм Всех мучеников при Российской духовной миссии. Лица: члены Романовского дома, сброшенные живьем в шахту вблизи Алапаевска на Урале 18 июля 1918 года, на следующий день после убийства Романовых в Екатеринбурге. Это прах великого князя Сергея Михайловича, детей великого князя Константина Романова — Константина, Игоря и Иоанна, князя Владимира Палея. Там, в Алапаевске, тогда умертвили и родную сестру Александры Федоровны великую княгиню Елизавету Федоровну вместе с ее крестной сестрой Варварой Яковлевой, но их тела позже перевезли в Великобританию, а затем захоронили в Гефсиманском саду, в Русской церкви святой Марии Магдалины, на месте, где по преданию, были произнесены слова: «Господи, да минует меня чаша сия». По другим сведениям, они захоронены в Афонском монастыре в Греции. По сообщению атташе Российского посольства в Китае А. Евсикова, в середине 1950-х годов церковь при посольстве была уничтожена под предлогом расширения посольства. Но этот фильм, скорее всего, перекинул мостик к новой теме работы Г. Рябова — судьбе Романовых. Начало его поисков как раз совпадает с этим временем, и давайте опять обратимся к документам.

Однажды В. Войков заявил: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». Большевики твердо верили, как и Ермаков: все уничтожено огнем и кислотой, а пепел развеян временем. Нет праха ипатьевских узников, и все тут! И поколения советских людей воспринимали это как аксиому. Как это ни странно, но русское зарубежье почти безоговорочно приняло тезис о том, что прах Романовых и их приближенных уничтожен. Достаточно сослаться на такой авторитетный источник, как двухтомный труд М. Дитерихса. Да, что тревожить прах давно усопших людей — его могилу на шанхайском кладбище Лю-Кавей тоже сровняли бульдозерами. Вот

еще мнение: В. Демин в самиздатовском издании «Царь-колокол» в 1990 году (№ 3) разразился большой статьей «Подлог», в которой с безапелляционной категоричностью утверждал — останков нет, они уничтожены большевиками. В чем причина такой позиции? Да, очевидно, в том, что определенные силы отнюдь не заинтересованы, чтобы останки канонизированных зарубежной церковью людей вот так просто нашли в Совдепии.

«Бомба» разорвалась 16 апреля 1989 года, когда газета «Московские новости» поместила статью Г. Рябова «Земля выдала тайну». Почти сразу за этим последовала с продолжением его же статья «Принуждены вас расстрелять» в журнале «Родина». А дальше поехало-пошло: лавина публикаций и откликов. В подавляющем большинстве оппоненты категорически отрицали находку и считали ее аферой. Посыпались оскорбления и смачное описание тесных связей Г. Рябова с лидерами застойного и послезастойного периода. Были такие, которые приклеивали ярлыки: «очередная чекистская провокация». Игорь Бунич в своем романе прямо назвал находку операцией органов КГБ.

Давайте хладнокровно порассуждаем о событиях и вернемся к середине 1970-х годов, когда впервые у Г. Рябова и тех краснедедов, на чьи гипотезы он опирался, возникла идея: попытаться найти захоронение. Ну, пусть пепел от уничтоженного. Ведь не мог М. Дитерихс увести все за границу?

Какие исходные данные были в распоряжении группы Г. Рябова? Все те документы, на которые мы ссылались и которые мы цитировали. Несколько лет тому назад многие документы были выпущены единым томом издательством «Посев» благодаря исследователю Н. Россу, и сейчас за ними не надо рыскать по архивам. Тогда же все это надо было собирать по крупицам. Ничего нового в этой области с тех пор открыто не было, и разгадку следовало искать там, и только там. Это не посвященный в дело читатель, знакомясь с запиской Юровского или воспоминаниями Ермакова, Авдеева, Стрекотина или других или же листая книгу Соколова, говорит: «Надо же какие документы появились!» Они «появились» лишь для массового читателя и дилетантов, а для подлинных исследователей эти документы давно были известны. Они были изучены в каждом деле, в каждой

папке, в каждом листке, в каждой строчке. За последние полвека никаких принципиально новых документов, могущих раскрыть тайну захоронения, обнаружено не было, да их и нет. Наверное, найдется что-то новое по роли высшего эшелона власти в расстреле, их директивы и, наконец, их согласие на расстрел. Возможно, найдутся нити, прослеживающие весь механизм интриг и сверхсекретных заседаний. Но по самому захоронению ничего нового не должно быть, за исключением мелких деталей. Все факты изложены в материалах Соколова, Юровского и других, тех, кто имел непосредственное касательство к убийству Романовых. Следовательно, надо было искать там, в старых документах.

Возникает вопрос: почему же тогда сам Соколов не нашел останки? На этот вопрос, еще при жизни Соколова, ответил генерал Дитерихс: «Внимание к шахтам, в смысле использования их убийцами для сокрытия тел, было приковано и обострено главным образом чисто психологическим влиянием, а не вовсе вытекало из совокупностей всех данных, добытых следствием, детальным исследованием района и, наконец, раскопками». И пусть В. Демин, защищая Н. Соколова, сколько хочет нападает на Г. Рябова за его заявление о профессиональной ошибке этого выдающегося следователя, но факт остается фактом: опытейший профессионал попал в плен треугольника «Горнозаводская железная дорога — урочище Четыре Брата — Ганина Яма», который выстроил еще до него товарищ прокурора Н. Магницкий. Он и нашел там останки двух тел, но не успел провести экспертизу. Вслед за Соколовым там искали все остальные, ищут и по сей день. Подсказка направления же поисков лежала в цитированных нами документах. Вернемся ненадолго к ним.

Мы знаем, что в первую ночь (с 16-го на 17 июля) трупы только привезли, раздели, одежду сожгли, тела сбросили в неглубокую шахту в районе Ганиной Ямы и забросали гранатами. Об этом в один голос утверждали непосредственные свидетели Юровский, Ермаков, Мейер и др. Это установили Соколов и Дитерихс.

Во вторую ночь (с 17-го на 18 июля) трупы извлекли из района Ганиной Ямы, перенесли южнее и решили уничтожить кислотой, а потом сжечь. Об этом свидетельствовали Юровский, Ермаков, Сухоруков. Это установили

Соколов и Дитерихс, нашедшие останки, как минимум, двух групп, но не придавшие им особого значения. На утро 18-го группы пусть и изуродованные, но материально ещё существовали и вторично захоронены не были. Следовательно, окончательное их уничтожение или захоронение могло произойти только в третью ночь (с 18-го на 19 июля). Вот тут надо читать внимательно.

Может, трупы вывезли раньше? Давайте установим, сколько было автомобилей в данном районе к исходу дня 18-го числа.

Первый грузовик (тот самый четырехтонный «фиат») прошел в очерченный нами треугольник рано утром 17-го с трупами. Вел машину Люханов, а в кабине сидели Ермаков и Войков. Грузовик дошел до Ганиной Ямы, там и застрял, буксовал и сжег весь свой бензин. Это место видел и описал Н. Соколов. Следовательно, этот грузовик никуда не уезжал и оставался там. Об этом свидетельствовали Юровский, Ермаков, Мейер, сторож железнодорожного поста № 184 Любухин, наконец, начальник гаража А. Леонов. Этот грузовик ушел отсюда лишь в ночь на 19-е последним.

18 июля через переезд № 184 проехало два грузовых автомобиля с бочками бензина и ящиками, в которых хранились керамические сосуды с серной кислотой. Один из них проехал в 7 часов утра, второй после обеда. Оба они останавливались у красноармейской заставы в 150 саженях к северу от железнодорожного переезда № 184. Там перенесли груз с автомобилей на телеги и увезли в сторону урочища Четыре Брата, а автомобили уехали порожними. Возможно, что это был один и тот же автомобиль, приезжавший дважды.

Во второй половине этого же дня сторожика Привалова на переезде № 803 Кунгурской ветки видела, как в сторону Коптяков прошла легковая машина с Голошекиным. Автомобиль остановился у будки переезда № 184 Горнозаводской железной дороги, и пассажиры ушли пешком. Они вернулись назад без Голошекина и какого-то либо груза, уехав вечером в Екатеринбург.

Следовательно, к концу 18 июля в районе урочища оставался лишь один автомобиль — тот, который пришел 17 утром с трупами, и они никаким другим транспортом с места не увозились. Вывод напрашивается сам: раздетые, обожженные и облитые кислотой трупы (добавим:

и не обезглавленные) еще материально существовали в южной части урочища.

Далее пошла третья ночь (с 18-го на 19 июля). Где-то во втором часу ночи приехал с подводами Юровский и привез веревки и шанцевый инструмент. Трупы вновь пытались уничтожить огнем и кислотой. На рассвете стало ясно, что принимаемые меры не приносят успеха, трупы погрузили на тот грузовик, что оставался все время на месте, и наконец грузовик был вытаскен, двинулись назад в город, чтобы проехать на Московский тракт к глубоким шахтам, которые днем обследовал Юровский. Читаем снова часть очень важных показаний сторожа поста № 184 В. Любухина: «Грузовой автомобиль, коробки и дроги проехали на город прямо от нашего переезда». Заметим главное: пересекли железную дорогу (Горнозаводскую ветку) и повернули в сторону города! Следовательно, автомобиль с трупами и все другие ушли из треугольника «Железная дорога — Ганина Яма — Коптяки» и оказались к югу от Горнозаводской ветки. Осознание этого факта очень важно, ибо показывает, что окончательное захоронение шло за пределами того треугольника, который указывал М. Дитерихс, и в этом месте никто не искал. Все были нацелены на район к северу от дороги, на тот роковой треугольник, начиная от следователя Наметкина и кончая самим Соколовым. А останки были перевезены на грузовике через Горнозаводскую дорогу.

Что же случилось дальше?

Вы это тоже знаете. Сторож В. Любухин: «Там в логу у них автомобиль застрял, кто-то взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик».

Снова Юровский: «Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно... Хотели сжечь Ал[ексея] и А[лександр] Ф[едоровну], по ошибке вместо последней с А[лексеем] сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина в два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того чтобы предотвратить смрад и разложение — яма была неглубокая. Забросав

землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы здесь не осталось».

Вот здесь тоже надо остановиться и порассуждать. Из этого свидетельства мы видим, что захоронения было два: в одном цесаревич Алексей и женский труп, который Юровский принял за Демидову, на самом деле это была Мария Николаевна, и в другом захоронении 11 остальных. Скорее всего, Юровский здесь запомнил, и первое захоронение он сделал накануне, когда проводились эксперименты с сожжением и кислотой, и эти два тела были захоронены севернее железной дороги. Поэтому-то Соколов и нашел останки. Но очевидно и то, что оставшаяся зола была собрана и позже сброшена в общее захоронение, иначе откуда бы в ней нашли два зуба, которые приписываются Алексею? Но это захоронение было уже южнее железной дороги, и Соколов его не нашел.

Э. Радзинский утверждает, что в конце записки по черком Юровского сделана приписка: «Коптяки в 18 в. от Екатеринбурга к северу-западу. Линия ж. д. проходит на девятой версте между Коптяками и Верхне-Исетским заводом. От места пересечения ж. д. погребены саж. в 100 ближе к Исетскому заводу». Странно, почему все читавшие эту записку до него и после него не видели этой приписки?

Мы можем точно зафиксировать место. С железнодорожного поста виден лог, где застрел автомобиль и где три с половиной часа (с полчетвертого до семи) копшились убийцы. Место это находилось к югу от поста. На карте оно точно обозначено даже у Вильтона и Дитерихса — «Поросенков лог». Это единственный лог, который виден с железнодорожного поста на юг. И снимок № 76 последнего издания книги Н. Соколова изображает его, причем отчетливо видны мостики из шпал. Есть еще одно фотографическое доказательство, которое, однако, было обнаружено позднее. В архивах историко-краеведческого музея в Екатеринбурге давно была известна фотография П. Ермакова 1920-х годов, изображающая его на дороге в лесной чаще. В свое время никто не обратил внимание, что на обороте имелась тщательно стертая карандашная надпись, сделанная корявым почерком полуграмотного человека. Ее содержание сводилось к тому, что вот он, Ермаков, стоит на том месте, где захоронена царская семья. И опять все те же шпалы на дороге.

Так что координаты пересеклись, место поисков было определено до радиуса 50—75 м. Такова была, если можно так сказать, теоретическая основа поисков.

Почему участники поисков были уверены, что там должны быть останки? Сам Юровский заявил, что утром 19-го останки еще существовали и уничтожить их огнем и кислотой не удалось. Современные эксперты ответили на этот вопрос: уничтожить останки до пепла теми средствами и при тех условиях было физически невозможно.

Теперь вернемся немного назад и попытаемся восстановить хронологию поисков. Основные методы начала исследований описаны довольно точно Г. Рябовым в журнале «Родина». Действительно, в августе 1976 года он приехал в тогдашний Свердловск по поручению самого министра внутренних дел СССР Щелокова. Известный в стране писатель должен был представить активу местного УВД одну из только что вышедших частей фильма «Рожденная революцией», снятую по его сценарию. В разговоре с руководящими работниками областного отдела внутренних дел он попросил показать ему исторические достопримечательности города, и в том числе место расстрела царской семьи — Ипатьевский дом. Работавший в то время заместителем начальника УВД области по политической части Н. Карлоханов свел его с краеведом и знатоком города — доктором геолого-минералогических наук геофизиком А. Авдониным. Так произошла встреча двух инициаторов поисков останков Романовых.

Однако при первом же разговоре выяснилось, что Г. Рябов в этом вопросе имел весьма поверхностные сведения — он даже не был знаком с книгой П. Быкова. Другое дело — А. Авдонин. Он занимался историей города давно и знал о расстреле предостаточно. Он разговаривал с М. Букиной, вдовой бывшего члена Уралоблсовета Б. Дидковского. Он слышал выступления одного из убийц — П. Ермакова. Знал А. Парамонова, того, который возил В. Маяковского в коптяковский лес. Наконец, он был знаком со старожилом Г. Лисиным, который мальчиком, вместе со своими товарищами, нанятый следователем Н. Соколовым, шарил в траве у Коптяков в поисках разбросанных предметов. В общем, А. Авдонин был по тем временам достаточно хорошо информирован в этом вопросе.

Именно в ту встречу и зашла речь о том, возможно ли найти захоронение останков расстрелянных? Исходя из политической ситуации, А. Авдонин ответил тогда, что это дело безнадежное, ибо время истины еще не настало. Но тем не менее, строго конфиденциально, договорились, что все же следует заняться расследованием, причем Г. Рябов взял на себя поиски документов, как человек, которому открыты спецхраны архивов, а Авдонин взял на себя организацию той части исследований, которая была связана с поисками на месте, причем к этой работе он привлек свою жену и техника-геолога Северной геолого-разведочной экспедиции М. Кочурова. Тогда, в 1977 году, они все вместе прошли по всей коптяковской дороге.

Точно так же, как в свое время у Н. Соколова, полевые поиски А. Авдонина и Г. Рябова замкнулись вначале в треугольнике «Железнодорожная ветка — Ганина Яма — Четыре Брата». Однако уже в конце 1977-го — начале 1978 годов с помощью адмирала в отставке А. Юровского — сына того самого Я. Юровского, Г. Рябов получил копию знаменитой записки 1921 года. Не сразу пришли искатели к выводу, что могилу надо искать южнее железнодорожной ветки, но записка их подтолкнула сильно. Кто высказал эту мысль первый: Г. Рябов или А. Авдонин, сказать сейчас трудно, скорее всего, Г. Рябов, который успел познакомиться с многими документами, но после этого озарения площадь поисков резко сузилась.

В летний сезон 1978 года А. Авдонин вместе с М. Кочуровым разыскали поросшую травой и кустарником старую коптяковскую дорогу и на вычисленном по документам отрезке стали проходить пробные скважины — желонкой — своеобразным металлическим штопором, который вгрызался в почвенный слой. Одна из скважин показала, что внизу древесина, вероятно шпалы, которыми в светлую ночь 19 июля 1918 года мостили большевики путь четырехтонному «фиату», нагруженному зловещим грузом.

На следующий год, в полевой сезон 1979 года, в районе настила из шпал колонковыми трубами, превращенными в буровые стаканы, диаметром 60 мм был поднят грунт с глубины 1—2 м. Пробы направлялись на анализ присутствия серной кислоты, той самой, что получили по записке П. Войкова 17 июля 1918 года. Когда

спустя некоторое время поступили результаты анализов, то оказалось, что в одной из проб, взятой с края участка, зафиксировано повышенное содержание серной кислоты. Площадь поисков сузилась до нескольких квадратных метров. После этого шестеро участников, а именно: Г. Рябов с женой Маргаритой Васильевной, А. Авдонин с женой Галиной Павловной, друг Рябова В. Песоцкий и Г. Васильев сделали пробное вскрытие предполагаемого захоронения. Попали в самый центр. Шпалы находились всего на глубине 40 см. Они были очищены от вышележащего грунта, промыты водой, и центральные из них подняты. Встреченное исследователями описано у Г. Рябова: «...кости, кости, целые скелеты, черепа... Мы достали три обгоревших от кислоты с пулевыми ударами, у кого на виске, у кого на темени...» Один из них Г. Рябов увез в Москву, два других остались у А. Авдонова. Такое документально не зафиксированное вскрытие и нарушение захоронения было, пожалуй, крупной ошибкой.

Но в 1979 году не было еще условий для того, чтобы предать находку даже ограниченной гласности. Поэтому работы и все полученные результаты хранились в строгой тайне очень узким кругом лиц. Объяснение этому дано все в той же нашумевшей статье Г. Рябова: «Десять лет назад, когда мы вскрыли могильник... я просто не мог обнаружить результаты своего расследования. Не те были времена... Никто не брался идентифицировать черепа и кости. Официальной санкции на это быть не могло, идти же на такое дело «по дружбе» нельзя». Заметим, что 18 октября 1977 года по секретному постановлению ЦК КПСС был снесен сам дом Ипатьева, о чем имеется пара строк в книге Б. Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему». Теперь опубликована и та записка (№ 2004-А) за подписью Ю. Андропова с предложением о сносе дома Ипатьева «в порядке плановой реконструкции города». Знаем мы фамилии тех, кто присутствовал в тот день 30 июля 1975 года на заседании: Андропов, Гречко, Кириленко, Косыгин, Кулаков, Кунаев, Пельше, Полянский, Щербинин. Брежнева хотя на заседании и не было, но ее текст был согласован с ним, о чем тоже есть пометка.

А что бы сделали в то время с находкой? Наверняка бы уничтожили, а исследователей под суд, как «врагов советской власти».

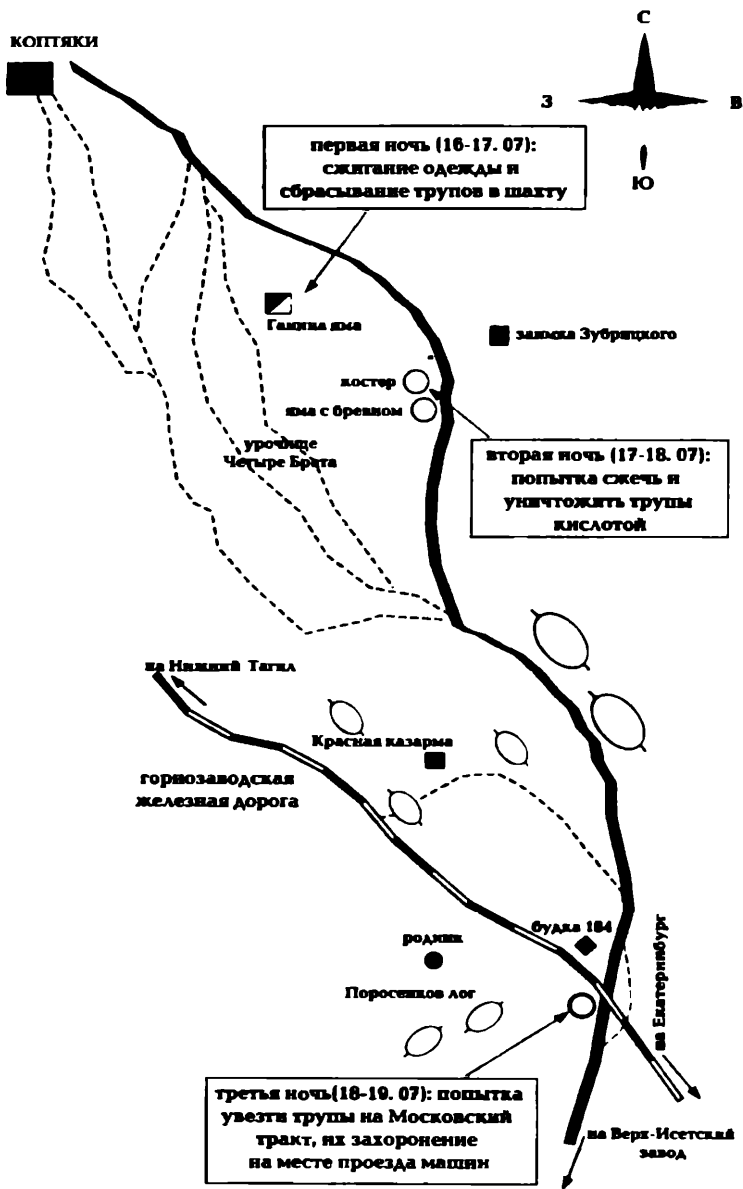

Схема района урочища
Четыре Брата и событий 17, 18 и 19 июля 1918 г.

Поэтому в июле 1980 года, сняв предварительно формопластовые слепки, черепа поместили в особую коробочку вместе с иконкой и вновь захоронили на том же месте. Снятие формы, думается, было второй крупной ошибкой исследователей.

Участники вскрытия после этого дали клятвенное обещание молчать до лучших времен, а буде таких не наберет в их жизнь, передать следующему поколению. Г. Рябов уехал в Москву, а А. Авдонин с товарищами скрупулезно и осторожно продолжали исследования, ревниво оберегая находку. Член группы В. Шевелин почти ежедневно в летнее время выезжал на место, проверяя, не копает ли кто поблизости. Собирал материал и Г. Рябов. Между ними шел интенсивный обмен информацией.

И вот статья 1989 года, которая, казалась, сняла обет молчания. На первых порах она вызвала оцепенение, а затем яростное неприятие всеми. Почитайте отклики хотя бы центральной прессы того апреля, и вы в принципе не найдете ни одного сочувствующего выступления. Пожалуй, наиболее резко выступил писатель В. Родионов. Смешав вместе все варианты гибели Романовых в одно целое, он отвергал находку безапелляционно.

Это всеобщее неверие следовало за находкой с момента первой публикации. Даже в сочувствующем журнале «Родина» параллельно статье Г. Рябова шел текст Г. Иоффе, отстаивавшем официальную версию уничтожения. Нало отдать должное, что Г. Иоффе нигде не усомнился в находке, но он о ней и не упомянул тоже. Полностью пренебрег этим на первых порах и Э. Радзинский, хотя все его публикации на русском языке в тот год прошли после статьи Г. Рябова. В своих книгах, изданных после 1991 года, он уже не мог замалчивать находку. Зато огромной статьей «Подлог» разразился уже упомянутый нами В. Демин. Для него останков Романовых нет — они сожжены без остатка большевиками, и все попытки найти их автор приравнял к кощунству. Не думал несгибаемый П. Ермаков, что он найдет такого верного последователя, как В. Демин. Да и Войков поразился бы — его тезис нашел верного пророка. Мало того, В. Демин прямо намекал на сотрудничество Г. Рябова с карательными органами бывшего СССР, а следовательно, это не иначе, как очередная

провокация чрезвычайки! Эту же идею развил дальше писатель И. Бунич в своем романе, прозрачно назвав главного копателя фамилией Рябченко.

Таким образом, в 1989 году, несмотря на всю гласность, сам факт открытия поддержки не получил ни со стороны общественности, ни со стороны государства. Туманное условие Г. Рябова о том, что место захоронения будет открыто в случае, если будут даны гарантии надлежащего погребения останков, повисло в воздухе. Очевидно, тогда время еще не настало. Страна, занятая своими проблемами, прошагала мимо этого сообщения.

Как бы компенсируя это недоверие к находке, в треугольник «Коптяки — Ганина Яма — урочище Четыре Брата» ринулись представители различных политических и религиозных организаций. Они лихорадочно перечитывали основные документы, изданные труды, но все подпадали под чары версии Соколова. Поистине колдовство какое-то! К счастью, никто из них не обратил внимания, что автомобиль переехал ветку железной дороги, а потом застрял. Но те, кто сделал это первооткрытие, отчетливо понимали, что их преимущество временное и рано или поздно кто-то из новых поисковиков выйдет на тот самый Поросенков лог. Недаром в статье журнала «Родина» автору пришлось как бы вскользь заявить, что захоронение закрыто асфальтовой дорогой совсем недавно. Эта мистификация удалась, никто шоссе ковырять не стал.

К весне 1991 года выяснилось, что Г. Рябов охладел к этой акции, и инициатива перешла к А. Авдониному. Большое значение сыграли политические события 1991 года. Приход к власти демократических сил позволил уже 23 мая этого года утвердить устав общественного благотворительного фонда «Обретение», и он был официально зарегистрирован 10 июля 1991 года. Этому предшествовало письменное обращение А. Авдонинова на имя президента РФ. Тот через своего помощника ознакомился с материалами и одобрил начатое дело. Не осталась в стороне областная администрация в лице Э. Росселя. Были выделены хотя и незначительные, но ассигнования, и оказано всяческое содействие в работе.

Благосклонное отношение и поддержка властей всех рангов позволила начать тщательную подготовку к официальному вскрытию могильника. 12 июля 1991 года это

событие состоялось, и оно подробно описано в прессе. Лица, производившие непосредственный раскоп — заведующая лабораторией археологии УрО АН СССР Л. Корякова и ее муж, научный руководитель аналогичной лаборатории университета, И. Коряков, — в деталях изложили весь процесс, и он тоже опубликован в прессе. Извлечение останков шло по всем правилам науки, при всех необходимых понятиях, с присутствием органов прокуратуры и МВД и с полной съемкой всего процесса на видеокамеру.

Нас в первую очередь интересует, что добавило вскрытие могильника к событиям третьей ночи. Эксперты-археологи дали на это конкретный ответ: «Судя по расположению костяков, убитых бросали в яму как попало. Видимо, первым был брошен человек, лежавший в нижнем углублении дна (№ 8), на чертеже виден только свод черепа; его кости, лежавшие в черном обугленном слое, оказались разрушенными наиболее сильно. Сверху на него «валетом» бросили еще одного (скелет № 9, череп разломан поперек лицевой части). Так как рост человека превышал ширину ямы, ноги были согнуты в коленях. Рядом с двумя предыдущими лежал человек (№ 3), в черепе которого имелось круглое отверстие диаметром около 20 миллиметров. Затем, видно, в яму бросили людей под номером 2 и 7. Первый из них лежал ничком, на костях ног сохранились остатки толстой веревки. Такой же веревкой были связаны ноги еще одного человека (№ 5), лежавшего наискось. Скорее всего, он был брошен в яму последним. Перед ним вдоль западной стенки ямы бросили 4-го, затем опять наискось — 6-го и 1-го (вдоль восточной стенки)... у трех скелетов (№ 1, 5 и 6) черепа отсутствуют... На всех скелетах имеются следы насилия и посмертного надругательства: лицевые части черепов разбились... многие кости сломаны, обнаруженные круглые отверстия — явно огнестрельного происхождения (при дальнейших исследованиях в костях и мягких тканях были найдены пули)». Здесь сразу следует отметить, что недостающие три черепа — это те, что были изъяты в 1978 году. Они тоже находились в захоронении, но в отдельной коробочке. Сомневающиеся сразу за это ухватились: не иначе, как эти черепа привезены из Москвы и подброшены!

Вскрытие проводилось без присутствия представителей средств массовой информации, но разве можно

в наше время что-то сделать тайно. Слухи о вскрытии, как в свое время слухи о расстреле, поползли по городу. В сквере у центрального универмага — «вече» местного значения — неистовствовали монархисты и представители разношерстных групп. 18 июля, почти через неделю, журналист областной газеты «Уральский рабочий» Т. Курашова обратилась в облсовет с запросом, но рядовые сотрудники этого учреждения были в неведении. «Сигнал» запроса пошел по линии, и вечером того же дня средства массовой информации получили ответ от тогдашнего председателя облсовета Э. Росселя: «...произошло вскрытие предполагаемого места захоронения останков семьи последнего российского императора и его прислуги». 19-го появилась первая заметка с ссылкой на то, что еще поздней ночью 16 июля на поминальном собрании по ипатьевским мученикам прозвучала информация об этих раскопках. 25 июля появилась заметка в «Известиях», ну а дальше опять обрушился шквал укров, опровержений, обвинений. Когда 26 июля во Дворце молодежи была организована пресс-конференция, то на ней присутствовали почти все те, кто в течение десятилетия держал тайну в себе. Делу был дан официальный ход и присвоен номер 13/3, позже на уровне Федерации ему присвоят № 18/123666-93.

А дальше пошла экспертиза. Кропотливая, долгая, тщательная. Лучшие из лучших судебно-медицинских и иных экспертов бывшего СССР были привлечены к этому делу, и они медленно приближались к убеждению, что это действительно останки Романовых и их приближенных. Но противники этой версии неистовствовали: налицо зависимая экспертиза, она действует по указке заинтересованных лиц, надо приглашать иностранцев. Пригласили иностранцев. Бригада экспертов из полиции Нью-Йорка во главе с известным профессором Флоридского университета Уильямом Мейлсом 23, 24 и 25 июля 1992 года исследовала останки и на заключительной конференции в присутствии огромного стечения своих и зарубежных репортеров зачитала свое заключительное слово. Вот только один, самый важный для нас абзац, так как он зачитывался там:

«Скелет № 1 согласуется с Демидовой;
скелет № 2 согласуется с врачом Боткиным;
скелет № 3 согласуется по возрасту с Ольгой;

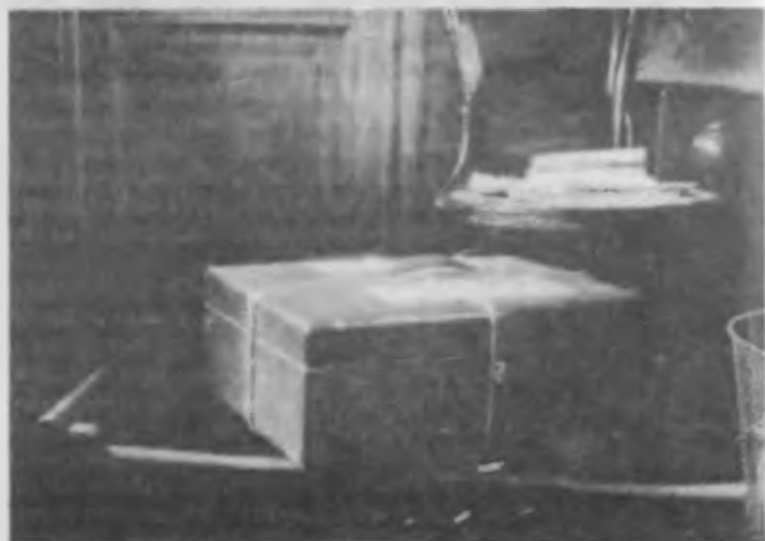
скелет № 4 согласуется с царем Николаем II;
скелет № 5 согласуется по возрасту и росту с Марией
(позже эксперты склонились к мнению, что это останки
Анастасии);

скелет № 6 согласуется по возрасту и росту с Татьяной;
скелет № 7 согласуется с Александрой;
скелет № 8 возможно, был слуга, мужчина;
скелет № 9 возможно, тоже слуга, мужчина».

Тогда противники признания останков подлинными стали настаивать на анализы по ДНК. К этому выводу нетрудно было прийти, ибо и американские эксперты рекомендовали то же самое. Образцы останков были посланы в знаменитую английскую лабораторию в Олдермастоне. Сам супруг английской королевы принц Филипп отдал свою кровь для сравнения, ибо он тоже имел гессенскую кровь. Лаборатория подтвердила: да, с большой степенью вероятности можно сказать, что это Романовы. Так что здесь вопрос можно считать закрытым. Пошли новые анализы, проверочные, повторные, и все сходилось на одном — это останки ипатьевских узников. Мы теперь можем сказать: «Правда твоя — правда навеки».

Дом Апатверцы в Екатеринбургe, в котором
пожизненно было семейство Романовых

Дом особого назначения

«Тот самый» сафьяновый кофр Александры Федоровны,
в котором следователь Н.А.Соколов увезет найденные им
костные останки

Интерьер одной из комнат дома Ипатьева после ухода красных

Подвал дома Ипатьевых,
где были расстреляны Романовы и их приближенные
(штукатурка со следами пуль увезена белыми при отступлении)

Цареубийцы:
Петр Ермаков,
Павел Медведев

Цареубийцы:
Яков Юровский,
Григорий Никулин

Генерал Гайда обходит строй почетного караула перед встречей адмирала Колчака на перроне железнодорожной станции Екатеринбург-1 (8 мая 1919г.)

Парад белых войск на Кафедральной площади в Екатеринбурге (25 июля 1918 г.)

Первый ряд (слева направо): командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р.Гайда; верховный правитель - адмирал А.В.Колчак; руководитель расследования убийства бывшей царской семьи генерал-лейтенант М.К.Дитерихс; генерал-майор С.А.Домонтович

Следственная бригада Н.А.Соколова за работой

Вместо эпилога

«Перед униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь, как некогда склонились киевляне перед умученным ими преподобным князем Игорем, как владимирцы и суздальцы перед убитым великим князем Андреем Боголюбским.

Тогда Царь-страстотерпец возьмет дерзновение к Богу, и молитва его спасет русскую землю от переносимых ею бедствий».

Иоанн, Епископ Шанхайский.

Из проповеди, сказанной 3 июля 1938 года

«И русская Церковь и самая широкая общественность должны возвысить голос, чтобы останки царской семьи были по христианскому обряду преданы земле там, где были найдены,— не под звуки военных маршей и патриотических гимнов, а под пение панихидное, в тишине уральских лесов и болот».

Никита Струве.

Из статьи «К обретению останков царской семьи»

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдонин А. Тайна старой Коптяковской дороги//Источник, 1994, № 5. С. 60—76.
- Алексеев Вениамин. Гибель царской семьи. Мифы и реальность. Екатеринбург, 1993.
- Бернс Барбара. Алексей — последней царевич. М., 1993.
- Буранов Ю., Хрусталеv В. Гибель царской семьи.— М., 1992.
- Быков П. М. Последние дни Романовых.— Свердловск, 1926: 1990.
- Вильтон Р. Последние дни Романовых.— Берлин, 1923.
- Воробьев Н. Последние дни Романовых//Прожектор, 1928, № 28.
- Демин В. Подлог//Царь-Колокол, 1990, № 2.
- Дитерихс М. И. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале (в 2 т).— М., 1991.
- Дневник императора Николая II.— М., 1992.
- Дориа де Дзулиана Мариолина. Царская семья: Последний акт трагедии.— М., 1991.— С. 206.
- Жильяр П. Император Николай II и его семья.— Вена, 1921.
- Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии.— Франкфурт на Майне, 1973.
- Иоффе Г. Дом особого назначения//Родина, 1989, № 4—5.
- Иоффе Генрих. Революция и семья Романовых.— М., 1992.
- Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз.— М., 1982.
- Киселев, протоиерей Алексей. «...Памяти их из рода в род».— Нью-Йорк, 1981.
- Курочкин И. Тобольский узелок.— Пермь, 1971.
- Лешкин Н. Последний рейс Романовых. Сб. Рифей. Челябинск, 1989.
- Мельгунов С. Н. Судьба императора Николая II после отречения.— Нью-Йорк, 1991.
- Мэсси Р. Николай и Александра.— М., 1990.
- Непеин И. Перед расстрелом. Последние письма царской семьи.— Омск, 1992.
- Последние дни Романовых. Сборник.— Свердловск, 1991.
- Последние дни Романовых. Сборник.— М., 1991.
- Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи.— М., 1992.
- Пайпс Ричард. Русская революция.— Т. 2.— М., 1994.
- Платонов Олег. Убийство царской семьи.— М., 1991.
- Попов В. Л. Идентификация останков Царской семьи Романовых.— СПб., 1994.
- Радзинский Э. Расстрел в Екатеринбурге//Огонек, 1989, № 21; 1990, № 2 и № 38.

- Радзинский Э. «Господи... Спаси и усмири Россию». Николай II: Жизнь и смерть.— М., 1993.
- Радзинский Э. Николай II: жизнь и смерть.— М., 1997.
- Раскопки на лесной поляне//Наука Урала, 1991, № 31.
- Росс Н. Гибель Царской семьи.— Франкфурт на Майне, 1987.
- Рябов Г. Земля выдала тайну//Московские новости, 1989, 16 апреля.
- Рябов Г. «Принуждены Вас расстрелять...»//Родина, 1989, № 4—5.
- Рябов Г. Возвращение в Петроград//Родина, 1989, № 12.
- Рябов Г. Желаящих не нашлось//Родина, 1990, № 7.
- Summers Anthony and Tom Mangold. The File on the Tsar. London, 1990.
- Соколов Н. Убийство царской семьи.— М., 1990.
- Таина царских останков. Сборник.— Екатеринбург, 1994.
- Убийство царской семьи. Сборник.— Свердловск, 1991.
- Ферро Марк. Николай II.— М., 1991.
- Хейфец Михаил. Цареубийство в 1918 году.— М., 1992.

Зайцев Георгий Борисович

РОМАНОВЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ.

78 ДНЕЙ

Документальное повествование

Редактор Е. Зашихин

Художник С. Григорькин

Художественный редактор В. Мамаев

Технический редактор Т. Кочева

Корректор М. Худякова

Сдано в набор 18.02.98. Подписано в печать 30.06.98.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 5000. Заказ 107.

Издательство «Сократ», ЛР № 063579 от 01.09.94.

620219, Екатеринбург, пр. Ленина, 49.

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, Тургенева, 13.

ЗАЙЦЕВ Георгий Борисович

Родился в 1929 году в городе Харбине
в верующей монархической семье

Отец — высококвалифицированный механик,
мать — дочь бывшего владельца магазина
«Восточные сладости» в Санкт-Петербурге.

Оканчил французскую школу в Шанхае в 1946 году.

В 1947 году с волной репатриантов приехал в СССР.

В 1970 году с отличием окончил

Уральский государственный университет
по специальности «искусствовед».

Защитил кандидатскую диссертацию на тему
«Жизнь и творчество художника А.И. Корзухина».

Автор многих статей в газетах и журналах,

а также трех книг. В настоящее время —

доцент кафедры музееведения университета

Один из учредителей общественного

благотворительного фонда «Обретение»,

занимающегося нахождением и увековечением

останков семьи Романовых и их приближенных

Впервые фрагменты из книги «Семьдесят восемь дней»

были опубликованы с продолжением в тюменской

газете «Наше время» в 1993 году. В том же году

был опубликован сокращенный вариант этой работы

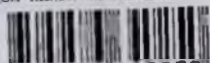
в журнале «Урал», № 6.

Полный вариант книги

предлагается читателю впе

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОКРАТИ

Дом книги на Соколе

9785886640250

Зайцев Г.Б. Романовы в
Екатеринбурге. 78

4974